

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8

ИСТОРИЯ

№ 1 • 2020 • ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Бугаева Н.В. Цицерон в творчестве Тита Помпония Аттика: «Записки» и надписи в Амальтее.	3
Борисов Н.С. Менталитет древнерусского книжника: новые фокусировки проблемы	21
Бежанидзе Г.В., Фирсов А.Г. Министерская реформа и «Двойное министерство»: попытка создания религиозного ведомства в России в первой четверти XIX в.	29
Беклемишева М.М. Балканское направление в деятельности А.А. Башмакова	46
Саломатина С.А., Парфирьев Д.С. Региональная банковская элита Российской империи: Поляковы и Орловский коммерческий банк, 1872–1908 гг.	68
Слесарев И.Ю. Французская пропаганда в США в годы Первой мировой войны	95
Абрамов А.В. Расширение полномочий ВЧК на северо-западе России в 1921 г.: результаты, общественная реакция	111
Чжуан Юй. Изменения в советской политике в области культуры и театральная цензура в 1946–1956 гг.	128
Пугачёва И.В. Византийская икона как особо почитаемый образ в Италии XIII в.: на примере сиенской Одигитрии из церкви кармелитов	145
Забродина Е.А. История изучения Гентского алтаря: влияние локализации створок полиптиха на исследовательскую позицию в 1432–1945 гг.	158

CONTENTS

Bugaeva N.V. Cicero in the Works by Titus Pomponius Atticus: <i>Commentarii</i> and Inscriptions in Amaltheum	3
Borisov N.S. The Early Rus Bookmen's Mentality: New Focuses	21
Bezhanidze G.V., Firsov A.G. The Ministerial Reform and the "Double Ministry": an attempt to Establish a religious department in Russia in the first quarter of the 19th century	29
Beklemisheva M.M. The Balkan Area of Alexander Bashmakov's Activities	46
Salomatina S.A., Parfir'ev D.S. The Regional Banking Elite of the Russian Empire: the Polyakovs and the Oryol Commercial Bank, 1872–1908	68
Slesarev I.Y. French propaganda in the USA during the First World War	95
Abramov A.V. Extension of the Authority of the Cheka in the North- West of Russia in 1921: Results and Public Reaction	111
Zhuang Yu. Changes in Soviet Cultural Policy and Theatrical Censorship in 1946–1956.	128
Pugacheva I.V. The Byzantine Icon as a Particularly Revered Image in the 13th-century Italy: The Case of the Hodegetria from the Carmelite Church in Siena.	145
Zabrodina E.A. The History of the Study of the Ghent Altarpiece: The Influence of the Localization of the Polyptych Wings on the Research Position in 1432–1945	158

Н.В. Бугаева *

**ЦИЦЕРОН В ТВОРЧЕСТВЕ ТИТА ПОМПОНИЯ АТТИКА:
«ЗАПИСКИ» И НАДПИСИ В АМАЛЬТЕЕ**

N.V. Bugaeva

**CICERO IN THE WORKS BY TITUS POMPONIVS ATTICUS:
COMMENTARII AND INSCRIPTIONS IN AMALTHEUM**

Аннотация. Практически сразу после подавления заговора Катилины Марк Туллий Цицерон инициирует написание разными людьми нескольких поэм и как минимум одного исторического сочинения в свою честь. Едва ли не единственным, кто оправдал надежды Цицерона, был его лучший друг — Тит Помпоний Аттик. Он посвятил консулату Марка Туллия труд на греческом языке и надписи (*epigrammata*) в Амальтее. «Записки» Аттика освещали события 63 г. до н.э. схоже с утраченным сочинением Цицерона. О влиянии «Записок» на современников почти ничего не известно. Будучи кропотлив и тщателен как автор, Тит Помпоний не обладал выдающимся литературным талантом, однако другое его произведение, “Imagines” (образы, портреты), наряду с «Гебдомадами» Марка Терренция Варрона легло в основу нового жанра — собрания портретов выдающихся людей с краткими стихотворными подписями. Отдаленным предшественником “Imagines” были помещенные в эпирском поместье Аттика надписи в честь Цицерона, текст которых составил сам друг великого оратора. Обращение к *epigrammata* может помочь уяснить, кроме прочего, суть и типологию Амальтея — таинственного сооружения или архитектурного комплекса. Насколько позволяет судить античная традиция, утрачены стихи на греческом языке, восхваляющие Цицерона, консула 63 г. до н.э., спасителя Вечного города от резни и поджогов. Несмотря на то что впоследствии Аттик сделался ревнителем отеческой старины, в юности он был эллинофилом и у него отсутствовали причины демонстративно воспроизводить на греческой вилле идеализированный Рим. Гипотеза об Амальтее как «галерее славы» и непосредственном прототипе форума Августа не может быть принята. Язык надписей заставляет искать аналогии в эллинской традиции эпиграммы, скудность информации препятствует сколько-нибудь уверенно реконструировать Амальтею. Отсутствуют доказательства того, что он представлял собой регулярное пространство,

---

* Бугаева Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира МГУ имени М.В. Ломоносова.

Bugaeva Natalia Vladimirovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Ancient World History, Moscow Lomonosov State University

+7-495-939-33-05; cethegilla@gmail.com

с упорядоченной последовательностью статуй или бюстов. Наличие там портрета Цицерона хотя в высшей степени вероятно, но источниками не подтверждается.

Ключевые слова: заговор Катилины, Герод, Варрон, Гебдомады, эпиграммы, элогию форума Августа.

Abstract. Almost immediately after the suppression of the Catiline conspiracy, Marcus Tullius Cicero stimulated several poems, composing by different people, and at least one historical work in his honor. Perhaps the only one who lived up to Cicero's expectations was his best friend, Titus Pomponius Atticus. He devoted a work in Greek and Amaltheum inscriptions (*epigrammata*) to the consulate of Marcus Tullius. Atticus *Commentarii* covered the events of 63 BC in the vein of the perished work of Cicero himself. Almost nothing is known about the influence of the *Commentarii* on his contemporaries. A painstaking and meticulous author, Titus Pomponius did not have outstanding literary talent, but his work titled *Imagines* (images, portraits) along with Marcus Terence Varro's *Hebdomades* formed the basis of a new genre, collections of literary portraits of prominent persons with short poetic passages. Distant predecessors of *Imagines* were the inscriptions in honor of Cicero written and placed by Atticus in his estate in Epiros. The study of *epigrammata* can help clarify the essence and typology of Amaltheum, a mysterious building or architectural complex. The ancient tradition allows us to conclude that the poems in Greek, praising Cicero, the consul of 63 BC saving the Eternal City from massacres and arsons, has been lost. Despite the fact that subsequently Atticus became a zealot of fatherly antiquity, he was a Hellenophile in his youth, and he had no reason to ostentatiously reproduce idealized Rome in the Greek villa. Hypothesizing Amaltheum as a "gallery of glory" and direct prototype of the forum of Augustus is unacceptable. The language of the inscriptions compels us to search for analogies in the Hellenic tradition of epigram. Scarce information gives no chance to reconstruct Amaltheum in any way. There is no evidence that it was a regularly planned space with a meaningful sequence of statues or busts. It was highly probable (although not confirmed by any source) that there was Cicero's portrait.

Keywords: Catiline conspiracy, Herodes, Varro, *Hebdomades*, *epigrammata*, *elogia* of the *Forum Augustum*.

* * *

Марк Туллий Цицерон предусмотрительно позаботился о том, чтобы еще при жизни увековечить свои деяния в художественных произведениях. В конце 60-х гг. до н.э. он обращался к знаменитому философу Посидонию Родосскому (Cic. Att. II. 1. 2), рассчитывал Отец Отечества и на поэтов Архия и Фиила (Cic. Pro Arch. 28; 31; Att. I. 16. 15), а после возвращения из изгнания писал историку Лукцию (Cic. Fam. V. 12)¹. Результат был неизменен: искомого он не получил.

---

¹ Подробно см.: Бугаева Н.В. Персонаж в поисках авторов: три ненаписанных сочинения о консульстве Цицерона // Вестник древней истории. 2018. № 3. С. 561–580.

Едва ли не единственным исключением стало творчество его лучшего друга — Тита Помпония Аттика. Хотя тот остался в памяти потомков прежде всего благодаря близости к Цицерону, современники признавали за его ныне утраченными трудами определенные достоинства. Корнелий Непот сообщает следующее: «Кроме того, он [Аттик] рьяно подражал нравам предков и был любителем старины (*moris etiam maiorum summus imitator fuit antiquitatisque amator*), которую он тщательно изучил и описал в книге, посвященной порядку магистратур. Нет такого закона, или мирного договора, или войны, или славного подвига римского народа, которые бы не отмечались здесь в свой срок. В конце книги он поместил семейные родословия, требующие большого труда и позволяющие нам познакомиться с происхождением знаменитых мужей»² (*Nep. Vita Att. 18. 1–2*). Непот упоминает и другие книги, содержащие генеалогии знатных родов — Юниев, Клавдиев Марцеллов, Фабиев и Эмилиев (*Ibid. 3–4*). Вероятно, образцом служила первая, где «перечислены все члены семейства Юниев от его начала до последних лет и отмечено по порядку, кто от кого родился, когда и какие магистратуры занимал» (*Ibid. 3*).

Согласно биографу, Аттик также был автором написанной по-гречески книги о консульстве Цицерона (*unus liber Graece confectus, de consulatu Ciceronis*) (*Ibid. 6*)³ и пробовал силы в поэзии (*Ibid. 5*). Хотя большая часть сведений о творчестве Тита Помпония происходит из сочинений великого оратора (*Cic. Brut. 13–15; 19; 42–44; 72–74; Orat. 120; Att. II. 1.1; XII. 23. 2*), его трудами пользовались Корнелий Непот (*Nep. Hann. 13. 1*)⁴, Плиний Старший (*Plin. NH. I. 7; XXXV. 11*), Асконий (*Ascon. Corn. 60St; Pis. 19St*), Солин (*Solin. I. 27*), автор Веронских схолий к «Энеиде» (*Schol. Veron. Aen. II. 717*)⁵. Внимание исследователей привлечено главным образом к «Анналам»⁶. В высшей степени вероятно, что там упоминался консулат Цицерона⁷, однако

---

² Здесь и далее в неговоренных случаях перевод «Жизнеописания Аттика» Н.Н. Трухиной.

³ Ср.: *commentarium consulatus mei Graece scriptum* (*Cic. Att. II. 1. 1*).

⁴ См. об этом, в частности: *Geiger J. Cornelius Nepos and ancient political biography*. Stuttgart, 1985. P. 99–100, 108.

⁵ Делались также попытки возвести к Аттику некоторые сведения Веллея Патеркула (*Byrne A.H. Titus Pomponius Atticus. Chapters of biography*. Lancaster, 1920. P. 50–51).

⁶ Е.г.: *Münzer F. Atticus als Geschichtschreiber // Hermes*. 1905. Bd. 40. S. 50–100; *D'Anna G. Alcune considerazioni sulla fortuna del "Liber Annalis" di Attico: Attico fonte di Gellio? // Studi Urbinati, n.s.* 1975. Vol. 49. P. 331–470; *Marshall A. Atticus and the genealogies // Latomus*. 1993. Vol. 52. P. 307–317.

⁷ «Анналы» впервые упоминаются в «Бруте», написанном между 47 и 46 гг. до н.э. (*Cic. Brut. 13–16; 19; 27–28; 42–44; 72–74*). В «Ораторе» (46 г. до н.э.) Цицерон говорит о собранной Аттиком памяти 700 годов (*annorum septingentorum memoriam*) (*Cic. Orat. 120*). Даже если это преувеличение, поскольку книга посвящена М. Туллию

мы хотели бы обратиться к произведениям, посвященным исключительно «звездному часу» друга, а именно, к уже упомянутой «книге, написанной по-гречески» и таинственным надписям в Амальтее.

В июне 60 г. до н. э. (Cic. Att. II. 1. 1) Марк Туллий радуется, что в конце мая вручил для передачи Аттику записки о своем консульстве (Ibid.; 20. 6). Если не считать «открытого письма» Гнею Помпею⁸, это была первая попытка серьезного анализа событий 63 г. до н.э. главным их участником⁹. Примечательно, что Цицерон создавал «Записки» не на латыни (*de isdem rebus Graece item scriptum librum*), рассчитывая на широкое распространение книги в цивилизованной ойкумене (Ibid. II. 1. 1). Своему произведению великий оратор дает самую лестную оценку (Ibid.), по отношению же к присланному труду Т. Помпония дипломатичен: «Хотя твое изложение (я прочел его с удовольствием (*libenter*)) показалось мне несколько взъерошенным и непричесанным (*horridula mihi atque incompta*), но его украшает именно пренебрежение к украшениям (*ornata hoc ipso quod ornamenta neglexerant*), подобно тому, как женщины кажутся хорошо пахнущими именно оттого, что они ничем не пахнут»¹⁰ (Ibid.). Отсюда можно сделать вывод, что особыми художественными достоинствами труд Аттика не отличался. О содержании мы судим со слов Цицерона: «если бы я прочел твою книгу раньше, то ты сказал бы, что я обокрал тебя (*si ego tuum ante legissem, furatum me abs te esse diceres*)»¹¹ (Ibid.).

(Cic. Brut. 13-16), вряд ли Аттик упустил возможность увековечить друга как великого государственного деятеля. А.Х. Бирн считала, что «краткий и важный отчет о консульстве Цицерона (7. 116-117), подчеркивание принадлежности Цицерона к классу всадников и его служба классу во время консульства (23. 34) были почерпнуты либо из мемуаров, либо из их краткого резюмирования в «Анналах» Аттика» (Byrne A.H. Op. cit. P. 36). По мнению М. Шанца, «Анналы» могли заканчиваться 49 г. до н.э. (Schanz M. Geschichte der Römischen Litteratur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian. T. 1. Die Römischen Litteratur in der Zeit der Republik. München, 1890. S. 163).

⁸ См.: Бугаева Н.В. Письмо Цицерона Гну Помпею *De rebus suis in consulatu gestis* // Восток, Европа, Америка в древности. Сборник научных трудов XVIII Сергеевских чтений / Под ред. И.А. Ладынина. М., 2014. С. 234-239.

⁹ Одновременно Цицерон готовится издать собрание консульских речей, куда вошли Катилинарии (Cic. Att. II. 1. 3).

¹⁰ Здесь и далее в неоговоренных случаях переписка Цицерона в переводе В.О. Горенштейна.

¹¹ Античная традиция не дает оснований считать, что «Записки» (а, следовательно, труд Аттика) были стихотворными. Ср. мнение М.Е. Грабарь-Пассек, что великий оратор «в 60 г., опьяненный своим успехом в борьбе с Катилиной, сочинил поэму «О своем консульстве», которую Аттик перевел на греческий язык» (Грабарь-Пассек М.Е. Цицерон // История римской литературы. Т. 1. Ранняя римская литература, литература конца Республики, литература начала Империи / Под ред. С.И. Соболевского и др. М., 1959. С. 179).

Подобное сходство объясняется целым рядом обстоятельств. Сочинение писалось в честь М. Туллия; есть предположение, что оно должно было вновь скрепить дружбу¹². Политические взгляды респондентов во многом совпадали. Аттик играл важную роль в критические декабрьские ноны 63 г. до н.э. (Ibid. 7), будучи не только очевидцем, но и участником событий. Т. Помпоний читал «Записки» Цицерона, последний недвусмысленно об этом свидетельствует: «Как ты намекаешь мне в другом письме, ты ее [книгу] бегло просмотрел на Коркире, затем же, как я полагаю, получил от Коссиния (quem tu Corcyrae <...> strictim attigisti, post autem <...> a Cossinio accepisti)» (Ibid. II. 1. 1; ср.: Ibid. I. 19. 10; 20. 6). Мы разделяем мнение, что Аттик ознакомился с «Записками» в нескольких редакциях (Ibid. 19. 10; 20. 6; II. 1. 1)¹³, хотя едва ли первый вариант был послан для критики¹⁴. Специфика жанра, предполагающего безыскусность и «непричесанность», не помешала Цицерону «отшлифовать» текст. «Записки» Т. Помпония приближались к традиционному «commentarius» не только в силу спешки¹⁵: отмечалось соответствие вкусам автора¹⁶. Э. Драммонд считал, что прежде всего излагались факты; таким образом, Аттик притязал на восприятие книги как беспристрастного отчета хорошо информированного лица¹⁷. Все-таки, если лучший друг хвалит только отсутствие вычурности, это определенный симптом. Г. ван дер Блом думает, что Цицерон был не удовлетворен излишне смягченным (much too subdued) трудом¹⁸; но в письме речь идет больше о форме, чем о содержании.

Близкое сходство с утраченными «Записками» М. Туллия позволяет судить об освещении Атиком кризиса 63 г. до н.э., ведь двумя месяцами раньше Отец Отечества напоминал ему о своей «некоей исключительной и бессмертной славе (eximiam quandam atque immortalem gloriam)» (Ibid. I. 19. 6). Другим косвенным свидетельством служит фраза Цицерона о положении государства, которое Т. Помпоний полагал обеспеченным его решениями, а сам он — про-

---

¹² Drummond A. T. Pomponius Atticus // *Fragments of the Roman historians*. Vol. 1. Introduction / Ed. by T.J. Cornell. Oxford, 2013. P. 346.

¹³ Ibid.

¹⁴ Phillips J.J. Atticus and the Publication of Cicero's Works // *Classical World*. 1986. Vol. 79. P. 228.

¹⁵ Drummond A. T. Pomponius Atticus. P. 346.

¹⁶ Ibid. Т. Рейнак подчеркивал «аттическую скудность (attica... jejunitate)» друга Цицерона (Reinach Th. De Archia poeta. Parisii, 1890. P. 44).

¹⁷ Drummond A. T. Pomponius Atticus. P. 346.

¹⁸ Van der Blom H. Cicero's role models. The political strategy of a newcomer. Oxford, 2010. P. 300.

мыслом богов (*rei publicae statum illum, quem tu meo consilio, ego divino confirmatum putabam*) (Ibid. 16. 6; ср.: Ibid. VII. 1. 4). Безусловно, роль консула была героизирована; можно поддержать гипотезу, что прочие друзья Аттика (в особенности Катон Младший) также упоминались в лестном контексте¹⁹.

«Записки» Цицерона — главного участника событий и «красноречивейшего из потомков Ромула» (*Catul. II*) — лишили труд Аттика шансов дойти до нашего времени²⁰. Вероятно, сам автор не предпринимал усилий по широкому его распространению, довольствуясь кругом политического истеблишмента. Относительно следов этого сочинения в античной традиции исследователи расходятся во взглядах. А.Х. Бирн усматривала в пассаже «Естественной истории» Плиния Старшего о консульстве Цицерона (*Plin. NH. VII. 116–17*) влияние либо «Записок» Т. Помпония, либо краткой «выжимки» из них в «Анналах»²¹; тогда как Э. Драммонд отвергал подобные догадки как необоснованные²².

Единственным более-менее надежно фиксируемым отголоском общественного резонанса является эпизод с Геродом. Человека (или нескольких) под этим именем мы встречаем в переписке великого оратора (*Cic. Att. II. 2. 2; VI. 1. 25; XIV. 16. 3; 18. 4; XV. 16; 27. 3; XVI. 3. 2; ср.: Plut. Cic. 24*). Т. Мюнцер полагал, что в *Att. II. 2. 1* речь идет об управляющем (*Geschäftsführer*) Аттика²³; В.О. Горенштейн видел в нем учителя сына Цицерона²⁴. Последний советовал другу обратиться к сочинениям философа Дикеарха о государственном устройстве Афин и Коринфа: «Говорю тебе, прочти; уверяю тебя, это удивительный муж. Будь Герод человеком, он предпочел бы читать его, вместо того, чтобы написать хотя бы одну букву самому. В меня он метнул посланием (*me epistula petivit*), а с тобой, как вижу, схватился врукопашную (*ad te ... comminus accessit*). Я предпочел бы участвовать в заговоре, вместо того, чтобы противодействовать ему, если бы предполагал, что мне придется его слушать (*coniurasse mallet quam restitisse coniurationi, si illum mihi audiendum putassem*)» (*Cic. Att. II. 2. 2*). В.О. Горенштейн поясняет, что Герод «написал историю консульства Цицерона, и по-

¹⁹ *Drummond A. T. Pomponius Atticus. P. 346.*

²⁰ *Ibid. P. 346–347.*

²¹ *Byrne A.H. Op. cit. P. 36.*

²² *Drummond A. T. Pomponius Atticus. P. 346–347. Cf.: Ibid. P. 346, n. 9.*

²³ *Münzer T. Herodes 8 // Pauly's Real-Encyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft. Hb. 15 / A. Pauly, G. Wissowa, W. Kroll, K. Witte, K. Mittelhaus, K. Ziegler (Hrsgg.). Stuttgart, 1912. Col. 920.*

²⁴ *Горенштейн В.О. Прим. 7 к Att. XVI. 3 // Цицерон М. Туллий. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бругу. Т. 3. М., 1994. С. 674.*

следнему предстояло прослушать чтение этого произведения»²⁵. Мы разделяем взгляд, что сочинение было посвящено событиям 63 г. до н.э., и М. Туллий имел в виду рецитацию (непонятно, где и кем устроенную). Какую форму принял труд? Упоминание Дикеарха склоняет в сторону прозы и порождает аллюзии на письмо к Лукцею (Cic. Fam. V. 12), которое датируется 53 г. до н.э., но уже в конце 60-х гг. до н.э. Отец Отечества пытается сподвигнуть на близкое по замыслу сочинение Посидония Родосского (Cic. Att. II. 1. 2). М. Туллий говорит о послании (epistula) Герода. Здесь можно провести аналогию с «открытым» письмом Помпею, характеризующимся схолиастом как «письмо немалых размеров, написанное наподобие свитка (epistulam non mediocrem ad instar voluminis scriptam)» (Schol. Bob. ad Cic. Pro Planc. p. 270). «Comminus accessit» было истолковано В.О. Горенштейном как «схватился в рукопашную»; допустимо понимать это и как «вплотную приблизился». Тогда Цицерон шутовски намекает, что у книги Аттика появился достойный (?) конкурент. Едва ли Герод полемизировал с Т. Помпонием по существу: труды обоих благожелательны к главному адресату, иначе плохо объясним добродушный тон Отца Отечества, не без кокетства жалующегося на бремя славы. Как бы то ни было, Att. II. 2. 2 датируется декабрем 60 г. до н.э., т.е. Герод примкнул к уже развернутой кампании.

Ни «Анналы», ни книга о консульстве Цицерона не позволяют считать Аттика выдающимся представителем художественной прозы. Друзья восхваляют прежде всего пользу его сочинений (Cic. Brut. 14–15; Orat. 120; Nep. Att. 18. 1–3; ср.: Cic. Brut. 19; 42–44)²⁶. Если смотреть на *литературное* наследие Т. Помпония беспристрастно, следует признать, что он скорее кропотлив и усерден, чем оригинален. Единственным исключением могло бы стать произведение, известное как “Imagines” («образы, портреты»²⁷). Непот пишет: «Он [Аттик] воспевал в стихах граждан, превзошедших всех прочих римлян величием своих подвигов или высокими званиями, излагая под изображением каждого все их деяния и должности в 4–5 строках (Namque versibus, qui honore rerumque gestarum amplitudine ceteros Romani populi praestiterunt, exposuit ita, ut sub singulorum imaginibus facta magistratusque eorum non amplius quaternis quinisque versibus

---

²⁵ Горенштейн В.О. Прим. 4 к Att. II. 2 // Цицерон М. Туллий. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. 1. С. 438.

²⁶ Bardon H. La littérature latine inconnue. T. 1. L'Époque républicaine. Paris, 2014. P. 268.

²⁷ О портретах можно говорить с долей условности, во всяком случае, когда речь идет о легендарных личностях (см. сохраненное Иоанном Лидом описание (Lyd. Mag. I. 12)).

descripserit: quod vix credendum sit, tantas res tam breviter potuisse declarari)» (Nep. Vita Att. 18). Более известен схожий по замыслу труд М. Теренция Варрона²⁸, о котором сообщает Плиний Старший: «Что страсть к портретам некогда пылала, свидетелями этого являются известный Атик, друг Цицерона, издавший сочинение о них, и М. Варрон, которому пришла в голову счастливая мысль поместить в своих многочисленных книгах также изображения [портреты] семисот человек, каким-нибудь образом прославившихся; он не допустил, чтобы погибли изображения и чтобы долгота времени имела силу против людей. Он был изобретателем дара, которому позавидовали бы даже боги, потому что он не только даровал этим людям бессмертие, но даже разослал их по всем странам, чтобы они могли везде присутствовать подобно богам» (Plin. NH. XXXV. 11)²⁹.

В труде Варрона видят «инновационное собрание 700 портретов греческих и римских политических, военных и культурных деятелей, из которых каждый сопровождался краткой эпиграммой и, по крайней мере иногда, кратким научным комментарием в прозе»³⁰. Согласно дошедшим свидетельствам, собрание Варрона включало Деметрия Полиоркета (Non. p. 848, 23 L), медика Гиппократ, законодателя Солон (Sensor. 14. 3), философов Пифагора, Аристотеля, Платона (Symmach. Epist. I. 4. 2) и Стасея (Sensor. 14. 3), поэта Гомера (Gell. III. 11. 3; 7), зодчих Менекрата, Иктина, Динохара (Auson. Mos. 305–317). В «Гебдомадах» («Седьмицах»³¹) также были представлены художники (Plin. NH. XXXV. 136; 154–155)³², скульпторы и мастера пластики

---

²⁸ Варрон и Атик были знакомы очень давно. Иногда говорится об их прочной дружбе (Соболевский С.И. Варрон Реатинский // История римской литературы. Т. 1. Ранняя римская литература, литература конца Республики, литература начала Империи. С. 236) и даже совместных литературных занятиях (Byrne A. H. Op. cit. P. 47); иногда это ставится под сомнение (Geiger J. Cornelius Nepos... P. 81; Horsfall N. General introduction // Cornelius Nepos. A selection, including the Lives of Cato and Atticus. Oxford, 1989. P. XVI). Как бы то ни было, Варрон принадлежал к кругу общения Цицерона, выведшего его участником диалога «Учение академиков»; в свою очередь М. Туллию посвящен труд «О латинском языке». Атику посвящены «О жизни римского народа» (Charisius, Gram. Lat. I. 126 (Keil)) и «О числах» (Sensorinus, De Die Natali, 2), он также является собеседником во второй книге «De re rustica».

²⁹ Перевод С.И. Соболевского (Соболевский С.И. Варрон Реатинский. С. 241).

³⁰ Drummond A. T. Pomponius Atticus. P. 346.

³¹ Пифагореец Варрон положил в основу своего труда принцип «божественного числа». Во избежание путаницы с сочинением Атика применительно к Варрону мы будем говорить о «Гебдомадах (Hebdomades)», а не «Imagines».

³² В том числе, предположительно, Иайя Кизикенская (Plin. NH. XXXV. 147), свидетельство о которой слишком косвенно, чтобы утверждать присутствие в «Гебдомадах» не только мужчин.

(Ibid. XXXIV. 49–69; XXXVI. 9–30; 39; XXXV. 154–158). Если верить А. Геллию, «портреты» сопровождались стихами: «М. Варрон в первой книге об изображениях прибавил к изображению Гомера следующую эпиграмму (Homeri imagini epigramma hoc apposuit)» (Gell. III. 11. 7). Текст цитируется по латыни, как и в случае с характеристикой Деметрия (Non. p. 848, 23 L). Из римлян в «Гепдомадах» фиксировано присутствие Энея (Lyd. Mag. I. 12), Курия, Катонов, Фабиев, Сципионов (Symmach. Epist. I. 4. 2), а также «всего прославленного триумфами сената (totumque illum triumphalem senatum)» (Ibid.).

Нет ясности относительно того, чей труд написан раньше. Геллий сохранил слова Варрона, что к вступлению в двенадцатую седмицу лет он уже написал семьдесят седмиц книг (Gell. III. 10. 17). Соответственно «Гепдомады» датируют около 39 г. до н.э.³³, начало работы над ними возводится к 40-ым гг. до н.э. Есть мнение, что к ним относится фраза Цицерона в письме к Аттику за 44 г. до н.э.: «Твое одобрение “Пеплографии” Варрона не огорчает меня» (Cic. Att. XVI. 11. 3)³⁴. Плиний Старший говорит о М. Теренции как создателе жанра (Plin. NH. XXXV. 11), с чем согласно большинство исследователей³⁵. Примечательно, что сверхблагожелательный³⁶ Непот говорит об Аттике: «Занимался он немного и поэзией — пожалуй, лишь для того, чтобы вскутить прелести стихотворства» (Nep. Vita Att. 18. 5). Кажется, биограф не придавал особой ценности этому труду, что предостерегает против того, чтобы предполагать ему

---

³³ Drummond A. T. Pomponius Atticus. P. 346 (под вопросом); Geiger J. Cornelius Nepos... P. 81; Horsfall N. Life of Atticus. Commentary // Cornelius Nepos. A selection, including the Lives of Cato and Atticus. Oxford, 1989. P. 102; Geiger J. The First Hall of Fame. A Study of the Statues in the Forum Augustum. Leiden; Boston, 2008. P. 44.

³⁴ Drummond A. M. Terentius Varro // Fragments of the Roman historians. Vol. 1. Introduction / Ed. by T.J. Cornell. Oxford, 2013. P. 416, n. 32; Geiger J. Cornelius Nepos... P. 81 (с оговоркой). Д.Р. Шеклтон Бэйли указывает, что слово пеплография «обычно и, безусловно, справедливо сопрягают с “Imagines”» (Shackleton Bailey D.R. L.S.J. and Cicero's Letters // Classical Quarterly. 1962. Vol. 12, N 1. P. 163). Той же точки зрения придерживаются Э. Норден (Norden E. Varro's Imagines. Berlin, 1990. S. 6–7), Н. Хорсфолл (Horsfall N. Life of Atticus. Commentary. P. 102) и, видимо, Дж. Гайгер (Geiger J. The First Hall... P. 44).

³⁵ Drummond A. T. Pomponius Atticus. P. 345, 346; Horsfall N. Life of Atticus. Commentary. P. 102. По мнению Дж. Гайгера, Плиний надежно засвидетельствовал первенство Варрона (Geiger J. Cornelius Nepos... P. 82), “Imagines” Аттика были написаны после «Анналов» и даже некоторых генеалогий (Ibid. P. 38); они датируются после 39, но до 35–32 гг. до н.э. (Ibid. P. 81, 98). Исключение составляет Н.Н. Трухина (Трухина Н.Н. Примечания // Непот Корнелий. О знаменитых полководцах. Из книги о римских историках. М., 1992. С. 114, прим. 28).

³⁶ Byrne A. H. Op. cit. P. VI; Horsfall N. Life of Atticus. Introduction // Cornelius Nepos. A selection, including the Lives of Cato and Atticus. Oxford, 1989. P. 10.

особый резонанс. Таким образом, Аттик выступает в привычной ипостаси улучшающего перспективное нововведение³⁷. По мнению Дж. Гайгера, друга Цицерона вдохновила пользующаяся наибольшим успехом часть «Геддомад», обретшая после переработки стройность и политическую завершенность³⁸. Как бы то ни было, личные склонности автора «Анналов» и генеалогий влекли его к «прославленному триумфами сенату».

У “Imagines” имелся еще один предшественник, вызывающий в свете данного исследования особый интерес. В 61 г. до н.э. Цицерон пишет Т. Помпонию: «Твоими надписями, которые ты поместил в Амальтее, я буду доволен, особенно когда и Фиил покинул меня, и Архий ничего не написал обо мне (Epigrammatis tuis, quae in Amaltheo posuisti, contenti erimus, praesertim cum et Thyillus nos reliquerit, et Archias nihil de me scripserit)» (Cic. Att. I. 16. 15). Радость тем более понятна, что не реализовались надежды на поэмы в свою честь. Не исключено, что прав Т. Рейнак, объяснявший действия друга «утешением (solatium)» Отца Отечества³⁹. По мнению Ж. Соро, «Аттик поместил в неопределенное пространство своего Амальтея портретную галерею прославившихся на политическом поприще и на поле брани римлян, сопровождая каждый портрет подписью из 4 или 5 стихов, воспевающей их подвиги. То, что Цицерон удостоился подобной признательности, следует из свидетельств ... двух друзей Аттика (Att. I. 16. 15; Nep. Att. 18. 5–6)»⁴⁰. Французский ученый не совсем корректен: как правило, считается, что Непот приводит «каталог опубликованных работ»⁴¹. Язык надписей Амальтея скорее всего

---

³⁷ Geiger J. Cornelius Nepos... P. 71, 82. Ср. краткое, но удачное сравнение масштаба личности и степени одаренности Варрона и Аттика: Horsfall N. Life of Atticus. Commentary. P. 99, n. 8. 1.

³⁸ Geiger J. The First Hall... P. 82.

³⁹ Reinach Th. Op. cit. P. 45.

⁴⁰ Sauron G. De Buthrote a Sperlonga: a propos d'une étude récente sur le thème de la grotte dans les décors Romains // Revue Archéologique, n.s. 1991. Fasc. 1. P. 6; Sauron G. Un “Amaltheum” dans la villa d'Oplontis/Torre Annunziata? // Rivista di Studi Pompeiani. 2007. Vol. 18. P. 42.

⁴¹ Drummond A. T. Pomponius Atticus. P. 346. Исследователь, впрочем, делает оговорку: «Если Nep. Att. 18. 5-6 подразумевает его (труд “Imagines”. — Н.Б.), а не бутротские надписи» (Ibid.). Мнения о книге придерживаются С.И. Соболевский (Соболевский С. И. Варрон Реатинский. С. 241), Н.Н. Трухина (Трухина Н. Н. Указ. соч. С. 114, прим. 28), Н. Хорсфолл (Horsfall N. Life of Atticus. Commentary. P. 102), Дж. Гайгер (Geiger J. Cornelius Nepos... P. 38). Ф.Г. Мур колебался между подписями к бюстам/статуям и «рисункам в своего рода edition de lux» (Moore F.G. Cicero's Amaltheum // Classical Philology. 1906. Vol. 1. P. 121, n. 1). В. Друмман полагал, что в “Imagines” Аттик собрал, в частности, надписи под статуями знаменитых римлян из

греческий (о чем далее), но можно согласиться с усматривающими в “Imagines” и epigrammata явление одного порядка⁴². Учитывая дилетантство Аттика-поэта (Nep. Vita Att. 18. 5), а также предпочтение Цицероном крупных форм для своего восхваления, можно заключить, что Отцу Отечества понравилось главным образом содержание — трактовка событий 63 г. до н.э. и своей роли. Упоминание наряду с надписями поэм Архия и Фиила подкрепляет гипотезу, что М. Туллий изображался спасителем Рима от гибели в пламени факелов и под мечами заговорщиков. Таким образом, лучший друг предстал в epigrammata в качестве великого государственного деятеля⁴³. Соответственно можно ожидать, что и в “Imagines” Цицерону было уделено достойное место.

Наш доклад на конференции «Актуальные проблемы теории и истории искусства»⁴⁴ был посвящен проблеме Амальтея — сооружения или архитектурного комплекса на вилле Аттика около города Бутрот в Эпире (северная Греция). Термин “Amaltheum” уникальный, встречающийся только у Цицерона. Скудность информации породила множество догадок. В Амальтее видели название всего поместья, святилище в честь нимфы (или козы) Амальтеи, сад в усадьбе Аттика в Бутроте, библиотеку, гимнасий, музей, святилище, здание или комнату, содержащую библиотеку и портреты знаменитых римлян с подписями; говорилось о части садового ландшафта (garden feature)⁴⁵. Гипотезы неизменно исходили из присутствия epigrammata в честь Цицерона и свидетельства Непота. Таким образом, наше обращение к надписям может, в том числе, внести свою лепту в раскрытие тайны Амальтея.

своего бутротского поместья (*Drumann W. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen nach Geschlechtern und mit genealogischen Tabellen. Bd. V. T. 3. Leipzig: Verlag von gebrüder Borntraeger, 1919. S. 89, N. 3*). Г. Хаупт относил сообщение Непота к Амальтею (*Haupt M. Analecta // Hermes. 1869. Bd. 3. H. 2. S. 205*). М. Шанц считал, что сообщение Непота может относиться к «стихам, которые он [Аттик] поместил под картинами своей виллы в Эпире» (*Schanz M. Op. cit. S. 164*).

⁴² Ж. Соро соглашается с Р. Фегером, что «несомненно существовала связь между Liber de imaginibus и реализацией Бутрота» (*Sauron G. De Buthrote... P. 6, n. 11*). Интересно, что Т. Рейнак, напротив, избегал аналогий с “Imagines” и «Гедбомадами» (*Reinach Th. Op. cit. P. 45*).

⁴³ *Moore F.G. Op. cit. P. 121, 123–124; Sauron G. De Buthrote... P. 15.*

⁴⁴ *Бугаева Н.В. Амальтей Аттика: попытка реконструкции // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 9 / Под ред. А.В. Захаровой и др. М.; СПб., 2019. С. 122–131.*

⁴⁵ Подробно см.: *Бугаева Н.В. Амальтей: источниковедческий аспект проблемы (в печати).*

Иногда предполагают, что Атик выступил в качестве новатора⁴⁶, будучи предтечей (или даже вдохновителем) знаменитого форума Августа⁴⁷, где идеология принципата была выражена средствами архитектуры. В центре форума высился храм Марса Мстителя, перед ним — статуя Октавиана, а в нишах полукруглого портика размещались изваяния великих мужей, чьи заслуги перед римским народом суммировали краткие надписи на пьедесталах. Идея санкционированного государством «зала славы»⁴⁸ оказалась весьма плодотворной и получила развитие как в античности, так и у потомков. Может ли поиск корней форума Августа привести к вилле на севере Греции? Атик был тестем М. Випсания Агриппы (Nep. Vita Att. 19), ближайшего соратника Октавиана. Принцепс и Т. Помпоний переписывались «о своих занятиях, о прочитанных интересных книгах»; Атик делился сведениями из области истории (Ibid. 20), по его совету Август даже восстановил древний храм Юпитера Феретрия (Ibid.). Все-таки для ответа на вопрос необходимо знать, чьи изображения находились в Амальтее; контекст, в который они были помещены; а также на каком языке выполнены надписи.

Приоритет над Варроном, чье влияние на форум Августа неоспоримо, обосновывается тем, что «Гебдомады» включали в себя и греков и римлян. Подобного принципа⁴⁹ придерживался Непот, апогея

---

⁴⁶ Согласно Ж. Соро, «Атик выступил как новатор, отойдя от имеющихся перед его глазами образцов; галерея прославленных римлян, завершившая сооружение Амальтея, полностью изменила его значение» (Sauron G. Un "Amaltheum"... P. 43). Ср.: «Выбор из римских аристократов тех, кто прославился великими достижениями, создание своего рода почетного списка было новшеством, инновацией, хотя и раздельной <...> с двумя современниками» (Geiger J. The First Hall... P. 40).

⁴⁷ Sauron G. Un "Amaltheum"... P. 43. По мнению Дж. Гайгера, в "Imagines" Атик «выказал себя почти совершенным предшественником Августа, за исключением того, что здесь нам приходится иметь дело с достаточно скромным частным сооружением, известным узкому кругу знакомых и без какого-либо широкого влияния» (Geiger J. The First Hall... P. 39). Указание на распространенность подобных взглядов см.: Sauron G. De Buthrote... P. 12. Ср. осторожную ремарку Э. Драммонда: «Если Непот правильно указывает, что это работа ("Imagines". — Н.Б.), в отличие от Варроновой, была посвящена исключительно римским политическим деятелям, она переводила в более общий план роль imagines предков во вдохновляющем потомков соперничестве, и была значимым предшественником статуарных бюстов и надписей, украшавших форум Августа» (Drummond A. T. Pomponius Atticus. P. 346).

⁴⁸ См. название работы Дж. Гайгера. Ср. также: «национальная галерея (Nationalgalerie)» (Norden E. Varro's Imagines. Berlin, 1990. S. 9).

⁴⁹ Э. Драммонд подчеркивал, что работа Варрона «возможно, впервые систематически сводила выдающихся римлян в пару с их ... в основном греческими двойниками» (Drummond A. M. Terentius Varro. P. 416). Это отражало «последовательное сосредоточение внимания Варрона на Риме и римской идентичности, в значительной степени по отношению к греческому миру» (Ibid.).

он достигнет в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха. Однако ситуация менее однозначная, чем кажется. Биограф Аттика говорит лишь о римлянах (Ibid. 18), но не утверждает, что в “Imagines” не было *никого кроме них*⁵⁰ (ср.: Plin. NH. XXXV. 11). Слова можно понимать в русле рассказа о приверженности героя старине и латинским древностям, тем более что, учитывая общую тенденцию «Жизнеописания», нельзя исключить намеренное умолчание о греках. Известно, что автор пытался примирить симпатии Т. Помпония с представлениями читателей о римском патриотизме. Как подчеркивает Э. Драммонд, «Непот не скрывает присущий Аттику филэллинизм, но умалчивает о некоторых его особенностях»⁵¹. Это обстоятельство отходит в биографии на второй план ..., никоим образом не посягая на примат римской persona, что почти наверняка соответствовало самоидентификации Аттика»⁵². Принимая это во внимание, можно ли утверждать, что “Imagines” ограничивались только латинянами? На наш взгляд, правильнее рассматривать труд Аттика в русле общих тенденций, тем более что в «Анналах» он пользовался греческим материалом (e.g.: Cic. Brut. 27. 8). Что же касается форума Августа, при нынешних смутных представлениях, чем был Амальтей, правильнее воздержаться от излишне смелых аналогий.

Вернемся к *epigrammata*. При обращении к ним часто упускается из вида важный аспект проблемы. Непот характеризует литературную деятельность героя после переезда в Италию⁵³. К 50-м гг. до н.э. Т. Помпоний уже прочно связал свою жизнь с римской политической и культурной элитой, именно тогда он пишет генеалогические сочинения и «Анналы»⁵⁴. Чтобы изобразить Аттика ревнителем римской старины, биограф сосредоточил внимание на определенном периоде жизни. Между тем около 20 лет (с 86 г. до н.э. по 65 г. до н.э.) друг Цицерона прожил в Греции (Nep. Vita Att. 2; 4), покинув родину во

⁵⁰ Ср. замечание Э. Драммонда: *Drummond A. T. Pomponius Atticus*. P. 346.

⁵¹ О дружбе с греческими аристократами и литераторами, блестящем знании эллинского искусства (Ibid. P. 345, п. 5). Н. Хорсфолл отмечает последовательное умолчание об эпикуреизме Аттика (*Horsfall N. Life of Atticus*. Introduction. P. 12; 13; *Idem*. *Life of Atticus*. Commentary. P. 97–98; 73).

⁵² *Drummond A. T. Pomponius Atticus*. P. 345.

⁵³ Ср. мнение Н. Хорсфолла: «сознательно принятое литературное решение (conscious literary decision) сосредоточить внимание (в биографии Аттика. — Н.Б.) прежде всего на кратком и особо значимом периоде» (*Horsfall N. Life of Atticus*. Introduction. P. 7).

⁵⁴ Анналы датируются между 51 и 46 гг. до н.э., генеалогические таблицы — не ранее 50-х гг. до н.э. (*Drummond A. T. Pomponius Atticus*. P. 347, 350). Э. Драммонд специально оговаривает существенный временной промежуток (much later) между надписями в Амальтее и “Imagines” (Ibid. P. 346).

время гражданских войн. Балканы предоставили юноше укрытие от потрясений эпохи, а может и спасение от гибели (Ibid. 2). Т. Помпоний превосходно говорил по-гречески (Ibid. 4. 1–2), был причастен к государственным делам Афин (Ibid. 4. 3), вел финансовые операции в Средиземноморье (Ibid. 2. 3–6; 3. 1–3; 4. 3; ср.: 8. 6; 14. 3). В 60-е гг. до н.э. он занят обустройством поместья⁵⁵, интересуется аттической мифологией и древними культами (Cic. Att. I. 9. 2), снабжает Цицерона статуями и элементами декора для палестры (Ibid. 5. 7; 7; 8. 2; 9. 2; 10. 3; 10. 4; 11. 3; 3. 3; 4. 3), подбирает библиотеку из сочинений греков (Ibid. 7; 10. 4; 11. 3; 3. 3; 4. 3). Предполагать, что подобный человек демонстративно подчеркивал принадлежность к gens Romana, мы не должны⁵⁶. Пусть даже, как считал Ф.Г. Мур, скрупулезно занимавшийся историческими изысканиями Аттик нашел «связь между одной из многих легенд об Амальтее и своей ... темой»⁵⁷, соотнес критскую нимфу с одноименной сивиллой из Кум. Едва ли отсюда следует категорический вывод, что хранительница «национальной» памяти, Энеева пророчица, «председательствовала ... в мраморном собрании» римских политических деятелей⁵⁸.

В статье, посвященной источниковедческим проблемам Амальтея⁵⁹, мы обратили внимание, что из письма Аттику не ясно, сопровождали ли epigrammata какой-то предмет. Для Поздней Республики эпитафисты допускают установление на частной вилле надписей, как элемента декора⁶⁰, хотя для места, никак не связанного с дея-

---

⁵⁵ На северо-западе Греции близ города Бутрот (совр. Бутринто в Албании).

⁵⁶ Ж. Соро пытается установить связь между Римом и Эпиром на основе древней традиции о возрожденной в стране молосов Трое: «это легенда должна была в его [Аттика] глазах оправдывать воспоминание о римской славе в бутротском Амальтее» (Sauron G. De Buthrote... P. 18–19).

⁵⁷ Moore F.G. Op. cit. P. 126.

⁵⁸ Ibid. Исходя из того, что «всеобъемлющие интересы Аттика обусловили бы принятие во внимание всех гипотез» (Ibid.). Исследователь допускал, что, в свою очередь, Цицерону могла понравиться идентификация Амальтеи с Кумской сивиллой, хотя еще больше привлекала череда бюстов и статуй с соответствующими надписями (Ibid.).

⁵⁹ См.: Бугаева Н.В. Амальтей: источниковедческий аспект проблемы (в печати).

⁶⁰ Благодарю А.В. Белоусова и Ф.В. Шелова-Коведяева за любезную консультацию. Слова Т. Рейнака следует трактовать скорее в пользу присутствия только надписей (Reinach Th. Op. cit. P. 45). Э. Драммонд считал, что святилище Амальтеи Аттик «украсил надписями (очевидно, на греческом), одна или несколько из которых прославляли достижения Цицерона, возможно (курсив наш. — Н.Б.) в сопровождении статуй или бюстов» (Drummond A. T. Pomponius Atticus. P. 346). Ср.: «серия эпитаграмматических стихов (series of epigrammatic verses) о Цицероне, помещенная в Амальтее в 61 или 60 году (I. 16, 15)» (Byrne A.H. Titus Pomponius Atticus. P. 36) с допущением присутствия стихов о других выдающихся людях.

ниями Цицерона, и обладающего некоторой сакральностью (?), более оправданно ожидать иного. Впрочем, противоречие исчезает при допущении, что Атик снабдил стихами⁶¹ уже существующее изображение.

На каком языке были *epigrammata* в честь Отца Отечества? Г. Хаупт, проводивший параллель с «рассказом Корнелия», отстаивал латынь⁶²; преобладает же мнение, что это был греческий⁶³. К сожалению, в качестве аргумента приводится лишь довод, что Цицерон упоминает эллинских поэтов⁶⁴. Добавим более существенное, на наш взгляд, обстоятельство. В 40-е — 30-е гг. до н.э. ревнителя *римской старины*⁶⁵, автора “*Imagines*”, писавшего преимущественно о мертвых, мог бы привлечь древний жанр элогий. Иное дело Атик — создатель Амальтея, находящегося в Греции и пребывающего под покровительством греческого божества. Важно, что вилла в Эпире не была преимущественно публичным пространством. Конечно, она выполняла, в том числе, представительскую функцию, но ее нельзя уподоблять роскошным резиденциям на побережье Неаполитанского залива, часто служившим грандиозными декорациями для деловой и политической активности хозяина. *Epigrammata* Атика,

---

⁶¹ Мы соглашаемся с преобладающим мнением о стихотворном характере *epigrammata* (*Haupt M.* Op. cit. P. 205; *Reinach Th.* Op. cit. P. 45; *Moore F.G.* Op. cit. P. 121; *Byrne A.H.* Op. cit. P. 36; ср.: *Geiger J.* Cornelius Nepos... P. 82; *Idem.* The First Hall of Fame... P. 39, n. 50).

⁶² *Haupt M.* Op. cit. P. 205. Немецкий ученый считал надписи в Амальтее теми самыми, о которых писал Непот. Возможно, на это мнение повлияло молчание биографа относительно языка при специальной оговорке, что книга о консульстве Цицерона была по-гречески (*Nep. Vita Att.* 18).

⁶³ *Reinach Th.* Op. cit. P. 45; *Moore F.G.* Op. cit. P. 121; *Horsfall N.* Life of Atticus. Commentary. P. 102; *Drummond A. T.* Pomponius Atticus. P. 346. В то же время, признавая несомненную близость *epigrammata* к упомянутому Непотом стихам “*Imagines*”, Ф.Г. Мур и Н. Хорсфолл считают, что последние были на латыни (*Moore F.G.* Op. cit. p. 121; *Horsfall N.* Life of Atticus. Commentary. P. 102). Безусловно, обращает на себя внимание, что почти одновременное *epigrammata*, «сочинение о консульстве Цицерона», было на греческом. Однако это не является веским доводом, поскольку книга предназначалась для значительно более широкого распространения.

⁶⁴ *Moore F.G.* Op. cit. P. 121.

⁶⁵ Задачей биографа было, в частности, показать, что филэллинизм не препятствовал Атику быть патриотом своей истории и культуры (*Drummond A. T.* Pomponius Atticus. P. 345). «Трансформация» Т. Помпония была менее существенной, чем может показаться. Он по сути сменил одну сферу антикварных изысканий (греческая мифология и «старина Эвмолпидов») на другую (римское летописание и генеалогия древних родов). Не забудем, что «Анналы» включали в себя сведения из эллинской истории.

отдаленный прообраз “Imagines”, предназначались для узкого круга людей, которые, как и хозяин, владели обоими языками⁶⁶.

Интересно, что Тит Помпоний начинает писать о великом римском ораторе, высшем магистрате Республики, не по латыни. Это было обусловлено разными причинами: апологетически-пропагандистскими в случае с «Записками» и личными вкусами в случае с надписями Амальтея. Цицерон предстает в ипостаси государственного деятеля, товарищеские отношения отходят на задний план. Можно предполагать, что творчество Аттика являлось ответом на желание Марка Туллия быть увековеченным в качестве спасителя державы, максимально широко распространить свою славу. Лучший друг утешил Цицерона, огорченного «отступничеством» эллинских поэтов, установив *epigrammata* в Амальтее. Следующим шагом была попытка довести свою точку зрения на события 63 г. до н.э. до значительно более многочисленной аудитории.

Список литературы

Бугаева Н.В. Амальтей Аттика: попытка реконструкции // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сборник научных статей. Вып. 9 / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова; СПб.: НП-Принт, 2019. С. 122–131.

Бугаева Н.В. Персонаж в поисках авторов: три ненаписанных сочинения о консульстве Цицерона // Вестник древней истории. 2018. № 3. С. 561–580.

Бугаева Н.В. Письмо Цицерона Гн. Помпею *De rebus suis in consulatu gestis* // Восток, Европа, Америка в древности. Сборник научных трудов XVIII Сергеевских чтений / Под ред. И.А. Ладынина. М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 234–239.

Горенштейн В.О. Примечания // Цицерон М. Туллий. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. 1. М.: Ладомир, 1994. С. 411–524; Т. 3. М.: Ладомир, 1994. С. 525–681.

Грабарь-Пассек М.Е. Цицерон // История римской литературы. Т. 1. Ранняя римская литература, литература конца Республики, литература начала Империи / Под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 178–231.

⁶⁶ Выводы, к которым мы пришли, противоречат концепции Ж. Соро об Амальтее — «галерее славы», представленной скульптурными портретами великих римлян (*Sauron G. De Buthrote*... P. 12–13, 15, 16; *Sauron G. Un “Amaltheum”*... P. 43; см. также заключение, что «основной чертой Амальтея была наружная галерея римлян, прославившихся на общественном поприще или на поле брани» (*Moore F. G. Op. cit. P. 121; ср.: P. 126*)). Дискуссия выходит за рамки статьи; ограничимся замечанием, что, помимо прочего, французский ученый слишком зависит от наличия регулярного, соответствующим образом оформленного пространства, тогда как концепция упорядоченной последовательности статуй или бюстов (ср.: *Moore F. G. Op. cit. P. 121*) зиждется на более чем косвенных сведениях.

Соболевский С.И. Варрон Реатинский // История римской литературы. Т. 1. Ранняя римская литература, литература конца Республики, литература начала Империи / Под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 234–244.

Трухина Н.Н. Примечания // Непот Корнелий. О знаменитых полководцах. Из книги о римских историках. М.: Издательство Московского университета, 1992. С. 112–524.

Bardon H. La littérature latine inconnue. T. 1. L'Époque républicaine. Paris: Klincksiek, 2014. 382 p.

Byrne A.H. Titus Pomponius Atticus. Chapters of biography. Lancaster: Press of the New era printing company, 1920. 118 p.

D'Anna G. Alcune considerazioni sulla fortuna del “Liber Annalis” di Attico: Attico fonte di Gellio? // Studi Urbinati, n.s. 1975. Vol. 49. P. 331–470.

Drummann W. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen nach Geschlechtern und mit genealogischen Tabellen. Bd. V. T. 3. Leipzig: Verlag von gebrüder Borntraeger, 1919. 708 S.

Drummond A.M. Terentius Varro // Fragments of the Roman historians. Vol. 1. Introduction / Ed. by T.J. Cornell. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 412–423.

Drummond A. T. Pomponius Atticus // Fragments of the Roman historians. Vol. 1. Introduction / Ed. by T.J. Cornell. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 344–353.

Feger R. T. Pomponius Atticus T. f. // Pauly's Real-Encyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft. Suppl. 8 / A. Pauly, G. Wissowa, W. Kroll, K. Mittelhaus, K. Ziegler (Hrsgg.). Stuttgart: A. Druckermüller Verlag, 1956. Col. 505–526.

Fortner B.C. Cicero's Town and Country Houses // Classical Weekly. 1934. Vol. 27, N 23. P. 177–181.

Geiger J. Cornelius Nepos and ancient political biography. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1985. 130 p.

Geiger J. The First Hall of Fame. A Study of the Statues in the Forum Augustum. Leiden; Boston: Brill, 2008. 226 p.

Haupt M. Analecta // Hermes. 1869. Bd. 3. H. 2. S. 205–229.

Horsfall N. General introduction // Cornelius Nepos. A selection, including the Lives of Cato and Atticus. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. XV–XVI.

Horsfall N. Life of Atticus. Commentary // Cornelius Nepos. A selection, including the Lives of Cato and Atticus. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 58–112.

Horsfall N. Life of Atticus. Introduction // Cornelius Nepos. A selection, including the Lives of Cato and Atticus. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 7–14.

Littlewood A.R. Ancient literary evidence for the pleasant gardens of Roman country villas // Dumbarton Oaks Colloquium on the History of Landscape Architecture. Vol. 10. Ancient Roman villa gardens / Ed. by E.B. MacDougall. Dumbarton Oaks: Trustees for Harvard University, 1987. P. 7–30.

Marshall A. Atticus and the genealogies // Latomus. 1993. Vol. 52. P. 307–317.

Mayer E. From silver cups to garden gnomes: toward a contextual reception of standardized images // Arethusa. 2012. Vol. 45. P. 283–303.

- Moore F.G.* Cicero's Amaltheum // *Classical Philology*. 1906. Vol. 1. P. 121–126.
- Münzer F.* Atticus als Geschichtschreiber // *Hermes*. 1905. Bd. 40. S. 50–100.
- Münzer T.* Herodes 8 // *Pauly's Real-Encyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft*. Hb. 15 / A. Pauly, G. Wissowa, W. Kroll, K. Witte, K. Mittelhaus, K. Ziegler (Hrsgg.). Stuttgart: J.B. Metzlerscher Verlag, 1912. Col. 920.
- Norden E.* Varro's Imagines. Berlin: Akademie-Verlag, 1990. 34 S.
- Phillips J.J.* Atticus and the Publication of Cicero's Works // *Classical World*. 1986. Vol. 79. P. 227–237.
- Reinach Th.* De Archia poeta. Parisiis: apud Ernestum Leroux, 1890. 69 p.
- Sauron G.* De Buthrote a Sperlonga: a propos d'une étude récente sur le thème de la grotte dans les décors Romains // *Revue Archéologique*, n.s. 1991. Fasc. 1. P. 3–42.
- Sauron G.* Un "Amaltheum" dans la villa d'Oplontis/Torre Annunziata? // *Rivista di Studi Pompeiani*. 2007. Vol. 18. P. 41–46.
- Schanz M.* Geschichte der Römischen Litteratur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian. T. 1 Die Römischen Litteratur in der Zeit der Republik. München: C.H. Beck'she Verlagsbuchhandlung (Oscar Beck), 1890. 320 S.
- Shackleton Bailey D.R.* L.S.J. and Cicero's Letters // *Classical Quarterly*. 1962. Vol. 12, N 1. P. 159–165.
- Van der Blom H.* Cicero's role models. The political strategy of a newcomer. Oxford: Oxford University Press, 2010. 400 p.

Поступила в редакцию
15 апреля 2019 г.

Н.С. Борисов*

**МЕНТАЛИТЕТ ДРЕВНЕРУССКОГО КНИЖНИКА:
НОВЫЕ ФОКУСИРОВКИ ПРОБЛЕМЫ**

N.S. Borisov

**THE EARLY RUS BOOKMEN' MENTALITY:
NEW FOCUSES**

Аннотация. Поводом к размышлениям автора стала монография А.В. Лаушкина, посвященная этноконфессиональным представлениям о соседних народах Руси домонгольского и раннего монгольского времени. В статье разбираются концепции о бытовавших в то время церковных предписаниях в сфере межконфессиональных контактов, о присущей оригинальным русским текстам лексике самоидентификации и размежевания с «чужими», о характерных для этих текстов провиденциальных моделях описания отношений с другими народами и сопутствующих им библейских параллелях. В статье показываются приемы, с помощью которых автор монографии анализирует язык представлений древнерусских летописцев, в частности, характеризуется применение «лексики отторжения», применявшейся в отношении соседей-иноверцев, и противоположной ей по своему оценочному содержанию «лексики самоидентификации», использовавшейся для обозначения соплеменников. Пристальное внимание уделяется оценке подходов автора монографии к изучению собственно религиозной образности летописного языка, присущего ему эсхатологизма и провиденциализма, аллюзий с сюжетами ветхозаветной истории (в частности, с вавилонским пленением). В исследовании приводится детальная градация нюансов провиденциальных истолкований взаимоотношений с инокультурным окружением Руси, и эта систематизация воспринимается как оправдывающая себя при анализе русского средневекового менталитета. Основным критическим замечанием к монографии называется ее перегруженная структура, в которой проблемно-тематическая систематизация накладывается на систематизацию хронологическую, что заметно усложняет восприятие материала и делает его

---

* *Борисов Николай Сергеевич*, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Borisov Nikolay Sergeevich, Doctor in History, Professor, Head of the Department of History of Russia until the Early 19th Century, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+7-495-939-54-40; muksalma@mail.ru

доступным лишь небольшому кругу специалистов. В качестве несомненных достоинств книги называется убедительное и подтверждаемое на обширном источниковом материале доказательство двух авторских выводов. Первый вывод — о том, что изображение в русских летописях представителей инокультурного окружения Руси рассматриваемого времени зависело от того, как складывались с ними отношения, при этом не было каких-то устойчивых стереотипов, связанных с их религиозными представлениями или иными особенностями жизни. Второй — о системообразующем для мирозерцания средневекового русского мыслителя провиденциальном характере понимания прошлого, настоящего и будущего.

Ключевые слова: Домонгольская Русь, средневековый менталитет, Божий Промысел, эсхатология, конфессиональное размежевание, древнерусская книжность.

Abstract. The author uses the monograph by A.V. Laushkin on ethno-confessional ideas concerning the peoples neighboring to pre-Mongol and early Mongol Rus as occasion for his own reflections. The article examines the concepts regarding the use of church precepts in the area of interconfessional contacts of that time, the vocabulary of self-identification and separation from “strangers” inherent in the original Russian texts, providential models of describing relations with other peoples in these texts and their biblical parallels. The article characterizes the techniques employed by the author of the monograph for his analysis of the language of conceptualization of the early Russian chroniclers, in particular, the use of the “vocabulary of rejection” applied to neighbors of other faiths, and the “vocabulary of self-identification” opposite to the “vocabulary of rejection” in terms of its evaluative content and applicable to compatriots. Close attention is given to the assessment of Laushkin’s approach to the study of the religious imagery of the chroniclers’ language, its inherent eschatological dimension and providentialism, allusions to the Old Testament history (in particular, the Babylonian captivity). In his study, A.V. Laushkin provides a detailed gradation of the nuances of providential interpretations of Russian relations with neighboring cultures. This systematization is perceived as justifying itself while analyzing the Russian medieval mentality. The main critical point is the overloaded structure of the book. Its problematic-thematic systematization overlaps with chronological one, and this overlapping considerably complicates the perception of the material and makes it accessible to a rather small circle of scholars. The apparent advantages of the book are two principal conclusions convincingly proved on the basis of extensive primary sources. The first conclusion is that the way neighboring peoples were presented in the Russian chronicles depended on the Russian relations with them and there were no stereotypes associated with their religions or life’s particularities. The second one is that the mentality of medieval Russian intellectuals was based on the providential understanding of the past, present, and future.

Keywords: Pre-Mongol Rus, medieval mentality, Divine Providence, eschatology, confessional demarcation, early Russian book learning/

Изучение древнерусской книжности ведется уже почти три столетия. За это время накоплено множество объяснений и толкований¹.

Письменные источники содержат самые различные сведения о прошлом нашей страны. Извлечь эти сведения нелегко. Исследователь текстов должен не только знать обширную историографию вопроса, но также уметь взглянуть на свои источники свежим глазом, поставить новые вопросы. Именно таким свежим взглядом отличается вышедшая в издательстве Университета Дмитрия Пожарского монография А.В. Лаушкина².

Во введении автор заявляет цель своего исследования: «...обрисовать подвижные контуры древнерусских этноконфессиональных представлений о соседних народах в домонгольское и раннее монгольское время» (С. 13). Отметим весьма уместную здесь скромность автора: действительно, речь может идти только о контурах этих представлений. Более отчетливая геометрия едва ли возможна из-за крайней скудности наших представлений о Домонгольской Руси.

В книге использованы практически все имеющиеся прямое или косвенное отношение к теме источники. Но базой для работы служат всё же три летописи, содержащие ранние редакции русского летописания XI–XIII вв.: Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская Первая.

Древнерусское государство было изначально окружено враждебными соседями. Однако степень этой враждебности, точнее — степень опасности, которую то или иное государство или народ представляли для Руси, была различной. Соответственно, различным было и отражение образа этих соседей в источниках.

Автор отмечает отсутствие априорных оценочных определений народов в древнерусских текстах. По его мнению, изобразительные средства зависели не от веры инородцев как таковой, а от характера отношений с ними. Это центральный вывод работы.

На формирование изобразительных средств влиял целый ряд факторов, в том числе — отношение к иноверцам внутри Древнерусского государства. Автор приводит ряд наиболее распространенных

---

¹ Из последних работ см.: *Kappeler A. Ethnische Abgrenzung: Bemerkungen zur Ostslavischen Terminologie des Mittelalters // Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen: Festschrift zum 70. Geburtstag von Günther Stökl. Stuttgart, 1986; Чекин Л.С. Безбожные сыны Измаиловы: Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000. С. 691–716; Флоря Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004.*

² *Лаушкин А.В. Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019.* Далее ссылки даются в тексте на это издание.

ситуаций, в которых проявлялись этноконфессиональные различия. Разрешение этих ситуаций определялось религиозными канонами. Это участие в обрядах и трапезе иноверцев, пищевые запреты, сожительство и брак христиан с нехристианами, поведение в плену у иноверцев, возможность пользоваться услугами врача-нехристианина и др.

Конфессиональную лексику, которую летописцы использовали для характеристики соседей-иноверцев и своих соплеменников, автор разделяет на два взаимосвязанных комплекса: «лексику отторжения» и «лексику самоидентификации». К первому комплексу автор отнес такие эпитеты, как «поганые», «безбожные», «окаянные», «беззаконные» и др. Второй комплекс составляют характеристики конфессионального характера, применимые летописцем к своим соплеменникам, — «христиане», «христианский». По мнению автора, данные два комплекса развиваются синхронно, отражая перемены как в самосознании книжников, так и в восприятии ими тех соседних этносов, отношения с которыми оказываются устойчиво конфликтными.

Развитие обоих комплексов автор прослеживает по трем хронологическим периодам: последние десятилетия XI — начало XII в., XII в., XIII в. Рассматривая особенности употребления слов «христиане», «христианский» в Повести временных лет и хронологически близким к ней текстам, автор приходит к выводу, что «такая словоупотребительная практика не была изобретением летописцев, а, скорее всего, действительно пришла в летопись из живого языка» (С. 65).

Лексика размежевания с ее негативными эпитетами в изучаемый период концентрируется вокруг образа «поганых половцев». Позднее этот образ станет своего рода матрицей, на основе которой будут создаваться образы других недружественных народов-иноверцев.

Внешняя опасность служила катализатором процессов этноконфессиональной консолидации восточных славян. По мере того как исчезают с исторической сцены сметенные волнами монгольского нашествия половцы, их место занимают дотоле неведомые «языци незнаемые» — ордынцы. Угроза ордынского порабощения имела внешний характер, в то время как угроза латинской экспансии могла подорвать самые корни русской идентичности. В связи с этим автор убедительно замечает, что «Слово о погибели Русской земли», написанное в середине XIII в., сближает понятия «правверная вера христианская» и «земля Русская», превращая их в «почти синонимическую пару» (С. 81).

Усилившееся в XIII столетии религиозное обособление Руси стало естественной реакцией на развернувшуюся в этот период энергичную

латинскую экспансию, принимавшую самые различные формы. Ве­хами этой экспансии были взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г., переговоры с Римом Даниила Галицкого и Александра Невского, наступление ливонских рыцарей и шведских захватчиков на Новгород и Псков. Эти события естественным образом ускоряли рост антилатинских настроений в русском обществе. Автор показывает, как отражали этот процесс письменные источники, в той или иной мере служившие зеркалом общественных настроений. Признавая ритуальный, этикетный характер некоторых летописных выражений, автор всё же убеждает читателя в жизненном, а не чисто литературном происхождении этноконфессионального лексикона изучаемых текстов.

Отношения Руси с ее соседями, победы и поражения в борьбе с ними получали свое объяснение через аналогии в Священном Писании, творениях отцов церкви, летописях и хронографах. Религия была политикой, а политика — религией. Сегодня в ученом мире ни у кого нет сомнения в том, что углубленное понимание политической истории и общественной мысли Руси возможно только с учетом религиозного сознания во всем его многообразии. В эпоху воинствующего атеизма такого рода изыскания были не в почете. В результате возник заметный пробел в методах исследования исторических источников. Этот пробел дает о себе знать и поныне. История церкви, церковная литература и богослужebные практики — всё это требует тщательного изучения. А потому следует особо отметить, что автор рецензируемой книги вполне органично чувствует себя в церковной сфере. Более того. Он взялся за изучение такой специфической темы, как Промысел Божий в понимании русского летописца. Для религиозного человека присутствие Божьего Промысла в делах человеческих столь же непостижимо, сколь и несомненно. Божий Промысел предопределяет общий ход событий. Однако зачастую невозможно понять, где он действует с воспитательными целями, наказуя грешников «отеческой лозой», а где злодеи совершают свои злодейства по своей воле, но по «Божьему попущению».

Автор пунктуально рассмотрел литературные приемы, используемые летописцем для повествования о реализации таинственного плана — Божьего Промысла. За переменами в этой фразеологии он усматривает перемены в этнорелигиозных парадигмах тогдашнего русского общества.

Тема Божьего гнева в летописях стоит на самом пограничье истории и теологии. Однако автор сумел сказать здесь свое слово. Наблюдения над летописями позволили ему очертить «малый круг» тех народов — соседей Руси, которые, по мнению летописца, сыграли роль «батога Божьего». Это половцы, монголы и литва.

Но вот наказание свершилось. Божий гнев сменяется милостью. Господь не оставил свой народ. Он спасет его в беде своей небесной помощью. Конкретные формы этой помощи весьма разнообразны и изменчивы во времени. Прежде всего — это победы над иноплеменниками, перечень которых в XIII в. пополняется за счет латинских народов — немцев, шведов, венгров и поляков.

Углубленное прочтение летописных текстов с их провиденциальной философией и религиозной символикой требует раскрытия «закодированных» в библейских сюжетах актуальных религиозно-политических суждений летописца. Этому автор посвящает один из разделов своей книги с красноречивым названием «Библейская призма». Выявление библейских аллюзий и прямых цитат в летописных текстах в последнее время стало обычным приемом исследователей. На то есть все основания. Библия служила прообразом современности. Достаточно вспомнить, что «поганых» половцев постоянно сравнивали с «нечестивыми» народами Ветхого Завета — моавитянами, измаилтянами, агарянами.

Новую реальность библейским угрозам придало нашествие монголов. Автор выявляет и систематизирует такого рода пассажи в летописях и литературе XIII в., показывая их хронологическую динамику. Не забыта и «вечная» тема Страшного суда, приобретшая особую актуальность в связи с нашествием монголов. Но Страшный суд отдался в зыбкое «быть может». Реальное положение дел на Руси после установления ордынского ига адекватно отражала другая библейская тема — угроза «вавилонского плена».

Автор неслучайно уделил этой теме особое внимание. Здесь открываются ключевые вопросы русской истории XIII–XV вв. Как воспринимали русские люди власть Орды? Что представляла собой власть Орды над Русью в ее реальном выражении? Почему за первые сто лет ига не было ни одного антиордынского восстания за исключением не вполне понятных волнений 1262 г. и тверского восстания 1327 г.? По мнению автора, библейская парадигма «вавилонского плена» бросает некоторый свет на этот темный вопрос. При этом автор полемизирует с теорией американского ученого Ч. Гальперина о некоем «заговоре молчания» русских летописцев, представлявших русско-ордынские отношения по образцу русско-половецких (С. 193). По наблюдениям А.В. Лаушкина, «наделение монголов “половецкими признаками” произошло еще до нашествия Батыея».

От изучения концепции «вавилонского плена» автор обращается к поиску ее возможного апологета или распространителя. В связи с этим его внимание привлекает митрополит Кирилл II (1240-е – 1280). Изучение деятельности этого иерарха занимает важное место в книге.

Необходимо заметить, что парадигма «вавилонского плена», столь привлекательная своей логической простотой (очередная библейская аллюзия), практически не находит основания в источниках. По какой причине летописцы и книжники (за исключением нескольких реплик Серапиона Владимирского) в своих трудах обходят молчанием эту почти официальную по своему значению теорию? И чем более пригодна для апологии ордынского ига история вавилонского плена нежели, например, история египетского плена иудеев?

О многом можно спорить специалистам. Но к бесспорным достоинствам книги А.В. Лаушкина отнесем обширный научно-справочный аппарат. Источники и историография, указатель имен, список сокращений, постраничные сноски, по объему сопоставимые с самим текстом.

Подведем некоторые итоги. Начнем с частных, с критических замечаний. Автор книги работал с большим летописным материалом, в широких хронологических рамках. Для систематизации этого «первобытного хаоса» он вынужден был вводить структурные деления разного уровня — главы, параграфы и некие безымянные деления, своего рода «подпараграфы». Кроме того, предложено и деление лексического материала по трем хронологическим блокам. Обилие этих структурных единиц, помноженное на обилие многочисленных и труднопроизносимых терминов, сильно затрудняет чтение книги. Освоить всё это богатство может только специалист, знакомый с материалом.

Однако выводы книги стоят того, чтобы быть доступными не только специалистам. Через всю книгу А.В. Лаушкина проходит идея, которую можно было бы считать публицистической, если бы не ее плотное сопровождение источниками. Суть этой идеи в том, что русские летописцы, отражая общие настроения, ужесточали конфессиональную риторику лишь по мере эскалации агрессивных настроений тех или иных своих соседей. «Основной предпосылкой возникновения негативного образа чужого народа, — полагает А.В. Лаушкин, — становилось не его культурное и конфессиональное своеобразие, а неблагоприятный опыт отношений с ним» (С. 248). Проще говоря, русский народ издавна был терпим и миролюбив, но при необходимости мог постоять за себя.

Другой значимый вклад автора книги в фонд древнерусских исследований — наблюдения относительно идеи Божьего Промысла. Основой взглядов на мир русского летописца был провиденциализм — убеждение, что всё совершается по воле Божьей и согласно Божьему Промыслу. Эта очевидность признавалась всеми историками. Но, кажется, никто из них не пытался конкретизировать это

положение, показать провиденциализм, так сказать, «в действии», применительно к какой-либо государственной или общественной проблематике. Автор данной книги предпринял такую попытку применительно к отношениям Руси с соседями — разумеется, какими видел эти отношения древнерусский книжник. Учитывая специфику древнерусских текстов как исторического источника, можно сказать, что это был тяжкий труд. Плодом этого труда и стала данная книга. Нет сомнений, что она займет видное место в ряду исследований по истории Домонгольской Руси.

Список литературы

Лаушкин А.В. Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2019. 304 с.

Флоря Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб.: Алетейя, 2004. 221 с.

Чекин Л.С. Безбожные сыны Измаиловы: Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 691–716.

Kappeler A. Ethnische Abgrenzung: Bemerkungen zur Ostslavischen Terminologie des Mittelalters // Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen: Festschrift zum 70. Geburtstag von Günther Stökl. XII. Stuttgart: Steiner-Verl., 1986. 235 S.

Поступила в редакцию
14 января 2020 г.

Г.В. Бежанидзе, А.Г. Фирсов*

**МИНИСТЕРСКАЯ РЕФОРМА
И «ДВОЙНОЕ МИНИСТЕРСТВО»:
ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО
ВЕДОМСТВА В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.**

G.V. Bezhanidze, A.G. Firsov

**THE MINISTERIAL REFORM AND THE “DOUBLE MINISTRY”:
AN ATTEMPT TO ESTABLISH A RELIGIOUS DEPARTMENT
IN RUSSIA IN THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY**

Аннотация. В первой четверти XIX в., в период формирования министерской системы Российской империи, встает вопрос о выделении государственного управления религиозными делами в самостоятельную отрасль. Идея создания ведомства по делам религий появилась на самых первых этапах министерской реформы. Однако учреждение такого ведомства затрагивало прерогативы Святейшего Синода, высшего органа управления православной Церковью. В 1810 г. было образовано Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, объединившее дела всех религий империи за исключением православия. Но так как сфера деятельности нового учреждения казалась слишком незначительной, возникли проекты по его объединению с Министерством народного просвещения. В этих проектах формулируется представление о религии как фундаменте системы просвещения, что послужило основанием для включения в состав объединенного ведомства и духовных дел господствующего православия. Такая идея, как представляется авторам статьи, и была реализована при создании в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения. Как показывают обстоятельства появления текстов учредительных документов «двойного министерства», их

---

* *Бежанидзе Георгий Вениаминович*, кандидат богословия, доцент кафедры общей и русской церковной истории и канонического права Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Bezhanidze Georgiy Veniaminovich, PhD Candidate in Theology, Associate Professor, Department of General and Russian Church History and Canonical Law, St.Tikhon's Orthodox University for the Humanities

+7-929-576-03-30; georgiy.bezhanidze@gmail.com

Фирсов Андрей Германович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I

Firsov Andrei Germanovich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of History, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University
agfirsov@mail.ru

составителям во главе с будущим министром князем А.Н. Голицыным было важно четко и недвусмысленно сформулировать, с одной стороны, идею связи просвещения с религиозным благочестием, с другой — характер отношений между Святейшим Синодом и новым министерством. Просвещение должно было пониматься как обучение и воспитание, основанные на религиозных истинах. Святейший Синод не мог быть подчинен министру духовных дел, что должно было ясно следовать из содержания манифеста об учреждении министерства. Однако включение православного исповедания в одну структуру с другими религиями не позволяло четко обозначить его «господствующий» статус. В 1824 г. министерство было упразднено, а дела православной церкви были выделены в отдельную структуру, положившую начало формированию в Российской империи ведомства православного исповедания.

Ключевые слова: министерская система управления, церковно-государственные отношения, Министерство духовных дел, Святейший Синод, система просвещения, князь А.Н. Голицын.

Abstract. The issue of making religious affairs a separate branch of the state administration arises in the first quarter of the nineteenth century, in the period of the formation of the Russian imperial ministerial system. The idea of a department of religious affairs appeared at the very first stages of the ministerial reform. However, its establishment affected the prerogatives of the Holy Synod, the supreme governing body of the Orthodox Church. In 1810, the Main Directorate of Religious Affairs of Foreign Confessions was formed. It dealt with all the religions of the empire save Orthodoxy. Since the scope of the new institution seemed to be too insignificant; it was projected to be merged with the Ministry of Public Instruction. The idea of religion as the foundation of the education system, which was formulated in these projects, served the basis for placing the dominant Orthodoxy under the supervision of the joint department. The authors of the article argue that this plan was realized in 1817 through the establishment of the Ministry of Religious Affairs and Public Instruction. It was important for the authors of the constituent documents of the “double ministry” headed by the future minister A.N. Golitsyn, on the one hand, to clearly and unambiguously formulate the idea of relationship between education and religious piety, and on the other hand, to determine the relations between the Holy Synod and the new ministry. Public instruction was to be understood as education and upbringing based on religious truths. It should have been clear from the contents of the manifesto on the establishment of the ministry that the Holy Synod could not be subordinated to the minister of religious affairs. The fact that the Orthodox confession was placed under the supervision of the same institution with other religions did not allow to clearly identify its prevailing status. In 1824, the ministry was abolished, and the affairs of the Orthodox Church were separated into a special unit, which laid the foundation for the Department of the Orthodox Confession.

Keywords: ministerial administrative system, church-state relations, Ministry of Religious Affairs, The Holy Synod, system of public instruction, Prince A.N. Golitsyn.

Первая четверть XIX в. ознаменовалась существенными преобразованиями в системе государственного управления в России, связанными с созданием министерской системы¹. Но время правления Александра I — это еще и период изменения отношения государства к религиозным структурам. Религия, прежде всего господствующее православие, начинает рассматриваться как важнейшее средство воспитания народа, которое, в свою очередь, в русле идей Просвещения, рассматривается как миссия государства. М.М. Сперанский в одной из своих программных записок писал: «Среди попечений о благе народа, мысль о благе его нравственном, кажется, должна бы занять первое место, если только справедливо, что народ без нравов не может быть счастлив, а нравы без религии не могут быть тверды»².

Свидетельством происходивших изменений можно считать появление проектов государственных учреждений, ведавших религиозными делами. Наиболее заметной попыткой создания подобного ведомства стало Министерство духовных дел и народного просвещения (1817–1824 гг.), состоявшее из департамента народного просвещения и департамента духовных дел, структурные подразделения которого занимались делами отдельных христианских конфессий и нехристианских религий. Относительно недолгое существование этого учреждения оставило заметный след в публицистике и историографии XIX столетия, в которой за ним закрепилось наименование «двойного министерства» или «сугубого министерства»³.

Причины объединения системы образования и религиозных дел в одном ведомстве, мотивы, которыми руководствовались правительство при его создании, идеи, положенные в основу такого объединения рассматриваются и в современной литературе. Создание «двойного министерства» расценивается как значимый этап эволюции внутренней политики императора Александра I. В резком усилении «влияния религии на все стороны культурного процесса» часто видят поворот к реакции, характеризующий завершение александровского царствования. Двойное министерство воспринималось как символ

¹ См.: Шенелёв Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощения. М., 2012.

² Сперанский М.М. О необходимости поправления состояния белого духовенства // Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Ф. 100. Оп. 1. Д. 197. Л. 10об.

³ См., например: Стурдза А.С. О судьбе православной Церкви Русской в царствование императора Александра I // Русская старина. 1876. Т. 15. № 2. С. 266–288; Благовидов Ф.В. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII — первой половине XIX столетия. Казань, 1900; Знаменский П.В. Чтения из истории Русской Церкви за время царствования императора Александра I. Казань, 1885.

насаждения обскурантизма, гонений на просвещение и свободомыслие⁴. С другой стороны, в учреждении министерства усматривают способ распространения буржуазных религиозных и политических ценностей, источником которых была идеология протестантизма в форме абстрактной христианской догмы⁵.

В то же время в контексте политики по созданию министерской системы история «двойного министерства» специально не анализируется. Между тем последнее можно рассматривать и с точки зрения истории государственных учреждений. Проблема его существования, конечно, не может быть сведена к чисто бюрократическому аспекту, однако изучение обстоятельств возникновения министерства позволит не только прояснить историю образования самого этого ведомства, но и приблизиться к пониманию характера развития системы церковно-государственных отношений в бюрократизирующейся Российской империи.

Идея необходимости особого ведомства по управлению делами религиозных конфессий высказывалась представителями высшей бюрократии с самого начала разработки министерской реформы. Уже в 1802 г. в проекте учреждения министерств, написанном Н.Н. Новосильцевым, появляется «министерство всех вер и религий, исключая православного греко-кафолического исповедания»⁶. Однако сам Новосильцев вычеркнул его из рукописи, вопрос о нем на первом этапе преобразований не обсуждался⁷.

Но тема министерства религий не была снята с повестки дня и была вновь поднята М.М. Сперанским в 1808–1809 гг. Во «Введении к уложению государственных законов» Сперанский выделил духовные дела как отдельную часть государственного управления, и предложил назначить «место, где дела духовные разных исповеданий должны быть ведомы <...> составить из них особенный департамент», руководитель которого «под именем обер-прокурора Синода будет действовать на том же основании, как и министры, и должен иметь особенный устав и учреждение»⁸. В «Кратком начертании государ-

---

⁴ См.: *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 208–211.

⁵ См.: *Вишленкова Е.А.* Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи. Казань, 1997. С. 184.

⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 526 (Новосильцев Н.Н.) Оп. 1. Д. 2. Л. 1об.

⁷ *Приходько М.А.* Управление делами иностранных исповеданий и государственная система в России в первой трети XIX века (историко-правовой аспект) // *Lex Russica*. 2012. № 4. С. 706.

⁸ *Сперанский М.М.* Введение к уложению государственных законов // *Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 383.

ственного образования» в разделе «образование Министерства» помещено Министерство духовных дел под руководством министра, именуемого обер-прокурор Синода. Предметом сего министерства определено «Ведомство Духовных Дел»⁹.

Не совсем ясно, какое место в этом проекте отводилось делам православной Церкви, но, похоже, в отношении Синода новый министр сохранял статус и полномочия, определенные инструкцией обер-прокурору, существовавшей с петровских времен. Эти полномочия ограничивались надзором за функционированием Синода и ходом рассмотрения дел¹⁰. Министерские же полномочия должны были реализовываться в отношении духовных дел иностранных исповеданий. В предложении Сперанского прослеживается параллель с учреждением в 1802 г. должности министра юстиции, соединенной с должностью генерал-прокурора Сенага. Нужно иметь в виду, что пост обер-прокурора Синода с 1803 г. занимал князь А.Н. Голицын, близкий к императору человек, представитель высшей аристократии — вполне подходящая кандидатура для министерской должности.

Однако такой проект не был реализован. В манифесте 25 июля 1810 г. «О разделении государственных дел на особые управления с означением предметов, каждому управлению подлежащих» было сказано, что «предметы, относящиеся к духовенству православного греко-российского исповедания имеют свое средоточие в Святейшем Синоде и не требуют в образе Главного их управления никакого дополнения». При этом учреждалось Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, в ведение которого передавались все предметы, «относящиеся к духовенству разных иностранных религий и исповеданий»¹¹. Руководителем нового управления стал оставшийся обер-прокурором Синода князь А.Н. Голицын, получивший, таким образом, должность близкую к министерской.

В «Записках» Ф.Ф. Вигеля это назначение, как и учреждение самого Главного управления духовных дел, рассматривается исключительно с точки зрения амбиций самого Голицына. «Вот моего князя взяла честолюбивая зачесьть: а почему бы и ему не в министры <...> Министерства духовных дел тогда учредить не решились: это было бы уже слишком явно духовную часть подчинить мирской. Гораздо

---

⁹ Сперанский М.М. Краткое начертание государственного образования // Там же. С. 401–402.

¹⁰ Подробнее см.: Бежанидзе Г.В., Фирсов А.Г. Административные полномочия обер-прокурора Святейшего Синода в XVIII в. // Святейший Синод в истории российской государственности: сборник материалов всероссийской научной конференции с международным участием. СПб., 2017. С. 20–28.

¹¹ ПСЗ. Собр. 1-е. (Далее — ПСЗ-1). Т. 31. № 24307. С. 278–280.

удобнее было сделать сие с духовенством терпимых вер, христианских и нехристианских, и потому-то, оставаясь синодальным обер-прокурором, назначен был он главноуправляющим духовными делами иностранных исповеданий», — пишет Вигель¹².

Как видно из проекта Новосильцева, оценка Вигелем роли Голицына в организации нового ведомства неверна: идея появилась гораздо раньше и вне связи с князем. Очевидно, что в создании такого учреждения существовала объективная необходимость. Кроме того, в европейских странах, опыт которых изучался при разработке министерской реформы, управление духовными делами было централизовано¹³.

Однако проблема существования такого ведомства применительно к православной Церкви, отмеченная Вигелем, действительно была. Не случайно ни проект Новосильцева, ни манифест 25 июля 1810 г. не предполагают изменения синодальной системы. В ряде проектов реформ государственного управления, разработанных после Отечественной войны и опубликованных позднее, в бумагах комитета 6 декабря 1826 г., изменений синодальной системы не предполагается. В одном из них прямо говорится, что управление духовными делами православной Церкви является прерогативой Святейшего Синода¹⁴. В другом, принадлежащем М.А. Балугьянскому, содержится эмоциональное восклицание: «под ведением Святейшего Синода Российская Церковь благоденствовала более ста лет, без всякого помешательства в спокойствии государства. Можно ли и подумать о нарушении подобного установления?»¹⁵

Что же касается духовных дел иностранных исповеданий, то авторы проектов предполагали объединить их с делами народного просвещения в одном министерстве. Для такого министерства предлагались названия: «Духовных дел и народного просвещения» (проект графа В.П. Кочубея), «просвещения и духовных дел (проект М.А. Балугьянского) «Исповеданий и просвещения» (проект графа Д.А. Гурьева)¹⁶.

Целесообразность такого объединения обосновывалась, в первых, административными и финансовыми соображениями: каж-

---

¹² Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 245–246.

¹³ См.: Назаров А.А. Российская система религиозного управления в XVIII–XIX вв. М., 2013. С. 88.

¹⁴ «Главное управление духовных дел православных Греко-Российских церквей, на основании государственных узаконений, принадлежит Святейшему Правительствующему Синоду» // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 90. СПб., 1894. С. 96.

¹⁵ Там же. С. 32.

¹⁶ Там же. С. 11–12, 32, 78.

дое из ведомств вело не очень большое количество дел по сравнению с другими министерствами, при их слиянии упрощалось управление и сокращались расходы¹⁷.

Во-вторых, приводились идеологические соображения, основывающиеся на тезисе о тесной связи религии с образованием. По мнению В.П. Кочубей: «главная цель при воспитании есть нравственная; опыты же доказали, что она не может никогда лучше быть основана как на религии, следовательно, религия должна быть первою путеводительницею при образовании юношества». Кроме того, Кочубей считал, что только из представителей духовного сословия может быть первоначально сформирован педагогический корпус. «В России, где нет еще среднего состояния, — писал Кочубей, — одно многочисленное сословие духовенства, составляющее класс людей свободных, и отчасти в семинариях к наукам приуготовленный, может доставить существенные способы к составлению класса обучающего»¹⁸.

Очевидно, что Кочубей в первую очередь имел в виду духовенство православное. Следовательно, в ведение предполагаемого министерства он хотел включить дела православной Церкви. Неясно, правда, какое место в деле просвещения отводилось Кочубеем инославному и иноверному духовенству, включались ли в новое министерство дела иностранных исповеданий и, если включались, то как должны были соотноситься дела господствующей Церкви и «терпимых» исповеданий.

Правительственный подход к разрешению этого вопроса выявился при учреждении Министерства духовных дел и народного просвещения. В 1817 г. император Александр I поручил князю А.Н. Голицыну составить проект объединения главной управления духовных дел иностранных исповеданий и Министерства народного просвещения в одно ведомство, с дополнением дел «по духовной части греко-российского исповедания», которыми Голицын заведовал как обер-прокурор Синода¹⁹.

Князь А.Н. Голицын, помимо должностей обер-прокурора Синода и главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий, с 1816 г. исполнял обязанности министра народного просвещения. Таким образом, в новом ведомстве должны были соединиться три его должности. Эти изменения, конечно, можно расценивать как разви-

---

¹⁷ Там же. С. 78.

¹⁸ Там же. С. 13.

¹⁹ Всеподданнейший доклад кн. А.Н. Голицына и высочайше утвержденное Учреждение Министерства духовных дел и народного просвещения // Министерская система в Российской империи: к 200-летию министерств России. М., 2007. С. 814.

тие служебной карьеры близкого к императору сановника. С другой стороны, в научной литературе принято связывать появление такого министерства с эволюцией государственной идеологии во второй половине царствования Александра I²⁰. Однако вопрос о создании религиозного ведомства, как видно, возник значительно раньше. Не следует ли рассматривать это мероприятие в том числе, а, может быть, и в первую очередь, как этап реформы системы государственного управления в первой четверти XIX столетия?

Всеподданнейший доклад Голицына об исполнении возложенного на него поручения с приложением проекта учреждения нового ведомства по повелению Александра I был представлен в Государственный совет 22 августа²¹. Новое министерство предлагалось разделить на два департамента: духовных дел и народного просвещения. Департамент духовных дел состоял из четырех отделений: по делам греко-российского исповедания; по делам римско-католического, греко-униатского и армянского исповеданий; по делам всех протестантских исповеданий; по делам еврейского, магометанского и «прочих вер нехристианских» (параграф 7). Сохранялась должность обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода. Отмечалось, что обер-прокурор по отношению к министру духовных дел и народного просвещения находится в таком же положении, «в каком обер-прокуроры Правительствующего Сената к генерал-прокурору» (параграф 159). Министр же по отношению к Святейшему Синоду находится в таком же отношении, «в каком генерал-прокурор к Правительствующему Сенату, но сие разумеется только о правительственной части дел Синода, а не о судебной» (параграф 111)²². Основная идея объединения ведомств излагалась следующим образом: «когда по благотворной воле Вашего величества, при соединении сих двух частей, соединятся они и в самом существе своем, и христианское благочестие составлять будет основание в науках, а сии споспешествовать оному, что благословиться, без сомнения, и свыше подателем всякого добра: то произойдут от того плоды вожделеннейшие, кои могут более всего утвердить внутреннее благосостояние государства, и устроить истинное блаженство многочисленных обитателей оного твердейшим образом»²³.

---

²⁰ См., например: Назаренко Е.Ю. Князь А.Н. Голицын в общественно-политической и религиозной истории России первой половины XIX в. Воронеж, 2014. С. 86–88

²¹ Письмо Голицына — Оленину // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1149. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

²² Министерская система в Российской империи: к 200-летию министерств России. С. 815–835.

²³ Там же. С. 815.

10 сентября Государственный совет одобрил проект учреждения Министерства духовных дел и народного просвещения, а 3 октября — текст манифеста о создании нового ведомства²⁴. При составлении текста манифеста образцом, вероятно, послужил всеподданнейший доклад Голицына: заметно текстуальное совпадение двух документов. Необходимость объединения обосновывалась в манифесте следующим образом: «желая, дабы христианское благочестие составляло всегда основание истинного просвещения, а просвещение споспешествовало сему благочестию и, ожидая от такового соединения плодов вождеденнейших, кои могут более всего утвердить внутреннее благосостояние государства и упрочить истинное блаженство многочисленных его обитателей»²⁵.

При обсуждении в Государственном совете в проект Голицына не было внесено никаких изменений, в таком виде он и был утвержден императором²⁶. История же создания текста манифеста оказалась более сложной. Об этом свидетельствуют документы, которые А.И. Тургенев, директор канцелярии Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, направил князю А.Н. Голицыну в начале октября 1817 г. Они сохранились единым комплексом в одном из архивных фондов Министерства народного просвещения²⁷.

Неясно, кто был автором документа, одобренного Государственным советом. Им мог бы быть сам Голицын — автор проекта учреждения министерства, либо кто-то из его сотрудников. Однако в октябре 1817 г. император и часть высших сановников, включая Голицына, находились в Москве. Сам же текст манифеста вызвал возражения А.И. Тургенева, который, наряду со службой в главном управлении духовных дел иностранных исповеданий, исполнял обязанности статс-секретаря Государственного совета по департаменту законов и участвовал в его заседаниях. На заседании Государственного совета 3 октября Тургенев не присутствовал по болезни, но, узнав об обсуждении манифеста, запросил текст документа, который напрямую затрагивал его ведомство. Редакция манифеста показалась Тургеневу настолько неудовлетворительной, что он попросил государственного секретаря А.Н. Оленина разрешить ему представить свои замечания²⁸.

---

²⁴ Журналы Государственного совета за 1817 г. // РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 3. Л. 149–152об.

²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 460. Л. 17.

²⁶ ПСЗ-1. Т. 34. № 27106. С. 814–834.

²⁷ О проекте манифеста об учреждении министерства Духовных дел и народного просвещения // РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 460.

²⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 460. Л. 2–2об.

Что же вызвало такое беспокойство Тургенева? Во-первых, целый ряд стилистических погрешностей. Например, Тургенев писал, что «начав с глагола желать и потом употребив выражение ожидая, нельзя уже не сделав тавтологии». Вместо «признали за нужное» (объединение ведомств) Тургенев предлагал «признали за благо» и т. п.²⁹ Во-вторых, Тургенев ставил вопрос о целесообразности перечисления протестантских структур, которые переходили в ведение министерства. Их многочисленность делала невозможным упомянуть все, а отсутствие названия какой-либо из них в тексте манифеста могло быть расценено как ограничение ведомственной юрисдикции. В качестве решения проблемы Тургенев предлагал обозначить протестантские конфессиональные учреждения общим наименованием³⁰.

Серьезные возражения Тургенева вызвала формулировка: «дела по духовной части греко-российского исповедания», перенесенная в манифест из доклада Голицына³¹. По его мнению, она неверно отражала характер церковно-государственных отношений. «Я бы предлагал, — писал Тургенев, — избегать сколько возможно, особенно в манифесте, выражения Духовная часть, ибо по всем католическим (т. е. католическим. — *авт.*) исповеданиям истинна духовная часть никак светскому правительству принадлежать не может, а только правительственная, но слова сего в отношении к Святейшему Правительствующему Синоду употребить не можно»³².

Кроме того, 4 октября Тургенев отправил письмо Голицыну, в котором выражал свою обеспокоенность возможностью публикации недостаточно проработанного текста. Он писал, что «представленной Совету редакции оставлять никак не возможно, ибо манифест сей возбудит внимание Европы, да и для себя надобно делать всегда сколь можно лучше»³³. К письму прилагались одобренный текст манифеста, копия замечаний, отправленных Оленину, и два собственных варианта манифеста. Тургенев предполагал, что Голицын мог бы добиться изменения текста до его утверждения императором³⁴.

---

²⁹ Там же. Л. 6об.–7.

³⁰ Там же. Л. 9–10.

³¹ Там же. Л. 17об.

³² Там же. Л. 7–7об.

³³ Там же. Л. 5.

³⁴ «Я почитаю свою обязанностью сообщить Вам копию сих замечаний, с тем, чтобы Ваше сиятельство успели заблаговременно, если заблагорассудите, обратить внимание на проект сей, прежде чем он будет представлен Государю Императору». (Там же. Л. 2–2об.)

Именно поэтому он работал весьма оперативно — все документы были подготовлены в течение одного дня³⁵.

Первый проект Тургенева написал в соответствии с теми замечаниями, которые были отправлены Оленину. Во втором проекте Тургенев, «сохранив главную мысль о пользе соединения двух министерств», изложил основную идею манифеста более витиевато и с пафосом. «Мы уповаем, — писал Тургенев, — что воспитание юношества при благотворном свете божественной веры, будет неиссякаемым источником народных доблестей; в дни мира и в годину искушения сохранит пастырей истинными сынами отечества, а граждан верными чадами Церкви. Да в сем единстве благочестие и просвещение, свыше осеняемые, укрепят союз свой, самим Божеством предназначенный, — союз не порывами вольнодумства, ни буйством суеверия, не расторгаемый; но спасительно действующий на целый состав сил государственных, ко благу современников и позднейшего потомства»³⁶.

Голицын, ознакомившись с присланными материалами, также признал текст неприемлемым и, по всей видимости, обратился к монарху. Во всяком случае, 15 октября, никто иной, как А.А. Аракчеев, исполняя повеление императора, официально препроводил Голицыну одобренный Государственным советом проект для прочтения и возможных замечаний³⁷.

Присланный Голицыну документ отличался от первоначального проекта манифеста. Текст его был отредактирован с учетом большей части замечаний А.И. Тургенева. В том числе формулировка «дела по духовной части греко-российского исповедания» была в соответствии с его предложениями заменена на «дела по части греко-российского исповедания»³⁸.

Однако ни эта редакция, в целом совпадавшая с первым из проектов Тургенева, ни второй его проект не удовлетворили А.Н. Голицына. Он представил собственный проект манифеста императору. Замечания и предложения Голицына сводились к следующему.

Во-первых, Голицын предлагал отказаться от формулировки «христианское благочестие составляло всегда основание истинного просвещения, а просвещение споспешествовало благочестию», кото-

---

³⁵ На черновом экземпляре замечаний Тургенева, отправленных Оленину, имеется пометка: «проект получил в 12 часу, замечания представил в 2 часа пополудни» (Там же. Л. 6).

³⁶ Там же. Л. 15–15об.

³⁷ Там же. Л. 1.

³⁸ РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 24. Л. 76.

рую, кстати, А.И. Тургенев сохранил в первом из предложенных им проектов³⁹. Голицын писал: «Коль скоро сказано уже, что христианское благочестие составляет основание просвещения, то, по мнению моему, неуместно уже употреблять выражения споспешествование просвещения благочестию, сего даже и допустить нельзя, ибо истинное благочестие всеконечно превыше всякого от наук просвещения и не требует от оною никакого споспешествования»⁴⁰.

На первый взгляд формулировка, вызвавшая возражения Голицына, не очень отличается от его собственной фразы из всеподданнейшего доклада: «христианское благочестие составлять будет основание в науках, а сии споспешествовать оному». Однако, как известно, с XVIII в. понятие «просвещение» использовалось не просто как синоним образования или научного знания, а имело, в первую очередь, этическое содержание. Просвещение понималось как распространение света, в символическом его значении — света истины, знания и добродетелей⁴¹.

В западно-европейской философской мысли этот свет рассматривался как естественный, исходящий от человеческого разума⁴². Но существовало и богословское понимание такого света, как сверхъестественного, истекающего от Бога. Подобную трактовку можно встретить в официальных документах александровской эпохи. В именном указе комиссии духовных училищ 30 августа 1814 г. говорилось: «Просвещение, по своему значению, есть распространение света и, конечно, должно быть того, который во тьме светиться и тьма его не объят»⁴³.

Похоже, что Голицын в своих замечаниях выражает именно такое понимание просвещения — как христианского воспитания, формирования личности на основе евангельских идеалов уподобления Христу. При таком подходе становится понятно, что сформировавшаяся в духовно-религиозном отношении личность в светском «просвещении» не нуждается.

---

³⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 460. Л. 12.

⁴⁰ Там же. Л. 42.

⁴¹ О происхождении понятия «просвещение» см.: *Gay P. The Enlightenment: An Interpretation. Vol. 1: The Rise of Modern Paganism. New York, 1967*; о с понятии «религиозное просвещение» см.: *Sorkin D. The Religious Enlightenment: Protestants, Jews and Catholics from London to Vienna. Princeton and Oxford, 2008*.

⁴² Показательно название книги Рене Декарта: «Разыскание истины посредством естественного света, который сам по себе, не прибегая к содействию религии или философии, определяет мнения, кои должен иметь добропорядочный человек относительно всех предметов могущих занимать его мысли...» (1701).

⁴³ ПСЗ-1. Т. 32. № 25673. С. 911. Последние слова — цитата из евангелия от Иоанна (Ин. 1, 5).

С этой точки зрения следует рассматривать и формулировку Голицына, содержащуюся во всеподданнейшем докладе. Его мысль о связи наук и благочестия можно истолковать следующим образом: знания важны не сами по себе, а как инструмент приближения к божественной истине. Постигая науки, христианин будет убеждаться в красоте мира и благодати Творца.

Такая идея находит параллели в православном богословии той эпохи. По убеждению собеседника Голицына, святителя Филарета Московского, «благочестие есть жизненное, руководительное и охранительное начало истинного знания»⁴⁴. И у него же: «Исследование природы имеет свое достоинство, и может сделаться путем к премудрости, когда, как говорит древняя книга премудрости, “от величества красоты созданий сравнительно Рододелатель их познавается”»⁴⁵.

Похоже, что составителям первоначального текста манифеста были чужды такие дефиниции, или же они придерживались иных взглядов на просвещение. А.И. Тургенев в своем втором проекте тоже лишь перефразировал мысль о взаимовлиянии благочестия и просвещения, при котором благочестие предохраняет просвещение от вольнодумства, а просвещение — препятствует суеверию. Наверное, поэтому второй проект Тургенева Голицына не заинтересовал — за основу своей редакции он, как показывают следы карандашной правки, взял первый проект.

Во-вторых, даже исправленная в соответствии с замечаниями Тургенева фраза: «и дела по греко-российскому исповеданию», вместо «по духовной части греко-российского исповедания» не удовлетворила Голицына. «Сие сказано слишком генерально, — отмечал Голицын, — ибо хотя дела святейшего Синода и будут присовокуплены к означенному министерству, при всем том министр Духовных дел и народного просвещения находиться будет в точно таком же к Святейшему Синоду отношении, в каковом находится министр юстиции к правительствующему Сенату, кроме только дел судных». Данное положение содержалось в проекте учреждения министерства, и Голицын настаивал: «Обстоятельство сие необходимо следует изложить с надлежащей ясностью и с большею определенностью, дабы не подать поводу к неправильному заключению, что будто бы Святейший Синод подчиняется министру духовных дел»⁴⁶.

---

⁴⁴ Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского: Слова и речи. Т. 5 М., 1885. С. 65.

⁴⁵ Там же. С. 64.

⁴⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 460. Л. 42об.

Действительно, делами православной церкви («греко-российского исповедания») с 1721 г. ведал Святейший Синод, относившийся, как и Сенат, а позднее и Государственный совет, к высшим органам власти и управления. Как Сенат с появлением министерства юстиции, сохранял статус высшего государственного учреждения, так и Синод, с образованием министерства духовных дел, не должен был терять своего значения.

Во всеподданнейшем докладе Голицына, правда, встречается выражение «министерство, в которое бы входили и дела, вверенные мне по духовной части греко-российского исповедания», да и первое отделение департамента духовных дел нового министерства называлось отделением «по делам греко-российского исповедания». Но здесь речь идет о подчинении министерству не Синода, а обер-прокурора, дела которого на момент составления доклада вел Голицын, и которые, с учреждением министерства, становились предметом занятий первого отделения.

Позиция Голицына была полностью одобрена императором: манифест был подписан и обнародован именно в его редакции. В нем отсутствует положение о содействии просвещения благочестию, вместо выражения «дела греко-российского исповедания» сказано «дела Святейшего Правительствующего Синода» и вставлено положение об отношениях министра духовных дел и Синода из сто одиннадцатого параграфа учреждения министерства, где они уподоблялись отношениям министра юстиции и Сената⁴⁷.

Итак, в России появлялось центральное учреждение, которое ведало всеми религиозными делами и вопросами народного просвещения. Однако просуществовало оно недолго: в 1824 г. министерство было расформировано. Дела православной Церкви возвращались в ведение обер-прокурора Синода, который становился руководителем отдельного учреждения под названием «Отделение духовных дел греко-российского исповедания при обер-прокуроре Святейшего Синода»⁴⁸. Восстанавливалось главное управление духовных дел иностранных исповеданий, но главноуправляющим становился назначенный министром народного просвещения А.С. Шишков. После смерти Шишкова должности были разделены, и пост главноуправляющего занял Д.Н. Блудов. Такое положение сохранялось до 1832 г., когда дела иностранных исповеданий были переданы в Министерство внутренних дел, образовав отдельный департамент⁴⁹.

---

⁴⁷ ПСЗ–1. Т. 34. № 27106. С. 814; Ср.: РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 460. Л. 16.

⁴⁸ ПСЗ–1. Т. 39. 29914. С. 319; № 30037. С. 491.

⁴⁹ См.: *Приходько М. А.* Указ. соч. С. 718–721.

Упразднение Министерства духовных дел и народного просвещения традиционно считается результатом интриги графа А.А. Аракчеева против А.Н. Голицына⁵⁰. Наиболее подробно история этой интриги изложена в записках А.С. Стурдзы⁵¹. Действительно, в результате расформирования ведомства князь Голицын лишился поста министра народного просвещения. Не был возвращен ему и пост обер-прокурора Синода. Но, по всей видимости, существовали и объективные основания для ликвидации «двойного министерства».

Реформа государственного управления, начатая в первые годы александровского царствования, реализовывалась по отраслевому принципу. Однако для «духовных дел» внедрение этого принципа проходило непросто. Выделить в отдельную отрасль дела всех «иностранных исповеданий» было несложно, но для самостоятельного ведомства объем делопроизводства оказывался незначительным⁵². Это обстоятельство послужило одной из причин появления проектов организационного объединения «духовных дел» и системы образования. Идеологически такое соединение выглядело логично: целью просвещения провозглашалось формирование нравственной личности, а в качестве главного основания нравственных норм рассматривалась религия.

Российская империя являлась православным государством. Государство в лице монарха защищало и охраняло православие, которое считалось не просто главным («господствующим») исповеданием, но единственной истинной религией. Поэтому сформировать такое объединенное ведомство без привлечения православной Церкви было невозможно.

Исключительное положение православия предполагало и исключительный статус церковного управления. Формально ни Святейший Синод, ни епископат, ни духовенство не входили в систему управления государственным⁵³. Только император, помазанник Божий (по словам Духовного Регламента — «правоверия же и всякаго в церкви Святей благочиния блюститель»), мог регулировать деятельность православ-

---

⁵⁰ См.: *Благовидов Ф. В.* Указ. соч. С. 388.

⁵¹ *Стурдза А.С.* Указ. соч. С. 283–285.

⁵² См.: *Приходько М.А.* Указ. соч. С. 710–713.

⁵³ Ср.: «Церковь до самого 1917 г. не утратила своего особого статуса: статуса института параллельного государственному аппарату, но не исключенного в него... она сохраняла свою основную структурную автономность особого «религиозного» института». (*Фриз Г.* Служанка государства? Переоценка роли Церкви в императорской России // *Фриз Г.* «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сборник статей. СПб., 2019. С. 26–27).

ной Церкви⁵⁴. Поэтому, при учреждении Министерства духовных дел и народного просвещения такое серьезное внимание было уделено формулировкам манифеста: Святейший Синод, как высший орган церковного управления, должен был сохранить все свои prerogatives.

Несмотря на точность формулировок, учреждение «двойного министерства» могло восприниматься как унижение и Синода, и православия. Ведь министр считался полномочным руководителем своего ведомства, в данном случае ведомства по делам религий, в которое входило и православное исповедание, да и реальная практика церковно-государственных отношений на протяжении уже не одного столетия способствовала именно такому пониманию. Включение православного исповедания в одну структуру с другими религиями не позволяло четко обозначить его исключительное положение в империи. Тот же А.С. Стурдза пишет: «Самая грубая ошибка... состояла в том, что дела Синода и дела терпимых религий, даже мусульманства и язычества устави́ли в ряд и распределили по отделениям и столам в одном и том же департаменте. Наконец, для довершения всех промахов, бывший синодальный обер-прокурор, став министром с двумя бумажниками, уступил место свое в Синоде другому лицу, ниже себя, князю П.С. Мещерскому; следствием такого необдуманного распоряжения было унижение Синода, ибо обер-прокурор представлял в нем уже лицо министра, а не царя и помазанника Божия, как то установлено было Духовным регламентом»⁵⁵.

Переустройство сложившейся системы государственно-конфессиональных отношений не стояло на повестке дня. Дела православной Церкви были выделены в отдельную структуру под руководством обер-прокурора. Появление этой структуры, «отделения духовных дел православного исповедания», можно расценивать как начало формирования особого ведомства — ведомства православного исповедания. На протяжении XIX в. обер-прокурор постепенно усваивал министерские полномочия, но формальным министром так и не стал. Дела православной Церкви сохранили особое административное устройство вплоть до падения монархии в 1917 г.

Список литературы

Бежанидзе Г.В., Фирсов А.Г. Административные полномочия обер-прокурора Святейшего Синода в XVIII в. // Святейший Синод в истории российской государственности: сборник материалов всероссийской научной

---

⁵⁴ Духовной Регламент // ПСЗ–1. Т. 6. 3718. С. 316.

⁵⁵ Русская старина. 1876. № 2. С. 281.

конференции с международным участием. СПб.: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2017. С. 20–28.

Благовидов Ф.В. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1900. 449 с.

Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи. Казань: Издательство КГУ, 1997. 188 с.

Знаменский П.В. Чтения из истории Русской Церкви за время царствования императора Александра I. Казань: Типография Императорского университета, 1885. 248 с.

Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 238 с.

Назаренко Е.Ю. Князь А. Н. Голицын в общественно-политической и религиозной истории России первой половины XIX в. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. 188 с.

Назаров А.А. Российская система религиозного управления в XVIII–XIX вв. М.: Издательство МИТХТ, 2013. 279 с.

Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощения. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.

Приходько М.А. Управление делами иностранных исповеданий и государственная система в России в первой трети XIX века (историко-правовой аспект) // *Lex Russica*. 2012. № 4. С. 706–724.

Шепелёв Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб.: Искусство-СПБ, 2007. 461 с.

Gay P. The Enlightenment: An Interpretation. Vol. 1: The Rise of Modern Paganism. New York: Knopf, 1967. 555 p.

Sorkin D. The Religious Enlightenment: Protestants, Jews and Catholics from London to Vienna. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2008. 339 p.

Freeze G. Handmaiden of the State? The Orthodox Church in Imperial Russia Reconsidered // *Journal of Ecclesiastical History*. 1985. Vol. 36. P. 82–102.

Поступила в редакцию
18 декабря 2019 г.

М.М. Беклемишева*

**БАЛКАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.А. БАШМАКОВА**

M.M. Beklemisheva

**THE BALKAN AREA
OF ALEXANDER BASHMAKOV'S ACTIVITIES**

Аннотация. В статье рассмотрены основные вехи жизненного пути А.А. Башмакова — русского правоведа, видного публициста и славянского деятеля рубежа XIX–XX вв., так или иначе связанные с Балканами. Хронологические рамки исследования — с 1880-х гг. (юные годы А.А. Башмакова) до 1913 г. (когда состоялась отставка с государственной службы). Основное внимание уделено общественно-политической активности А.А. Башмакова и его поездкам на Балканы, т. е. практической стороне его деятельности, связанной со славянским вопросом. Подробно освещаются обстоятельства его пребывания в Македонии и северной Албании, характеризуются труды, опубликованные по результатам этих поездок: путевые заметки, статьи, речи, фельетоны в периодической печати, книги и сборники. Кратко касаясь взглядов публициста по восточному вопросу, автор рассматривает приводимую А.А. Башмаковым аргументацию в пользу необходимости проведения Россией такой политики в отношении славян, которая позволила бы сохранить неоспоримое влияние страны в международных делах. В качестве источников используются мало проработанные архивные и опубликованные материалы. Научная новизна работы обусловлена обращением к масштабной, но недостаточно изученной личности Башмакова, прежде всего к комплексному анализу балканского направления его деятельности, чего до сих пор не предпринималось в историографии. В статье впервые показано всё многообразие «славянской» деятельности А.А. Башмакова, изучена мотивация его поступков, уточнен ряд связанных с его издательской и научной работой вопросов, исправлены имеющиеся в историографии ошибки. На ряде примеров показано, что, совершая путешествия в опасные регионы Османской империи, А.А. Башмаков действовал самостоятельно и вопреки господствовавшим в Министерстве иностранных дел настроениям,

---

* *Мария Михайловна Беклемишева*, аспирант кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Beklemisheva Maria Mikhailovna, PhD Student, Department of the History of Russia in the 19th — Early 20th Centuries, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University
+7-909-926-02-50; mariabekl@mail.ru

рискуя собственной карьерой. В заключение отмечено, что решающую роль в отставке А.А. Башмакова с государственной службы сыграла невозможность для него отказаться от публичных выступлений во время Первой Балканской войны.

Ключевые слова: историческая биография, умеренно-правые, славянофилы, восточный вопрос, македонский вопрос, русские путешественники, «Правительственный Вестник».

Abstract. The article deals with the Balkan-related aspects of the life of A.A. Bashmakov, the Russian legal scholar, publicist and prominent figure of the Pan-Slavic movement in the late 19th and early 20th centuries. It covers his early years since the 1880s until 1913 when he resigned from civil service. The main attention is paid to A.A. Bashmakov's socio-political activity and his Balkan journeys, i. e. to the practical side of his activities related to the Slavic issue. The circumstances of his stay in Macedonia and Northern Albania are described in detail; the author also touches upon his works based on the results of his journeys (travel notes, articles, speeches, periodical feuilletons, books and collected papers) and his stance on the Eastern question. According to A.A. Bashmakov, a Slavic-oriented Russian foreign policy should have helped maintain the country's undeniable impact on international affairs. Scarcely researched archival and published materials are involved in the study. Academic novelty of the work is due to approaching large-scale, but unstudied activities of such a prominent figure as A.A. Bashmakov, first of all, analyzing his Balkan sphere of interests which has not yet been dealt with in historiography. The article shows all the diversity of A.A. Bashmakov's undertakings in this area, studies his motivation, clarifies a number of issues regarding his publishing and academic work and corrects historiographic fallacies. A number of cases show that, while traveling to unstable regions of the Ottoman Empire, A.A. Bashmakov acted independently and contrary to the prevailing opinion of the Ministry of Foreign Affairs, risking his own career. The article argues that his resignation from civil service was determined by his public criticism of Russian diplomacy during the First Balkan War.

Keywords: historical biography, moderate right-wingers, Slavophiles, Eastern question, Macedonian question, Russian travelers, "The Government Bulletin".

* * *

Жизнь и деятельность известного русского публициста и издателя, по образованию правоведа А.А. Башмакова (25 декабря 1858 г., Одесса — 1 августа 1943 г., Париж) не нашли пока должного освещения в отечественной историографии. Между тем наследие этого яркого представителя «позднего славянофильства», выразителя национально-русских идей заслуживает обстоятельного изучения. Среди достижений А.А. Башмакова — не только юридические труды и юридическая практика: это редактирование газет и журналов ("Journal de

St. Petersburg”, “Revue Contemporaine”, «Правительственный Вестник» и др.), учреждение типографии, создание собственной политической партии, более 300 опубликованных произведений в период с 1880 по 1911 г. и др. Во всей многообразной деятельности А.А. Башмакова центральное место занимают труды, связанные с Балканами: это исследование этнической и политической ситуации в этом регионе, публикация работ по широкому спектру славянских вопросов, выступления перед слушателями и в печати, организация выставок печатного дела в Софии и Белграде и многое другое.

Выбранная тема является лишь одной из граней биографии А.А. Башмакова. Комплексно данная проблема не исследовалась в литературе: в ряде статей на довольно узкой источниковой базе рассматриваются отдельные эпизоды, связанные с его «славянской» деятельностью. Исследователи главным образом занимались изучением его «славянской идеи», т. е. теоретического наследия по славянскому вопросу, практически не останавливаясь на издательской и общественно-политической деятельности, путешествиях на Балканы. Так, в ряде работ изучаются: взгляды А.А. Башмакова как идеолога панславизма¹; его воззрения на трансформацию славянской идеи в 1920-е гг.²; имеются отдельные упоминания о его деятельности в качестве члена Петербургского Славянского благотворительного общества³ и участия в «славянских банкетах» в 1912–1913 гг.⁴ Историки Л.В. Горина и О.В. Анисимов исследуют комментарии А.А. Башмакова к «Запискам» Н.П. Игнатъева «Сан-Стефано» и «После Сан-Стефано» — в данных работах его примечания рассматриваются как самостоятельный вид источника⁵. Подробный, хотя не исчерпывающий анализ позиции А.А. Башмакова по «македонскому

---

¹ Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017. С. 72, 76–85.

² Аксенова Е.П. Славянофил А.А. Башмаков о кризисе славянской идеи // Славяноведение. 2001. № 5. С. 83–89.

³ Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге: 1858–1921 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013. С. 398, 450, 460–461, 466.

⁴ Гусев Н.С. Болгария и Сербия в русском общественном мнении в период Балканских войн 1912–1913 гг. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 102–103.

⁵ Горина Л.В. Российский правовед А.А. Башмаков о графе Н.П. Игнатъеве // Българска Академия на науките, Институт за исторически изследвания: Известия на Института за исторически изследвания. Сборник в чест на проф. д. и. н. Стефан Дойнов. Т. XXXI. София, 2014. С. 135–143; Анисимов О.В. Александр Башмаков — комментатор записок графа Н.П. Игнатъева // Граф Н.П. Игнатъев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1: Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. М., 2015. С. 631–635.

вопросу» и описание его поездки в Македонию летом 1899 г. имеется в болгарской историографии⁶. Отдельные биографические очерки посвятили А.А. Башмакову правовед В. А. Томсинов⁷ и историк М.Б. Смолин⁸. Однако в этих трудах балканскому направлению его деятельности уделяется минимальное внимание; цели и результаты поездок на Балканы не указываются.

В данной статье предпринята попытка на основании неизвестных ранее источников восстановить этот важнейший аспект биографии видного славянского деятеля. Проведенное исследование позволяет дополнить представления о так называемых «поздних славянофилах» — представителях периода угасания этого общественно-политического направления (80-е гг. XIX в. — 1917 г.).

* * *

А.А. Башмаков родился 25 декабря 1858 г. в Одессе в семье швейцарского подданного Александра Генриха Севёра⁹ и в раннем возрасте был взят на воспитание видным государственным деятелем Александром Дмитриевичем Башмаковым (1825–1888), правнуком А.В. Суворова по женской линии, и его женой В.Н. Сушковой, у которых не было собственных детей¹⁰. А.Д. Башмаков добился высокого положения на гражданской службе, в 1873 г. получив чин тайного советника. В 1870–80-х гг. он активно участвовал в деятельности славянских комитетов, потратив на помощь балканским славянам свое огромное состояние. По всей видимости, взгляды и деятельность приемного отца имели решающее значение в формировании мировоззрения А.А. Башмакова.

Получив домашнее образование в России, с 1872 по 1878 г. А.А. Башмаков воспитывался в Женеве, по-видимому, в гимназии, под руководством лингвиста и литературоведа Александра Маурера (1842–1927)¹¹. Согласно оценке самого А.А. Башмакова, его воспитание под руководством Маурера шло по всем канонам русской про-

---

⁶ Германов С. Руски пътешественици, учени и общественици за Македония от XVII век до 1912 г. // Изследвания по македонския въпрос: Книга първа. София, 1993. С. 248–253.

⁷ Томсинов В.А. Александр Александрович Башмаков (1858–1943) // Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества: В 2 т. Т. 2. М., 2007. С. 166–204.

⁸ Смолин М.Б. Столыпинский идеолог Александр Александрович Башмаков // Российский институт стратегических исследований: Проблемы национальной стратегии. № 1 (10). 2012. С. 149–158.

⁹ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 19916. Л. 5.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 107. Д. 220. Л. 1.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5988. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

граммы классических гимназий, причем Маурер очень хорошо знал русский язык¹². Благодаря широко-научному сочетанию совместного преподавания немецкого, французского, греческого, латинского и древнеславянского языков Александр Александрович получил не только основательную подготовку по современным языкам, но и глубокую, на всю жизнь, любовь к языкознанию, в связи с этнографией¹³. Впоследствии это определило некоторые стороны его деятельности. Так, например, в Одессе, уже будучи мировым судьей, в течение двух семестров он посещал курс санскритского языка профессора Д.Н. Овсяннико-Куликовского; долгие годы своей жизни посвятил изучению вопросов этнографии на славянском юге, неоднократно бывал на Балканах, писал этнографические обзоры об африканских странах¹⁴. «Вся эта сторона моей жизни, моих помыслов и моей деятельности, — писал А.А. Башмаков, — возникла и развилась во мне благодаря мощному воздействию и воспитательному внушению, полученному мною в юности от незабвенного друга моего, профессора Александра Маурера»¹⁵.

В России А.А. Башмаков учился на юридических факультетах Петербургского (с 1878 по 1880 г.) и Новороссийского (с 1880 по 1881 г.) университетов и окончил последний со степенью кандидата прав. Летом 1880 г. А.А. Башмаков обратился к ректору Новороссийского университета в Одессе с просьбой перевести его в студенты этого университета, что и было осуществлено. Как позднее он сообщал в одной из автобиографий, он хотел переехать в Одессу, чтобы сблизиться с южными славянами, там он изучил болгарский язык¹⁶.

После окончания университета А.А. Башмаков был командирован в Восточную Румелию и работал там с 1881 до конца 1882 г.¹⁷ Эта болгарская провинция в то время испытывала острую нехватку правоведов со знанием болгарского языка. Примерно в течение года Башмаков служил в качестве секретаря подготовительной законодательной комиссии в Пловдиве (Филиппополе), состоявшей под председательством русского юриста П.А. Матвеева, а затем, в последние полгода, первым управляющим Областной публичной библиотеки и Музея Восточной Румелии в Пловдиве¹⁸. Изначально А.А. Башмаков

---

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 2 об.

¹⁴ Там же. Л. 2 об. – 3.

¹⁵ Там же. Л. 3 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 37. Л. 76.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5988. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

¹⁸ Там же.

должен был получить должность товарища прокурора окружного суда, однако, по свидетельству П.А. Матвеева, этого не произошло в силу политических причин. Чтобы не допустить А.А. Башмакова на службу по судебному ведомству и замаскировать явное нежелание румелийского правительства пускать русских на прокурорские должности, для него было изобретено новое место — директора Областной библиотеки. Как писал П.А. Матвеев, эта библиотека не имела тогда ни книг, ни даже готового помещения, а на должности по прокурорскому надзору назначались или полуграмотные болгары или иностранцы, не знавшие болгарского языка и произносившие свои обвинительные речи по-французски и по-немецки. «Одним словом, — заключал П.А. Матвеев, — румелийская юстиция являла зрелище печальное»¹⁹.

Работа над созданием Областной библиотеки и музея пошла успешно. При формировании книгохранилища А.А. Башмаков взял за образец Петербургскую Императорскую библиотеку и Публичную библиотеку Женевы, установил контакты с издателями из Одессы, Петербурга, Лейпцига, Лондона, Парижа, Царьграда и другими²⁰. Собранные предметы старины были разделены на три отдела — археологический, нумизматический и рукописный. Последний в дальнейшем стал основой нынешней Национальной библиотеки имени Ивана Вазова в Пловдиве²¹. Открытие библиотеки и музея состоялось 15 сентября 1882 г.

1 января 1883 г. А.А. Башмаков вернулся в Одессу и получил должность помощника присяжного поверенного в Одесском судебном округе²². В 1884 г. он выступил в качестве докладчика на VI Археологическом съезде в Одессе, где представил реферат «О народном эпосе болгар»; он сдал свою рукопись вместе с подлинным «Сборником болгарских песен, балканских и родопских»²³, однако сборник не был опубликован.

В 1885 г. А.А. Башмаков был избран на открывшуюся вакансию мирового судьи 1-го участка города Одессы и оставался на этой долж-

---

¹⁹ Матвеев П. А. Болгария после Берлинского конгресса: исторический очерк. СПб., 1887. С. 290.

²⁰ Вълчев Г. Чужденците в българската следосвобожденска култура 1879–1900. Ст. Загора, 2001. С. 206.

²¹ Толева П.Н. Забравеното книжно богатство на Археологически музей Пловдив и усвояването му чрез съвременните информационни технологии // Списание за филология, култура и политика «Прометей» и студентски клуб в Пловдив. — URL: <http://spisanieprometeus.blogspot.ru/2011/06/blog-post.html?m=1> (дата обращения: 05.03.19).

²² ГАРФ. Ф. Р-5988. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об.

²³ Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. 2. Вып. 22–30. СПб, 1891. С. 276.

ности до июня 1888 г., когда был назначен мировым судьей и председателем Съезда мировых судей в г. Дубно (Волынская губерния), а затем переведен в Либаву (Курляндская губерния)²⁴. В этот период в центре его внимания находятся прибалтийское законодательство и аграрный вопрос в Прибалтике. С осени 1894 г. А.А. Башмаков работает в Петербурге: его назначают на должность состоящего за обер-прокурорским столом Правительствующего Сената, с откомандированием в комиссию Н.И. Стояновского по изготовлению проекта Гражданского уложения²⁵.

5 июня 1898 г. А.А. Башмаков переходит на юрисконсультскую службу во II департамент (внутренних сношений) Министерства иностранных дел²⁶. Предпринятая им летом 1899 г. поездка в Македонию, не связанная со служебными обязанностями, являлась всецело личной инициативой, до поры до времени державшейся в секрете. Разведывательной деятельностью мог заниматься любой сотрудник министерства подобного ранга, но по заданию и при поддержке самого министерства. В случае А.А. Башмакова все было иначе. Его поездка не была связана с работой в МИД и даже могла угрожать его карьере.

Путь Башмакова лежал через Будапешт в княжество Болгарию и Македонию — турецкую провинцию с пестрым этническим составом населения, где в связи с ожидаемым распадом Османской империи особую остроту приобрел «македонский вопрос». Россия, однако, стремилась избегать осложнений на Балканах. В конце XIX в. этот регион находился на периферии внимания российских органов стратегического планирования, а русская дипломатия стремилась законсервировать ситуацию там, чтобы сосредоточиться на дальневосточном направлении внешней политики²⁷.

Осуждая курс официального Петербурга на сохранение статус-кво в Македонии и отказ занять чью-либо сторону в македонском вопросе, А.А. Башмаков стремился определить возможности для активизации политики России в отношении балканских стран (главным образом Болгарии и Македонии). По его мнению, Россия по сравнению с Австрией и другими странами была крайне плохо осведомлена в экономических, торговых и церковных делах Балканах, в результате чего упускала возможности и проигрывала своим конкурентам²⁸. Поэтому, «узнав из конфиденциальных источников», что 29 июня в

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-5988. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об. – Л. 5.

²⁵ Там же. Л. 5.

²⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1639. Л. 21.

²⁷ *Каширин В. Б.* Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 25.

²⁸ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 14 об.

Македонии вспыхнет восстание, Башмаков отправился на Балканы²⁹. 13 июля 1899 г. в частном письме он сообщил графу Н.П. Игнатьеву, что находится в Софии и намерен совершить основательную поездку вглубь Македонии³⁰. «Цель моя — не простое любопытство, — продолжал он. — Каждый шаг, совершаемый мною теперь, есть безумие с точки зрения карьеры, со стороны человека, состоящего на службе МИД; каждая строка этого письма может погубить мою служебную деятельность»³¹. Взяв отпуск и выехав из Петербурга, А.А. Башмаков не предал огласке своих намерений и считался «якобы “отдыхающим” где-нибудь в Швейцарии или Зальц-Каммергуте»³². «На самом деле я проведу все лето в упорном труде, и быть может, и среди опасностей разного рода, — писал он. — Я вижу дела яснее, нежели многие власть имущие, а потому считаю своим долгом сделать посильное, чтобы содействовать исправлению наших несметных ошибок, можно сказать даже — исправлению самого курса русской политики на Балканском полуострове»³³. Во время ожидаемого восстания А.А. Башмаков предполагал стать посредником между российскими официальными представителями и повстанцами для скорейшего достижения умиротворения. В том же письме он отмечал, что если не будет никаких событий, он надеется оказать пользу тем, что изучит этот край, соберет как можно больше данных и осенью напишет подробный доклад, который Н.П. Игнатьев, быть может, сочтет возможным довести до сведения императора³⁴.

Однако восстания не произошло, в крае было тихо. Посещая различные районы Македонии (Скопье, Велес, Тиквеш, Прилеп, Битола и др.), А.А. Башмаков собирал материал об этническом составе населения — столь важном факторе при решении «македонского вопроса», попутно изучая политическую обстановку. Результаты своей поездки он изложил в ряде очерков о Македонии, а в 1903 г., всего за несколько месяцев до Илинденского восстания, опубликовал книгу «Болгария и Македония» с фотографиями и картой своего маршрута³⁵. Благодаря путешествию А.А. Башмаков пришел к выводу о том, что в подавляющем большинстве население Македонии является болгарским.

Опасения А.А. Башмакова насчет карьеры едва не подтвердились. Позднее он вспоминал: «Когда я исследовал в 1899 г. Македонию и

---

²⁹ Там же. Л. 17 об.

³⁰ Там же. Л. 12.

³¹ Там же. Л. 12 – 12 об.

³² Там же. Л. 12 об.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 18 – 18 об.

³⁵ *Вещий Олег [Башмаков А.А.]*. Болгария и Македония. СПб., 1903.

издал затем свою книгу о ней, я подверг свою карьеру потрясению при графе Ламсдорфе; но она временно укрепилась благодаря тому милостивому вниманию, с которым Государь Император изволил отнестись к моему докладу, прочтенному им в ноябре 1899 г.»³⁶. Благоклонное отношение Николая II к докладу не только позволило А.А. Башмакову выжить в среде «представителей дипломатии, ненавидящих в нем поборника славянского идеала в политике России», но и способствовало оказанию финансовой поддержки Болгарскому княжеству «против закабаления его Австрией» — в полном согласии с докладом А.А. Башмакова³⁷.

28 апреля 1900 г. А.А. Башмаков сделал доклад о своей поездке в Македонию на заседании Императорского Русского географического общества, дав подробное описание природы страны и ее населения. Он привел ряд аргументов в пользу болгарской точки зрения на «македонский вопрос», а также продемонстрировал обществу справедливость сан-стефанских границ Болгарии³⁸.

20 октября 1902 г. А.А. Башмаков становится иностранным членом-корреспондентом Болгарской Академии наук. В письме на его имя БАН сообщала, что он избран в связи с текущей научной деятельностью, особым интересом к Болгарии, освещением тесно связанных с ней вопросов по предложению историко-филологического отделения³⁹.

Проработав с 1898 по 1904 г. в Министерстве иностранных дел, выполняя юрисконсультские обязанности, в начале Японской войны А.А. Башмаков покидает это ведомство. По-видимому, причиной стало расхождение во взглядах с министром иностранных дел В.Н. Ламсдорфом на македонскую проблему и Мюрцштегские соглашения России и Австрии, направленные на подавление македонского восстания и одновременное понуждение Турции к реформам. «Когда граф Ламсдорф пожелал узнать мою оценку неудачной мюрцштегской системы реформ, я с полной откровенностью ее раскритиковал, как вредную православному славянству и России, но полезную только для Австрии и Турции»⁴⁰, — вспоминал позднее А.А. Башмаков. Он ушел из ведомства иностранных дел, полагая

---

³⁶ Башмаков А.А. Письмо министру внутренних дел Н.А. Маклакову // Расловлев М. Памяти А.А. Башмакова. // Возрождение: Литературно-политические тетради под ред. И.И. Тхоржевского. Тетрадь 4. Июль 1949 г. С. 164.

³⁷ Там же.

³⁸ Македония и Македонский вопрос с точки зрения русского путешественника (корреспонденция из Петербурга) // Славянский век. Вена, 1900. № 3. С. 12.

³⁹ Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Документи. София, 1968. С. 15.

⁴⁰ Башмаков А.А. Письмо министру внутренних дел Н.А. Маклакову. С. 164.

что, «в нем никогда не пожелают использовать приобретенные и накопленные сведения и силы»⁴¹.

В феврале 1906 г. А.А. Башмаков создает «Русскую партию народного центра» умеренно-правого толка, которая объединяла славянские традиции с внутренним русским национализмом⁴². Печатным органом партии стала газета «Народный голос», где публиковались, в том числе, его «Македонские очерки». Максимальное число подписчиков газеты составило 8,5 тыс. (конец 1905 г.)⁴³.

В мае 1906 г. начальник Главного управления по делам печати А.В. Бельгард предложил А.А. Башмакову должность главного редактора «Правительственного Вестника»⁴⁴ — официального издания, единой для всех министерств общеимперской газеты. А.А. Башмаков состоял в этой должности по ведомству Министерства внутренних дел с конца мая 1906 г. по февраль 1913 г. Он также редактировал «Вечернее прибавление к Правительственному Вестнику» вплоть до прекращения этого издания в 1907 г. На страницах этой газеты в нескольких частях под псевдонимом «Вещий Олег» он публикует статью «Задачи России на Ближнем Востоке», где стремится найти определение «восточного вопроса» вне религиозного аспекта и подчеркивает общность внешнеполитических целей всего славянства⁴⁵.

В августе 1908 г. А.А. Башмаков вновь отправился на Балканы. Должность главного редактора не стесняла его в действиях. «Функции, возложенные на меня по “Правительственному Вестнику”, казались до того безразличными, с точки зрения этих вопросов (славянских. — М.Б.), что я многие годы не чувствуя ударов по личному благополучию, мог немало поработать в излюбленной отрасли знаний»⁴⁶, — вспоминал публицист об этом периоде своей жизни. Летом 1908 г. он несколько раз ходатайствовал о предоставлении ему заграничного паспорта и отпуска — то с 5 августа 1908 г. сроком на 2 месяца, то с 5 июля на 1 месяц⁴⁷. Такая перемена сроков, по-видимому, была связана с определенными внешними обстоятельствами, а именно обсуждением проектов Адриатической железной дороги. В итоге,

---

⁴¹ Там же.

⁴² РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 36. Л. 3.

⁴³ *Самойлова Е.Г.* Консервативные круги российской интеллигенции в период подъема революции 1905–1907 гг. (На материалах Санкт-Петербурга). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 206.

⁴⁴ *Бельгард А.В.* Воспоминания. М., 2009. С. 296–297.

⁴⁵ Вечернее прибавление к Правительственному Вестнику. 1906. № 39, 46, 54, 60.

⁴⁶ *Башмаков А.А.* Письмо министру внутренних дел Н.А. Маклакову. С. 164.

⁴⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 37. Л. 18–19.

10 октября А.А. Башмаков сообщал начальнику Главного управления по делам печати А.В. Бельгарду, что отпуском воспользовался с 10 августа⁴⁸, т.е. в отъезде он был в течение двух месяцев.

Одной из целей рискованной поездки через Черногорию в северную Албанию, находившуюся тогда под турецким владычеством, стал поиск лучшего места для прокладки железной дороги, соединяющей Сербию с Адриатикой. Проект «спасительного для всего сербского племени выхода к морю» оживленно обсуждался в русской печати и в кругах, интересующихся славянством, в течение всей зимы 1907 г.; он возник как противовес намерениям министра иностранных дел Австро-Венгрии графа А. фон Эренталя построить *австрийскую* дорогу через Санжак с целью окончательного разъединения Сербии с Черногорией посредством австрийской оккупации Старой Сербии (Косово)⁴⁹. Одним из проектов стал парижский проект июля 1908 г., принятый особым совещанием от представителей заинтересованных держав и от капиталистов при участии инженеров⁵⁰. Вскоре проект Адриатической дороги стал предметом внимания во всей Европе. Возникло несколько его вариантов. «Как водится в таких случаях, международная дипломатия и высшие финансовые круги стали подыскивать такую формулу, которая содержала бы в себе средний выход и как бы равнодействующую всех сил и интересов, безусловно непримиримых», — писал А.А. Башмаков. Однако по мере того, как

---

⁴⁸ Там же. Л. 20.

⁴⁹ Башмаков А.А. Через Черногорию в страну диких гегов. СПб., 1913. С. 1.

⁵⁰ Вопрос о постройке Дунайско-Адриатической железной дороги был поднят в 1908 г. Сербией (он обсуждался, как отмечено А.А. Башмаковым, с 1907 г.). За недостатком капиталов Сербия обратилась к Франции и России с предложением образовать франко-русско-сербский синдикат, и оно было принято. Выбор направления дороги по территории Сербии, зависевший всецело от последней, не мог вызвать возражений, но для проведения линии через турецкую территорию необходимо было согласие турецкого правительства. Переговоры тянулись с перерывами около трех лет. Турция несомненно была заинтересована в проведении дороги, но с условием вывода ее к турецкому порту и направления ее в обход Черногории и в обход области с преобладающим сербским населением, возможно глубже по территории Албании, лишенной сообщений. Черногория хлопотала о направлении дороги через Ново-Базарский санджак и земли вдоль ее юго-восточной границы с выводом к своему порту Антивари. Сербия, несмотря на очевидное для славянства значение последнего решения (связь единоплеменной Сербии и Черногории через Ново-Базарский санджак, населенный сербами; установление общих экономических интересов и, наконец, возможность связи сербского мира, через Болгарию, с Россией), настаивала на обходе Черногории, но с выводом к черногорскому порту Антивари. В 1911 г. борьба этих основных вариантов закончилась победой турецкого проекта. (См.: Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, В.А. Апушкина и Г.К. фон-Шулца. Т. 9. СПб., 1912. С. 240–241).

эта формула вырабатывалась, отмечал он, все более терялись из вида и затушевывались интересы славянских народов⁵¹.

А.А. Башмаков был убежден, что самостоятельному развитию Черногории способствовала бы перпендикулярная железнодорожная линия от моря, соединяющаяся ее с Сербией. Параллельная морю линия, наоборот, привела бы к быстрому порабощению со стороны Австрии, сначала экономическому, а затем и политическому. Дальнейшее изучение вопроса убедило А.А. Башмакова в том громадном значении, которое получила бы для Черногории трасса, ближе проходящая к ее владениям, но примиряющая все интересы, которые имелись в виду на Парижском совещании. Он заинтересовался возможностью провести прямую линию из Подгорицы (Черногория) в Митровицу (совр. Косовска-Митровица, Косово; в то время город принадлежал Османской империи). Это направление было самым коротким из всех известных проектов: вся дорога от Антивари (совр. Бар, Черногория) на побережье Адриатического моря до Ниша (Сербия) была бы длиной в 308 км, а с веткой на Скутари (совр. Шкодер, Албания) — 353 км⁵². При этом проект А.А. Башмакова имел те же преимущества, что и парижский.

Наметив такой план, А.А. Башмаков решил лично проехать по всей задействованной территории на севере Албании. Черногорское правительство предупреждало его об опасности, таившейся в албанской долине: хотя она подходила для железнодорожного строительства, но считалась одним из самых опасных районов в Албании. Некоторые места особенно «славились», например, Ругово, как гнезда отчаянных разбойников, а местность между Плавом и Гусинье граничила с дремучими лесами, в которых нередко скрывались шайки головорезов. Для обсуждения предстоящей поездки Башмакова пригласили на заседание совета министров в Цетине, на котором он представил свои доводы в пользу «незаменимой пользы наиболее опасного, но зато поучительного пути» по северной Албании. Черногорский князь предложил попросить о помощи могущественного албанского вождя Ассо Феровича, жившего в Плаве: его можно было убедить, чтобы он, гарантировав безопасность А.А. Башмакова клятвенным обязательством перед Черногорией, сопроводил его в Андриевицу с многочисленной «дружиной» воинов, затем передал албанцам для дальнейшего пути⁵³. Согласно утверждению Башмакова,

---

⁵¹ Башмаков А.А. Через Черногорию в страну диких гегов. С. I.

⁵² Там же. С. 9.

⁵³ Там же. С. 10–11.

все знавшие Албанию считали, что сделки подобного рода были самым надежным способом осуществления таких крайне трудных предприятий. Этот вариант, однако, не был осуществлен. А.А. Башмаков встретил Феровича в Плаве, но ему не удалось получить его поддержки⁵⁴.

Князь Никола I действительно колебался, беспокоясь о безопасности А.А. Башмакова, но сознавал ту важность, которую этот план представлял с государственной точки зрения, и пообещал сделать все возможное для поездки. «...Благодаря личному участию князя в этом деле, понемногу устранились все колебания и сомнения, — писал Башмаков. — Поездка решена — и притом в том виде, который в полной степени соответствует моим предначертаниям и планам»⁵⁵. Князь предоставил автомобиль, на котором можно было добраться из Цетине до Подгорицы за два часа, и в приграничном городке Тузи при содействии оттоманского консула в Подгорице было получено разрешение турецких властей на пересечение границы. Для путешествия по Албании князь предоставил верховую лошадь из своих конюшен, палатку, походную постель, конюха, албанского переводчика — словом, Башмаков был «обставлен так, как можно только желать»⁵⁶.

10 сентября А.А. Башмаков прибыл в Тузи, и караван из шести человек, включавший албанца-христианина — переводчика, «кираджия» — сопровождающего груз, двух турецких жандармов и вооруженного туземца, выдвинулся на территорию Османской Албании⁵⁷. Узкой тропинкой по крутому правому берегу р. Цевны он отправился через Гусинье и Плав в Печ, откуда далее железная дорога должна была идти на Митровицу и Ниш. Из Печа А.А. Башмаков отправился на юг через Дечаны, Дьяковицу и Призрен, а затем на запад к Адриатике, по пути корректируя свой проект железной дороги и проверяя предложения парижского проекта.

Определение лучшего варианта строительства железной дороги не было единственной целью экспедиции. А.А. Башмаков стремился изучить положение сербов в северной нагорной Албании — то был «узел, в котором совершались, при участии Австрии, непрерывные преступления, ради разрушения оснований исторической роли России»⁵⁸. Общаясь с местными жителями, А.А. Башмаков оценивал религиозную и политическую ситуацию в регионе, отмечая

---

⁵⁴ Там же. С. 37–38.

⁵⁵ Там же. С. 11

⁵⁶ Там же. С. 12.

⁵⁷ Там же. С. 16, 18.

⁵⁸ Башмаков А.А. Письмо министру внутренних дел Н.А. Маклакову. С. 164.

значительное усиление и распространение католичества; собирал сведения об албанских племенах. Не будь содействия черногорского правительства, а главное, самого предлога строительства железной дороги, совершить подобное путешествие по северной Албании было бы невозможно.

Местное албанское население далеко не всегда было дружелюбно настроено к гостю, не говоря уже о постоянной опасности, которая не позволяла даже вволю полюбоваться красотой дикой природы. О своем пребывании среди албанцев А.А. Башмаков писал: «Взоры мрачно молчащей толпы сосредоточены на мне. Я чувствую себя в положении обвиняемого, хотя не совершил ничего дурного; мое преступление заключается в том, что я дерзнул сюда явиться, свободно и смело; я раздражаю народное чувство одним лишь моим присутствием, моею волею и намерением исследовать и знать». Албанцы смутно догадывались, что караван ехал из Цетине и имел какое-то отношение к черногорскому правительству. «Воображение у них разыгралось, и албанцы шепотом передают друг другу, что я — сын князя Николая, путешествующий в строгом инкогнито», — писал А.А. Башмаков⁵⁹.

Выехав из Печа, он посетил монастырь Высокие Дечаны, где в качестве дара Александро-Невской лавры по благословлению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония вручил настоятелю о. Кириллу роскошное напрестольное евангелие в позолоте с рельефными священными изображениями, а также икону Св. Александра Невского⁶⁰.

Дальнейший путь в Дьяковицу уже не был столь опасным, однако несколько местных жителей принесли в Дечаны известие о том, что Башмаков подвергся нападению и был убит, и о. Кирилл даже служил по нему панихиду.

Вместе с французским посланником в Белграде Леоном Деско, с которым он познакомился в Дечанской лавре, А.А. Башмаков был торжественно принят в Призрене и провел там несколько дней под кровом российского консула С.В. Разумовского.

Из Призрена в сопровождении отряда турецких солдат и каваса (почетного стража) русского консульства в Призрене Сеид-Уки, а затем и с проводниками из местных жителей А.А. Башмаков отправился по территории Албании к Адриатике на запад, с отрезком пути вдоль побережья Адриатического моря от Лежа до Пуладжа. В Скутари его встретил российский консул П.А. Лобачев, с которым он был знаком еще по Министерству иностранных дел. Переплыв озеро Скутари

---

⁵⁹ Башмаков А.А. Через Черногорию в страну диких гегов. С. 77, 78.

⁶⁰ Там же. С. 80.

на пароходе и преодолев еще несколько верст верхом, Башмаков вернулся в Цетине.

В заключение своей книги А.А. Башмаков писал, что путешествие дало возможность не только определить наиболее подходящий вариант прокладки железной дороги от Сербии к Адриатике, но и раскрыть политический смысл положения сербов в верхней Албании, уяснив один из наименее известных аспектов восточного вопроса.

Обстоятельства путешествия, быт и нравы албанцев и турок того времени подробно описаны в очерках А.А. Башмакова в «Славянских известиях» 1908–1909 гг., впоследствии собранных в книге «Через Черногорию в страну диких гегов» (СПб, 1913). Прямо с дороги автор посылал свои «Письма из Славянских земель» в редакцию газеты «Россия». Руководитель этой газеты, член Совета МВД И.Я. Гурлянд 1 октября 1908 г. сообщал П.А. Столыпину, что редактор «России» С.Н. Сыромятников вошел в соглашение с А.А. Башмаковым по поводу публикации этих писем⁶¹. Первые два письма были напечатаны И.Я. Гурляндом, и А.А. Башмаков прислал еще шесть. «Все они и каждое в отдельности проникнуты восторгом славянина, видящего воочию славянские земли и славянские народы», — писал И.Я. Гурлянд в той же справке Столыпину. Однако Гирс⁶² от имени Министерства иностранных дел выразил неудовольствие по поводу напечатания первых двух писем, которые не были посланы на его цензуру, а о печатании остальных сказал, что в частном издании он бы приветствовал их появление, но в официозе славянская слеза была тогда неуместна, и предложил оставить только фактическую сторону повествования. «Затрудняясь отыскать последнюю в письмах, рассчитанных именно на чувство, а кроме того не желая брать на себя риск обидеть господина Башмакова», И.Я. Гурлянд обо всем написал С.Н. Сыромятникову, в ответ получив указание передать вопрос на рассмотрение П.А. Столыпина⁶³. В резолюции на полях Столыпин отметил, что письма А.А. Башмакова — «самого невинного содержания», и он не видит препятствий к напечатанию, распорядившись послать их на просмотр товарищу министра иностранных дел, специалисту по балканскому вопросу Н.В. Чарыкову. Всего в газете было напечатано 10 писем.

Во время Боснийского кризиса (1908), по возвращении из Черногории А.А. Башмаков «громко выступал в среде Славянского общества, в целом ряде речей перед тысячами слушателей и в печати»,

---

⁶¹ РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 84. Л. 2.

⁶² По всей видимости, И.Я. Гурлянд имел в виду русского дипломата А.А. Гирса (1850–1923), возглавлявшего отдел печати МИД.

⁶³ РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 84. Л. 2.

однако это не возымело для его карьеры никаких последствий⁶⁴. В 1909 г. типографией МВД был опубликован сборник «Балканские речи» с текстами пяти выступлений А.А. Башмакова на собраниях Петербургского славянского благотворительного общества по вопросам балканского направления внешней политики России, боснийскому аннексионному кризису, дипломатической школе Н.П. Игнатьева⁶⁵.

Состоя в должности главного редактора «Правительственного Вестника», в 1910 и 1911 гг. А.А. Башмаков был привлечен Главным управлением по делам печати к проведению русских выставок печатного дела в столицах Болгарии и Сербии. И хотя это поручение не было непосредственно связано с занимаемой им должностью, его большой публицистический опыт, знание славянских языков и особенностей балканских стран, равнодушие к славянским делам были незаменимы для успеха этого мероприятия.

В июне 1910 г. А.А. Башмаков был назначен А.В. Бельгардом главным уполномоченным по устройству «Русской выставки печатного дела» в Софии и с этого момента занимался всеми организационными вопросами, связанными с выставкой. В то время печатное дело России постепенно выходило на международный уровень, однако в Софию русские книги поступали кружным путем, через Лейпциг, непосредственных связей с русскими издателями не было или они были случайны и неустойчивы.

Выставку в Софии предполагалось открыть в 20-х числах июня, к началу собиравшегося в этом городе всеславянского съезда⁶⁶. Для организации выставки в Болгарию командировались А.А. Башмаков, П.А. Кулаковский, В.Н. Кораблев, К.Ю. Геруц, З.Ш. Шамиль, И.В. Цветков, Д.Н. Вергун, курьер А.А. Кулешов⁶⁷.

Все лица, командированные от Главного управления для участия в устройстве выставки, находились в непосредственном подчинении А.А. Башмакова. Ему была предоставлена полная свобода в выборе состава Бюро выставки, руководстве совещаниями представителей издательских фирм, принятии всех мер к отправке выставочного материала в Софию и, наконец, «направлении всего дела к тому, чтобы придать ему характер серьезной попытки к открытию значительного рынка на Балканском полуострове для русской книжной торговли»⁶⁸.

Как подчеркивал Башмаков в отчете о проведении выставки в Софии на имя А.В. Бельгарда, в этом деле важна была прежде всего ничем

---

⁶⁴ Башмаков А.А. Письмо министру внутренних дел Н.А. Маклакову С. 165.

⁶⁵ Башмаков А.А. Балканские речи. СПб., 1909.

⁶⁶ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 149. Л. 3.

⁶⁷ Там же. Л. 8 об.

⁶⁸ Там же. Л. 5.

не заменимая государственная инициатива. Вместе с тем в то время, когда «считалось модным отвращение к “чиновной”, хотя бы самой полезной, деятельности и чисто правительственным начинаниям»⁶⁹, писал А.А. Башмаков, следовало присоединить к ним частную инициативу заинтересованных людей. Зная, какую щепетильность нередко обнаруживали южные славяне перед русским вмешательством, даже самым благожелательным, он открыл широкий простор для болгарской торговой инициативы. «Обращение с этими сложными течениями уже на месте было для меня облегчено, конечно, моим знанием Болгарии и болгарского языка»⁷⁰, — писал он в отчете.

Как вспоминал позднее А.В. Бельгард, несмотря на то что устройство выставки в Софии обсуждалось с видными болгарскими общественными деятелями и было подготовлено дипломатической перепиской, первые впечатления от приема, который организаторы выставки встретили в Софии, привели А.А. Башмакова в немалое смущение: «Хотя его личные друзья и местные представители власти старались его успокоить, но он на каждом шагу видел крайне несочувственное отношение к русской выставке и вообще ко всему русскому со стороны болгарской интеллигенции, студенчества и сильной Болгарской социал-демократической партии. Во всех этих кругах чувствовалось не только пассивное сопротивление всем его начинаниям, но даже явное проявление бойкота выставки, на территории которой разбрасывались враждебные выставке листки, причем такого же характера возвания даже расклеивались на окружавшей выставочный район деревянной ограде»⁷¹. Все это, однако, продолжилось лишь до дня торжественного открытия выставки 25 июня. Было разослано 300 приглашений на болгарском языке почетным гостям и уведомены все члены дипломатического корпуса, на что отозвались представители Франции и Сербии. Софийский митрополит отслужил молебен. Присутствовал представитель Министерства иностранных дел России Г.Г. фон Бах⁷². «С первого же дня выставки успех был громадный, — писал А.А. Башмаков в отчете А.В. Бельгарду. — Болгарская толпа хлынула по всем залам с такою стремительностью, что мы должны были сразу отказаться от всякого ее зарегистрирования»⁷³. Такой же отзыв дал в своих воспоминаниях А.В. Бельгард: «Народные массы толпами двинулись на открытие выставки с самыми восторженными приветственными кликами по отношению к России, к русскому Царю

---

⁶⁹ Там же. Л. 77 об.

⁷⁰ Там же. Л. 78 об.

⁷¹ Бельгард А.В. Воспоминания. С. 324–325.

⁷² РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 149. Л. 82.

⁷³ Там же.

и даже к устроителям выставки <...>. Ни о какой социал-демократии и помину не было»⁷⁴.

По приблизительной оценке организаторов, в первый день посетителей было около 5 тыс. человек. К закрытию выставки 12 июля выставку посетило около 30 тыс. человек⁷⁵.

Используя предоставленную ему широкую возможность работать без всяких формальных стеснений, А.А. Башмаков старался воодушевить своих подчиненных постоянным напоминанием о той высшей цели, ради которой они трудились, — осуществлении давно осознанной, но десятками лет не устанавливавшейся культурной связи между Россией и славянами в форме русской книжной торговли, памятуя, что проникновение в славянский мир русского печатного слова, носителя русской литературы, науки, искусства являлось «самым действительным средством усиления, за ее государственными пределами, неоспоримого значения России»⁷⁶.

После закрытия выставки под руководством А.А. Башмакова в Софии образовалось «совещание» из представителей русской и болгарской администрации, профессуры, торговли и печати по выяснению наилучших мер для организации русской книжной торговли на Балканах. На заседаниях «совещания» выяснилось, что в Болгарии существовал значительный спрос на русскую книгу, а открытие книжного торгового склада в Софии обеспечило бы сбыт русских книг не только в Болгарии, но и в соседних славянских землях⁷⁷.

В Петербурге А.А. Башмаков собрал представителей русских книжных фирм и сообщил им о положении дел, подчеркнув, что было бы крайне прискорбно прервать начатую русскую книжную торговлю в Софии до основания постоянного торгового предприятия⁷⁸. Он просил предпринимателей выделить средства на открытие в Софии временного магазина русских книг, однако встретил с их стороны нежелание сделать даже самые скромные траты. Тогда с инициативой выступили две фирмы — И.Д. Сытина и А.С. Суворина, согласившиеся взять на себя все необходимые расходы по устройству в Софии русского книжного магазина⁷⁹. Магазин с читальной открылся в Софии под названием «Руска книжарница И.Д. Сытина и А.С. Суворина» в октябре 1910 г.⁸⁰

⁷⁴ Бельгард А.В. Указ. соч. С. 325.

⁷⁵ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 149. Л. 82.

⁷⁶ Там же. Л. 77 об.

⁷⁷ Там же. Л. 85.

⁷⁸ Там же. Л. 85 об.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. Л. 46 об.

В мае 1911 г. А. А. Башмаков просил предоставить журнал «сообщения» по вопросу о развитии книжной торговли между Россией и Болгарией министру торговли и промышленности и исходатайствовать у него аудиенцию по вопросу об установлении прямых торговых сношений между Россией и Болгарией⁸¹.

«Далеко не таким бурным, но все же большим успехом», по свидетельству А.В. Бельгарда, «Русская выставка печатного дела» пользовалась затем в Белграде. Она работала с 1 августа по 1 сентября 1911 г. Организаторы удостоились приема у сербского короля Петра и королевича Александра⁸². За устройство Русского отдела этой выставки А.А. Башмаков был награжден королем Сербии орденом св. Саввы II степени⁸³.

С началом Первой Балканской войны А.А. Башмаков не мог оставаться в стороне от широкой дискуссии, развернувшейся в русском обществе, о внешней политике России и балканских событиях. В продолжение войны он выступает в Славянском обществе, петербургском «Клубе общественных деятелей», является постоянным докладчиком «Общества славянской взаимности»⁸⁴, а также становится одним из организаторов так называемых славянских обедов, на которых звучит резкая критика в адрес В.Н. Коковцова и С.Д. Сазонова за «антиславянский» характер их политики.

Выступления А.А. Башмакова как организатора этих банкетов и их активного участника, занимавшего к тому же высокую должность в МВД, вызывали серьезное недовольство со стороны Министерства иностранных дел. 18 января 1913 г. в «Клубе общественных деятелей» он произнес речь «Наш долг на Лондонской конференции», в которой выступил против подчинения России политической программе Австро-Венгрии⁸⁵. По собственной позднейшей оценке А.А. Башмакова, эта речь стала причиной его отставки⁸⁶. Следующий очередной славянский обед был запрещен градоначальником по просьбе министра иностранных дел С.Д. Сазонова⁸⁷, а А.А. Башмаков был вызван

---

⁸¹ Там же. Л. 99.

⁸² Кострикова Е.Г. Указ. соч. С. 120.

⁸³ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 37. Л. 44–48.

⁸⁴ Шевицова Г.И. Деятельность Общества славянской взаимности в помощь славянским народам в период балканских войн (1912–1913) // Вестник ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (34). С. 46.

⁸⁵ Башмаков А.А. Наш долг на Лондонской конференции (Речь, сказанная в Клубе общественных деятелей 18-го января 1913 г.) // Славянские известия. 24 февраля 1913 г. № 15. С. 232–237.

⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-5988. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об.

⁸⁷ Свет. 22 января 1913 г. № 21.

Н.А. Маклаковым для объяснений⁸⁸. Редактору «Правительственного Вестника» было предложено или продолжить выступления по славянским вопросам, но тогда оставить свою должность, или остаться на службе, но не выступать публично. Признавая невозможным в сложившихся условиях ежедневно совершать «подвиг молчальника» и отказаться от того, что он считал долгом своей совести, А.А. Башмаков избрал первое условие, оставив службу в феврале 1913 г. 4 марта 1913 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству он был официально уволен согласно прошению⁸⁹. А.А. Башмаков принимал участие в славянских обедах вплоть до 1917 г.

Выйдя в отставку после 28-летней государственной службы, А.А. Башмаков отправился на театр военных действий Первой Балканской войны в качестве военного корреспондента «Нового времени» — сначала в Сербию, а затем на черногорские горные позиции при боях в Албании, во время осады Скутари⁹⁰. Эта сторона его деятельности, равно как период Первой мировой войны в его биографии, нуждается в дополнительном изучении.

* * *

Вся дореволюционная деятельность А.А. Башмакова, за исключением, пожалуй, прибалтийского периода его жизни (1889–1894), неразрывно связана со «славянским вопросом». А.А. Башмаков был убежден, что защита славянских интересов на Балканах в высшей степени отвечает интересам России как государства. Именно поэтому он по собственной инициативе стремился сделать всё, что мог, как публицист, государственный и общественный деятель, для защиты этих интересов. В македонской поездке 1899 г. это проявилось в попытке, весьма успешной и заслуживающей внимания исследователей, дать возможно более объективную оценку «македонскому вопросу» и выявить необходимую позицию России по этому вопросу; в албанской поездке 1908 г. — в разработке наиболее соответствующего славянским интересам проекта железной дороги. В своих произведениях, посвященных балканским путешествиям, А.А. Башмаков ярко представил читателям тяжелое положение славянского населения Османской империи. Осуществляя свои внешнеполитические инициативы, А.А. Башмаков действовал в соответствии со своими личными убеждениями, подтверждение которым он стремился найти в соприкосновении с балканскими реалиями.

---

⁸⁸ Свет. 2 февраля 1913 г. № 32.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-5988. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об.

⁹⁰ Там же. Л. 6.

Существует мнение, что А.А. Башмаков, «выполняя ряд ответственных поручений министерства иностранных дел на Ближнем Востоке и в Африке, с увлечением изучал быт местных народностей»⁹¹. Однако данное суждение пока не подтверждается документальными источниками. Сведения о балканских путешествиях А.А. Башмакова не были засекреченными — наоборот, их результаты спустя короткое время открыто публиковались и распространялись.

В определенные моменты идеи А.А. Башмакова находили одобрение и положительный отклик в официальных кругах. Так было в 1899 г., когда он представил Николаю II свой доклад о Македонии. Успешно прошли блестяще им организованные выставки русского печатного дела в Софии и Белграде. Однако бескомпромиссность А.А. Башмакова, сторонника «славянского идеала во внешней политике России», усложняла его отношения с властью. Апогеем этого конфликта стала отставка А.А. Башмакова. Уйдя из Министерства иностранных дел в 1904 г., А. А. Башмаков снова столкнулся с его представителями спустя 9 лет, уже при иных обстоятельствах. Состоя на государственной службе в МВД, А.А. Башмаков публично подвергал резкой критике позицию дипломатического ведомства по балканскому кризису, что неизбежно привело к завершению его карьеры как чиновника.

Список литературы

Аксенова Е.П. Славянофил А. А. Башмаков о кризисе славянской идеи // Славяноведение. 2001. № 5. С. 83–89.

Анисимов О.В. Александр Башмаков — комментатор записок графа Н.П. Игнатъева // Граф Н.П. Игнатъев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1: Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. М.: Индрик, 2015. С. 631–635.

Вълчев Г. Чужденците в българската следосвобожденска култура 1879–1900. Стара Загора: Кота АД, 2001. 424 с.

Германов С. Руски пътешественици, учени и общественици за Македония от XVII век до 1912 г. // Изследвания по македонския въпрос: Книга първа. София: Македонски научен институт, 1993. С. 237–274.

Горина Л.В. Российский правовед А.А. Башмаков о графе Н.П. Игнатъеве // Известия на Института за исторически изследвания. Сборник в чест на проф. д. и. н. Стефан Дойнов. Т. XXXI. София: Академично Издателство «Проф. Марин Дринов», 2014. С. 135–143.

Гусев Н.С. Болгария и Сербия в русском общественном мнении в период Балканских войн 1912–1913 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. 420 с.

---

⁹¹ Парижский Вестник: Издание Управления делами Русской эмиграции во Франции. № 63. 28 августа 1943 г.

Каширин В.Б. Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М.: ВИКМО-М, 2014. 632 с.

Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеинная борьба в российском обществе в начале XX века. М.: Кучково поле, 2017. 384 с.

Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге: 1858–1921 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж: ВГУ, 2013. 570 с.

Самойлова Е.Г. Консервативные круги российской интеллигенции в период подъема революции 1905–1907 гг. (На материалах Санкт-Петербурга). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбУ, 2004. 245 с.

Смолин М.Б. Столыпинский идеолог Александр Александрович Башмаков // Проблемы национальной стратегии. № 1 (10). 2012. С. 149–158.

Толева П.Н. Забравеното книжно богатство на Археологически музей Пловдив и усвояването му чрез съвременните информационни технологии // Списание за филология, култура и политика «Прометей» и студентски клуб в Пловдив. — URL: <http://spisanieprometeus.blogspot.ru/2011/06/blog-post.html?m=>

Томсинов В.А. Александр Александрович Башмаков (1858–1943) // Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х т. Т. 2. М.: Зерцало, 2007. С. 166–204.

Шевцова Г.И. Деятельность Общества славянской взаимности в помощь славянским народам в период балканских войн (1912–1913) // Вестник ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (34). С. 44–47.

Поступила в редакцию
15 мая 2019 г.

С.А. Саломатина, Д.С. Парфирьев*

**РЕГИОНАЛЬНАЯ БАНКОВСКАЯ ЭЛИТА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПОЛЯКОВЫ
И ОРЛОВСКИЙ КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК,
1872–1908 гг.****

S.A. Salomatina, D.S. Parfir'ev

**THE REGIONAL BANKING ELITE OF THE RUSSIAN EMPIRE:
THE POLYAKOV'S AND THE ORYOL COMMERCIAL BANK,
1872–1908**

Аннотация. Статья опровергает стереотип о том, что российские акционерные коммерческие банки XIX в. были учреждениями прежде всего для купцов и промышленников. Действительно, в центрах развития промышленности, на общенациональных и международных рынках капиталов, как в Санкт-Петербурге и Москве, банки были средоточием торгово-промышленной элиты. Однако в аграрных регионах помещики, занятые производством и сбытом сельскохозяйственной продукции, вместе с купцами принимали участие в управлении акционерными коммерческими банками. Это явление показано на примере Орловского коммерческого банка (1872–1908), входившего в группу банков московского банкира Л.С. Полякова. Банк действовал в аграрных регионах: сначала в Орловской губернии, а за 1890-е гг. его операции распространились на 12 губерний центра, юга и запада Европейской России. По опубликованным и архивным источникам в статье собраны

* *Саломатина Софья Александровна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры исторической информатики исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Salomatina Sofia Alexandrovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Historical Informatics, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University
8-495-939-11-65; salomatina@hist.msu.ru

Парфирьев Дмитрий Станиславович, аспирант кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Parfir'ev Dmitry Stanislavovich, PhD Student, Department of the History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University
8-915-012-65-50; parfir'yeff@yandex.ru

** Проект РФФИ № 18-09-00732 «Роль коммерческих банков и железных дорог в развитии торговли сельскохозяйственными товарами в России во второй половине XIX в. (по статистическим и картографическим источникам Центрально-Черноземного района)». Авторы выражают благодарность за советы и консультации П.В. Лизуну, А.П. Шевыреву и А.И. Миллеру, а также двум анонимным рецензентам.

сведения о руководителях банка, воссоздана система их деловых и семейных связей. Делается вывод о том, что банк, действовавший в аграрном регионе, управлялся коалицией купцов, землевладельцев, губернских чиновников и земских деятелей. Глубокая интеграция в систему региональной элиты была одним из факторов устойчивости банка, потому что связывала с ним самую солидную клиентуру региона. Это помогало банку выживать в экономически очень тяжелый для Центрального Черноземья период второй половины 1870-х — 1880-е гг. Другим фактором устойчивости банка были его общероссийские связи, т.е. доступ через Полякова на московский финансовый рынок, возможности которого значительно превосходили любой региональный рынок. Если в 1870-е — 1890-е гг. принадлежность к поляковской группе расширяла возможности банка привлекать дополнительные средства, то в 1900-е гг. эта связь, наоборот, негативно сказалась на положении банка из-за личного банкротства Л.С. Полякова, однако сильная местная коалиция вокруг банка помогла сохранить его в составе Соединенного банка, созданного из поляковских банков в 1908 г.

Ключевые слова: акционерные коммерческие банки, деловая элита, Центрально-Черноземный район, Орловская губерния, купечество, землевладельцы, чиновничество, земство, историческая биография, социальные сети.

Abstract. This article refutes the stereotype that 19th-century Russian joint-stock commercial banks were primarily for merchants and industrialists. The banks did indeed serve the commercial and industrial elite in the industrial regions and in the centres of national and international capital markets like Saint Petersburg and Moscow. However, in agricultural regions, the landowners, engaged in the production and sale of agricultural products, managed the joint-stock commercial banks together with the merchants. This phenomenon is analysed via the case of the Oryol Commercial Bank (1872–1908), which was a member of the Moscow banker Lazar Polyakov's group. The bank operated in agricultural regions; it operated originally in the Oryol province in the Central Black Earth Region, but in the 1890s it spread to the twelve provinces of central, south and west European Russia. Biographical information about the bank's leaders was collected from fragmented published and archival sources, and their business and family ties were reconstructed. The article concludes that the bank operating in the agricultural region was controlled by a coalition of merchants, landowners, provincial officials and zemstvo figures. Deep integration into the regional elite was one of the factors of the bank's stability, because it connected the most solid regional customers with the bank. It helped the bank to survive in the second half of the 1870s and in the 1880s during an economically unfavourable period for the Central Black Earth Region. Another factor of the bank's stability was its interregional connections – that is, access to the Moscow financial market via the Polyakovs' banking group. This market far exceeded any regional Russian market. From the 1870s to the 1890s, membership in the group increased the bank's opportunities to raise additional resources, but in the 1900s it negatively affected the bank because of the Polyakovs' bankruptcy. The influential local coali-

tion around the Oryol commercial bank helped to retain the bank inside the United Bank, which was created from the former Polyakov banks in 1908.

Keywords: joint-stock commercial banks, business elite, Central Black Earth region, Oryol province, merchants, landowners, bureaucracy, *zemstvo*, historical biography, social networks.

* * *

Акционерные коммерческие банки играли важную роль в экономическом развитии своих стран во второй половине XIX в.¹ Вклад российских банков в улучшение внешнеэкономических связей, торговли, транспорта и промышленности в этот период изучен достаточно хорошо². Основной акцент в этой связи был сделан на банки Санкт-Петербурга и Москвы, хотя география банковской истории Российской империи продолжает расширяться³. Предметом анализа были не только операции банков, но и социальное происхождение и система персональных связей их руководства, потому что это помогло понять, как банки встраивались в местную деловую среду.

Региональные банки Центральной России, связанные не только с торговлей и промышленностью, но и в разных формах с сельским хозяйством, совсем не изучены. Нет исследований, в которых на конкретном примере было бы показано, из какой социальной, экономической и общественной среды формировался корпус руководителей банка аграрного региона. Однако этот вопрос очень важен для понимания принципов взаимодействия бизнеса и власти в России в целом и на региональном уровне в частности.

Данная статья является попыткой заполнить этот пробел на примере истории Орловского коммерческого банка (1872–1908). В центре нашего внимания руководство банка, его социальная принадлежность, принципы формирования, связи с региональным купечеством, крупным землевладением, местной администрацией и самоуправлением.

---

¹ *Rousseau P.L., Sylla, R. Financial systems, economic growth and globalization // Globalization in Historical Perspective / Ed. by M. D. Bordo, A. M. Taylor and J. G. Williamson. Chicago, 2003. P. 373–415.*

² Библиографию см. в обобщающих трудах: *Ананьич Б.В., Беляев С.Г., Дмитриева З.В. и др. Петербург. История банков. М., 2001; Предпринимательство и городская культура в России, 1861–1914 / Под ред. У.К. Брумфилда, Б.В. Ананьича, Ю.А. Петрова. М., 2002; Ананьич Б. В., Арефьева М. И., Беляев С. Г. и др. Кредит и банки в России до начала XX в.: Санкт-Петербург и Москва. СПб., 2005.*

³ *Морозан В.В. Деловая жизнь на юге России в XIX — начале XX века. СПб., 2014; Роднов М.И. Уфимское отделение Волжско-Камского коммерческого банка: начало истории (1873–1875 гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2016/17. М., 2017. С. 87–111.*

«Избравши районом своих действий хлебородные центры ... отвечать потребностям местной торговли и промышленности и, главным образом, быть посредником для сбыта на заграничные и внутренние рынки продуктов сельского хозяйства», — так Орловский коммерческий банк сформулировал свою миссию в 1898 г.⁴ Сеть подразделений банка в Орловской губернии сложилась в 1873 г. (Орел, Брянск, Елец, Ливны), а с 1890-х гг. банк распространил свои операции еще на 12 аграрных губерний Центра, Юга и Запада Европейской России⁵.

Банк входил в группу предприятий известного банкира и общественного деятеля Л.С. Полякова, которая столкнулась с серьезными финансовыми проблемами в конце 1901 г. Однако Орловский коммерческий банк в итоге оказался относительно здоровой частью «Поляковской империи» и в 1908 г. вошел в состав Соединенного банка, сформированного из остатков поляковских банков⁶.

Данные о руководстве и учредителях банков, используемые в этой статье, собраны прежде всего по опубликованным материалам самих банков. Во-первых, сведения об учредителях банков содержатся в уставах. Во-вторых, в Российской государственной библиотеке и Российской национальной библиотеке сохранился полный комплект годовых отчетов Орловского коммерческого банка; в них указаны фамилии подписывавших отчеты председателя, членов правления, директора и главного бухгалтера, а также товарищей директора и кандидатов в члены правления, если их привлекали к подписанию отчета. В-третьих, Орловский коммерческий банк публиковал краткие протоколы годовых собраний, которые сохранились за 1874, 1876,

---

⁴ Обзор деятельности Орловского коммерческого банка за двадцатипятилетие 1872–1897. Орел, 1898. С. I.

⁵ Отделения: Ахтырка, Белгород, Бобруйск, Вильна, Гомель, Елизаветград, Калуга, Кирсанов, Ковно, Кременчуг, Липецк, Новозыбков, Орша, Полтава, Стародуб, Сумы, Тамбов, Херсон, Черкассы.

⁶ Об истории поляковских банков см.: *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2006. С. 99–148; *Бовыкин В.И.*, *Петров Ю.А.* Коммерческие банки Российской империи. М., 1994. С. 238–248; *Гиндин И.Ф.* Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России. М., 1948. С. 92–93, 131; *Он же.* Неуставные ссуды Государственного банка и экономическая политика царского правительства // Исторические записки. 1950. Т. 35. С. 87–95, 117–126; *Он же.* Московские банки в период империализма // Исторические записки. 1956. Т. 58. С. 38–39, 78–86; *Левин И.И.* Акционерные коммерческие банки в России. М., 2010. С. 309–344; *Петров Ю.А.* Коммерческие банки Москвы, конец XIX в. — 1914 г. М., 1998. С. 48–56, 85–99, 132–140; *Саломатина С.А.* Банки и государство: 100 лет изучения банковской группы Л.С. Полякова // Валерий Иванович Бовыкин: Человек. Исследователь. Педагог. К 90-летию со дня рождения. М., 2018. С. 153–172.

1878 г. в составе годовых отчетов и за 1886–1908 г. в «Вестнике финансов, промышленности и торговли», в приложении «Отчеты обязанных публичной отчетностью предприятий». По этому источнику можно точно отследить переборы высших руководителей банка, а также определить год смерти тех из них, о ком нет данных в других источниках. Аналогичным образом использованы годовые отчеты и протоколы собраний другого поляковского банка — Южно-Русского промышленного банка в Москве за 1900-е гг. В-четвертых, в 1898 г. Орловский коммерческий банк выпустил юбилейное издание, где за период 1872–1897 г. указал не только членов правления, но также кандидатов в члены правления, товарищей директоров и депутатов (членов контролирующего совета)⁷.

Как источник биографических сведений о купцах-учредителях Орловского коммерческого банка использована «Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества»⁸. Из общероссийских и губернских адрес-календарей взяты сведения о государственных и общественных должностях, которые занимали представители руководства банка. Информация о жителях Москвы, связанных с банком, найдена в справочниках «Вся Москва». Много сведений удалось получить из исторической и краеведческой литературы, посвященной Орлу и Ельцу.

О некоторых руководителях Орловского коммерческого банка есть фрагменты в мемуарах орловского губернатора А.Н. Трубникова; служившего в орловском земстве князя В.А. Оболенского; уроженца Орловской губернии эсера Н.С. Русанова, а также в дневнике З.Л. Поляковой, дочери Л.С. Полякова. Еще одним источником биографических сведений является региональная дореволюционная пресса, в частности разделы, в которых публиковались некрологи и местная хроника.

На архивные источники изначально не было большой надежды. Архив банка в Орле не сохранился. Ничего нет и в архиве Соединенного банка в Москве. К счастью, важные сведения о руководителях банка удалось найти в архивах государственных учреждений. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде Канцелярии Государственного совета сохранился формулярный список председателя правления банка В.Э. Ромера. В фонде Государственного банка Российской империи в списках клиентов по Орловскому отделению есть сведения о лицах, входивших в правление Орловского коммерческого банка. В Государственном архиве РФ в фонде Департамента

---

⁷ Обзор деятельности... С. XVII–XVIII.

⁸ Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества, получивших свидетельства по 1 и 2 гильдиям в [1865–1885 гг.]. СПб., 1865–1885.

полицейского МВД хранится дело о наблюдении за М.Л. Лепшовым, служащим банка и родственником В.Э. Ромера, в этом деле есть сведения об их семье. В Государственном архиве Орловской области в фондах губернского правления и земской управы сохранились формулярные списки лиц, избравшихся на должности депутатов Орловского коммерческого банка.

В итоге Орловский коммерческий банк представлен в нашем исследовании как кредитное учреждение, созданное узкой группой банкиров, хлеботорговцев и помещиков в тесной связи с местными чиновниками и представителями местного самоуправления. Тем самым банк был глубоко интегрирован в местную среду, и его отличия от банков Санкт-Петербурга и Москвы были обусловлены именно спецификой аграрного региона, в котором большую роль играли крупные помещичьи хозяйства.

Учредители: профессионалы и экспортеры

Орловский коммерческий банк учредили коммерции советники Дмитрий Сергеевич Русанов и Самуил Соломонович Поляков, а также банкирские дома «Г. Винекен и К^о» и «В.Я. Оболонский и К^о»⁹. Из них только Д.С. Русанов представлял Орловскую губернию, остальных в историографии принято относить к категории профессиональных учредителей. Это понятие ввел И.И. Левин в монографии 1917 г., имея ввиду банкиров из Санкт-Петербурга, Москвы, Одессы, Таганрога, Варшавы, Риги и Архангельска, которые организовывали акционерные банки по всей России в конце 1860-х — начале 1870-х гг. Левин пишет, что, когда в обществе сложился взгляд на банковское дело как «на новое Эльдorado для капиталистов», биржевые спекулянты и банкирские дома, разбогатевшие за 1850-е — 1860-е гг., принялись учреждать новые банки. В компаньоны они брали разных лиц, причастных к будущему банку или полезных ему «своим титулом, знаниями, связями, положением, капиталами. Графы, князья, чиновники, генералы, адмиралы, купцы, профессора — кто только не фигурирует в эти списках». К числу таких профессионалов, по мнению И.И. Левина, относились Винекен и Поляковы¹⁰.

Идея о профессиональных учредителях развита в работах Б.В. Ананьича, который собрал данные обо всех банкирских домах, занимавшихся такими делами в конце 1860-х — начале 1870-х гг. Так в список попал банкирский дом «В.Я. Оболонский и К^о»¹¹. В то же время, если внимательнее присмотреться к учредителям Орловского

---

⁹ Устав Орловского коммерческого банка. СПб., 1872. С. 3.

¹⁰ Цит. по изданию 2010 г.: Левин И.И. Указ. соч. С. 227.

¹¹ Ананьич Б.В. Указ. соч. С. 193.

банка, становится заметной их связь именно с Центральным Черноземьем и аграрным экспортом.

Семья железнодорожных подрядчиков, предпринимателей и банкиров Поляковых приняла участие в организации нескольких банков в начале 1870-х гг. Банковское учредительство Поляковых сосредоточилось в двух регионах: во-первых, в Москве и Центральном Черноземье (Рязань, Орел, Воронеж, Курск), где формировалась будущая группа банков Лазаря Соломоновича Полякова (1842–1914), и, во-вторых, на Юге, в Таганроге, что относилось к районам деятельности Якова Соломоновича Полякова (1832–1909). Старший брат Самуил Соломонович Поляков (1837–1888), видимо, выступал в этих проектах в качестве одной из движущих сил.

Формирование группы Лазаря Полякова проходило в следующем порядке: 30 июня 1872 г. утвержден устав Московского земельного банка (среди учредителей Самуил и Лазарь Поляковы); 28 июня — Орловского коммерческого банка (Самуил); 18 августа — Рязанского торгового банка (Самуил и Лазарь). Немного позже, 21 января 1873 г., в уставе Воронежского коммерческого банка в числе учредителей указаны Самуил, Лазарь и Яков Поляковы, хотя сам банк впоследствии не ассоциировался с Поляковской группой¹². 12 мая 1873 г. был подписан устав Курского коммерческого банка с Лазарем и Яковом в числе учредителей, однако этот банк не смог начать операции¹³. В Таганроге Самуил и Яков приняли участие в учреждении Азовско-Донского коммерческого банка (12 июня 1871 г.) и Донского земельного банка (17 сентября 1872 г.)¹⁴.

Связи Поляковых с Центральным Черноземьем известны в научной литературе. При учреждении Рязанского торгового банка Самуил был заявлен как рязанский купец 1-й гильдии¹⁵. Самуил и Лазарь в разных формах (учредитель, концессионер, владелец) принимали участие в строительстве железных дорог, проходивших через губернии Центрального Черноземья, прежде всего в связи с этим упоминаются Курско-Азовская, Козлово-Воронежская и Орловско-Грязская железные дороги¹⁶.

---

¹² Рязанский торговый банк назывался Московско-Рязанским торговым банком в 1884–1891 и Московским Международным торговым банком в 1892–1908 гг. Даты утверждения уставов: Устав Московского земельного банка. М., 1873. С. 1; Устав Орловского коммерческого банка. С. 3; Устав Рязанского торгового банка. М., 1872. С. 3; Устав Воронежского коммерческого банка. Воронеж, 1873. С. 1, 2, 39.

¹³ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате (далее — СУ). 1873. № 51. Ст. 573.

¹⁴ ПСЗ. 2-е собр. Т. 46. Ч. 2. № 49731. Устав Азовско-Донского банка; Т. 47. Ч. 2. № 51328. Устав Донского земельного банка.

¹⁵ Устав Рязанского торгового банка. С. 3–4.

¹⁶ См.: *Ананьич Б.В.* Указ. соч. С. 99–110.

Также широко известны благотворительные проекты Самуила Полякова в Ельце, уездном городе Орловской губернии. Концессия на строительство участка железной дороги между Орлом и Ельцом была у Елецкого земства, с которым необходимо было договариваться. В конце 1860-х гг. — начале 1870-х гг. С.С. Поляков предоставил средства на строительство первого в России Александровского технического железнодорожного училища в Ельце на линии Орловско-Грязской железной дороги и Елецкой мужской классической гимназии. Свои заслуги С.С. Поляков пытался использовать для получения баронского титула. В прошении на имя министра народного просвещения в 1870 г. он написал, что хочет способствовать развитию народного образования в крае, составляющем как бы центр железных дорог, построенных при его участии¹⁷.

Соучредитель Орловского коммерческого банка В.Я. Оболонский находился в тесной связи с Поляковыми, организовывал вместе с ними все банки в центральной России (в Москве, Рязани, Воронеже, Курске). Однако его фирма все-таки не относилась к столичной банковской элите. Василий Яковлевич Оболонский (1824–1885) числился петербургским купцом 1-й гильдии с 1871 г. Неизвестно, откуда он приехал в Санкт-Петербург, хотя в списке учредителей Рязанского торгового банка он заявлен как землевладелец Рязанской губернии, а в списке Воронежского коммерческого банка — как землевладелец Воронежской губернии, позже его родственники были связаны с воронежским банком. Оболонский был на государственной службе по Ведомству учреждений императрицы Марии, по Московскому совету детских приютов; вышел в отставку в 1880 г. в чине действительного тайного советника. В Петербурге он имел банкирскую контору и торговый дом, а с 1879 г. — мучную лавку в районе Калашниковской хлебной биржи. Вряд ли Оболонский располагал большими стабильными капиталами, потому что с 1880 г. он перешел во 2-ю гильдию, его банкирская контора больше не упоминается в справочниках, есть лишь сведения о мучной лавке¹⁸.

Другой столичный банкирский дом, учреждавший орловский банк, — «Г. Винекен и К^о» несомненно принадлежал к российской банковской элите¹⁹. Главой фирмы был Егор Францевич (Георг) Винекен

---

¹⁷ Там же. С. 102–104.

¹⁸ Данные о В.Я. Оболонском собраны в: Справочная книга о лицах... [1871–1885 гг.] СПб., 1871–1885; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1871 г. СПб., 1871. Ст. 680; ... на 1875 г. СПб., 1875. Ст. 619.

¹⁹ Если не указано иначе, биографические данные о Винекене собраны в: Справочная книга о лицах... [1865–1879 гг.] СПб., 1865–1879.

(Wyneken) (1834–1879), племянник барона А.Л. Штиглица (1814–1884), влиятельного петербургского банкира с высоким международным статусом. Винекен числился петербургским купцом первой гильдии с 1860 г., австрийским генеральным консулом с 1861 г. В середине 1860-х гг. Винекен был отмечен в справочниках как ганноверский подданный, но после аннексии Ганновера Пруссией в 1866 г. через какое-то время перешел в австрийское подданство и в 1874 г. получил австрийский баронский титул.

Фирма Винекена сочетала экспортную торговлю с банковским делом. В частности, есть сведения, что Винекен оптом торговал пшеницей, овсом и салом при Санкт-Петербургской бирже и порте²⁰. Открытие банкирского дома Винекена в 1860 г. совпало с уходом от дел Штиглица, который передал племяннику свои заграничные связи и некоторые обязанности по проведению заграничных финансовых операций российских государственных учреждений. К Винекену также перешли некоторые опытные сотрудники Штиглица. В 1860-е гг. фирма вела дела с банкирскими домами Ротшильдов по всей Европе, с Baring Brothers и рядом комиссионерских фирм в лондонском Сити. Однако, хотя связи со Штиглицем были частью высокого банкирского статуса Винекена, собственные капиталы и влияние у Винекена были заметно ниже, чем у Штиглица, когда он был в деле²¹.

В период учредительской горячки начала 1870-х гг. Винекен принял участие в четырех банковских проектах, которые подчеркивают его элитарный и экспортный статус на российском рынке. В 1871 г. Винекен был в числе учредителей Русского банка для внешней торговли — одного из ведущих акционерных коммерческих банков Российской империи. В 1873 г. Винекен принял участие в учреждении Центрального банка русского поземельного кредита. Это была неудачная попытка вывести на заграничные рынки облигации российских земельных банков. Список учредителей этого банка интересен тем, что, похоже, это и есть реальный список российской банковской элиты, мобилизованной на большой внешнеэкономический проект²². Экспортными интересами продиктовано участие Винекена в двух

---

²⁰ Барышников М.Н., Вишняков-Вишневецкий К. Иностранцы предприниматели в Петербурге во второй половине XIX — начале XX века: состав, торговые и промышленные операции, общественная деятельность. СПб., 2006. С. 57, 84, 105, 109.

²¹ Лизунов П.В. Петербургские купцы, фабриканты и банкиры Штиглицы. СПб., 2014. С. 382, 386, 387, 541; Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX — начала XX в.: организация и финансирование. М., 2008. С. 357–358.

²² Проскуракова Н. А. Центральный банк русского поземельного кредита // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М., 2009. С. 1111.

банках в аграрных регионах: в Орловском коммерческом банке и в несостоявшемся Козловском коммерческом банке (устав 13 февраля 1873 г.)²³.

Учредителем Орловского коммерческого банка, напрямую связанным именно с Орловской губернией, был Дмитрий Сергеевич Русанов (?–1891) — представитель одной из ветвей купеческой семьи Русановых, хорошо известной в исторической и краеведческой литературе, посвященной Ельцу и Орлу. Отец Д.С. Русанова, Сергей Дмитриевич Русанов, был потомственным почетным гражданином, купцом 1-й гильдии, вел обширную торговлю, владел мукомольным и мясным делом, писчебумажной фабрикой и несколько раз избирался елецким городским головой. В той же должности был и Д.С. Русанов в конце 1860-х — начале 1870-х гг., когда С.С. Поляков занимался железнодорожными делами в Ельце²⁴.

О Д.С. Русанове есть фрагмент в мемуарах его дальнего родственника эсера Николая Сергеевича Русанова (1859–1939), где он вспоминает о своих детских годах в Орле. Это не столько точные биографические сведения о Д.С. Русанове, сколько его образ в глазах несколько менее состоятельных родственников. По словам мемуариста, Д.С. Русанов принадлежал к младшей ветви рода, пошедшей в гору и получившей потомственное почетное гражданство еще при Николае I; он обучался в московском пансионе, разъезжал по заграницам и построил в компании с Самуилом Поляковым Орловско-Елецкую железную дорогу. Н.С. Русанов вспоминал, как в торжественных случаях его отец и мать, принадлежавшие к старшей, «сравнительно захудалой» ветви Русановых, приглашались представителями младшей ветви на обеды, где присутствовала коммерческая и административная элита. Родители Н.С. Русанова «картинно описывали, как на длинном-предлинном столе всю середину занимал какой-нибудь замечательный осетр пудов этак от двенадцати, а вокруг сего Левиафана трудились, запивая его шампанским, кроме самого радушного хозяина и его жены, бонтонной дамы из богатой белевской семьи Сорокиных, компаньон родственника по строительству Орловско-Елецкой железной дороги, Самуил Соломонович Поляков; тогдашний местный Гарун-аль-Рашид, губернатор Николай Васильевич Левашов; местный же архиерей (владыко Орловский и Севский) Макарий; и заезжавший порою в Орел граф Рейтерн»²⁵.

²³ СУ. 1873. № 20. Ст. 210.

²⁴ Чекомазова В.И. Из истории елецкого купечества. Елец, 2007. С. 98–103; Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии за 1860, ...1864, ...1868, ...1870. Орел, 1860, 1864, 1868, 1870 (далее — Адрес-календарь за ... год).

²⁵ Русанов Н.С. На родине. 1859–1882. М., 1931. С. 42–44.

В итоге получается, что Поляковы учреждали Орловский коммерческий банк в рамках единой банковской группы в Центральном Черноземье, в зоне аграрного производства. Они смогли заинтересовать этим проектом петербургских банкиров, связанных с экспортной торговлей, и опереться на местные силы в лице Д.С. Русанова. Однако вряд ли у учредителей были большие свободные средства. Банку были необходимы местные капиталы.

Узкий круг: структура управления и число акционеров

Система управления Орловским коммерческим банком, описанная в уставе, отличается существенно меньшим числом выборных должностей по сравнению с банками Санкт-Петербурга, Москвы, да и со многими провинциальными банками.

Типичная структура управления российским акционерным коммерческим банком, описываемая в научной литературе, включала примерно 4–5 членов правления, избираемых собранием акционеров, и назначаемого директора («для совершения сделок..., для ближайшего заведования всем делом производством и для ведения текущей переписки»²⁶), который не обязательно должен быть членом правления, но, как правило, был им. Контроль за деятельностью правления возлагался на другой избираемый орган — совет, состоявший из 10–15 человек. В банках Москвы ведущая роль принадлежала советам, которые формировались из крупных акционеров, представителей торгово-промышленной элиты, а в Санкт-Петербурге, наоборот, при более распыленной акционерной собственности, первую роль играли директора и члены правления, а советы были синекурой для отставной столичной бюрократии и разных других, полезных для банка, влиятельных лиц²⁷. Однако, несмотря на эту разницу, у всех таких банков в уставах раздел об управлении начинался с по-разному выраженной нормы, что банком управляют правление и совет.

Аналогичный раздел в уставе Орловского коммерческого банка начинался с фразы «делами банка заведывает правление»²⁸, таким образом, эта система управления была заведомо более замкнутой по

---

²⁶ Устав С.-Петербургского международного коммерческого банка: утв. 28 мая 1869 г. СПб., 1894. С. 25.

²⁷ Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997. С. 275–276; Рабинович Г.Х. Уставы акционерных коммерческих банков как источник для изучения состава финансовой олигархии в России // Вопросы методологии, истории, историографии и источниковедения. Томск, 1980. С. 94–97; Бовыкин В.И., Петров Ю.А. Коммерческие банки Российской империи. С. 46–47; Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы, конец XIX в. — 1914 г. С. 21–22.

²⁸ Устав Орловского коммерческого банка. § 28. С. 16.

сравнению с традиционной моделью. Правление состояло всего из трех человек. На собрании избирались также три кандидата в члены правления. При правлении были назначаемые должности директора и двух его товарищей, которые не являлись членами правления. Директорату запрещалось заниматься торговлей и участвовать в управлении другими акционерными обществами, что было типичной нормой банковских уставов. В банке не было большого совета, и его функции были возложены на трех депутатов, избираемых собранием акционеров, обязанности которых заключались в контроле за деятельностью правления.

Откуда взялась такая модель управления банка, на которую в историографии ранее не обращали внимания? Орловский коммерческий банк учреждался после принятия закона 31 мая 1872 г., по которому вводился типовый устав для акционерных коммерческих банков по образцу 5 банков²⁹. У трех банков, упомянутых в законе, в уставе сказано, что управление делами банка распределяется между советом и правлением (это типичная модель)³⁰, а у двух других банков указано, что делами банка заведует правление (эта модель была выбрана для Орловского банка). Но даже у двух банков, уставы которых стали образцами, правления были несколько больше — 4 и 5 человек (Кишиневский коммерческий банк и Ростовский-на-Дону коммерческий банк, соответственно)³¹.

Узкий круг руководства Орловского банка дополнялся очень небольшим составом акционеров при довольно крупном по региональным меркам капитале. Банк открыл действия 15 декабря 1872 г. с основным капиталом в 2 млн руб. (8 тыс. акций по 250 руб.), из которых была собрана лишь минимально необходимая для начала деятельности сумма в 800 тыс. руб., или 40% капитала. На первое годовое собрание 22 мая 1874 г. было представлено 6 510 из 8 000 акций, или 81% капитала, всего от 11 акционеров. Кто были эти акционеры — можно только предполагать, исходя из того, что примерно столько же человек было в списке учредителей и высших руководителей банка на всех должностях³².

---

²⁹ ПСЗ. 2-е собр. Т. 47. Ч. 1. № 50913.

³⁰ Варшавский учетный банк (ПСЗ. 2-е собр. Т. 46. Ч. 1. № 49632), Тифлисский коммерческий банк (Там же. № 49635), Азовско-Донской коммерческий банк (Там же. № 49731).

³¹ Кишиневский коммерческий банк (Там же. Ч. 2. № 50046), Ростовский-на-Дону коммерческий банк (Там же. № 50278).

³² Орловский коммерческий банк. Отчет за 1872/73 год. Орел, 1874. С. 18. Протокол общего собрания акционеров (далее отчеты Орловского коммерческого банка цитируются как «Отчет за... год»; протоколы общих собраний, включенные в годовой отчет, как «Протокол...»); Обзор деятельности... С. XVII.

На первом собрании было проведено решение о снижении основного капитала с 2 млн до 1 млн руб., причем акции были пересчитаны по принципу «две за одну» (стало 4 000 акций), потому что «по ходу операций банка не представляется надобности в столь значительном капитале, как назначено первоначально»³³. И.И. Левин включил Орловский банк в число 12 акционерных коммерческих банков, уменьшивших основные капиталы в период с 1872 по 1882 г., что он объяснял неблагоприятной конъюнктурой на мировых и отечественных рынках, а также перегревом учредительского бума начала 1870-х гг.³⁴ В дополнение к этому спецификой орловского случая был отказ от должности кандидата в члены правления и уход из банка крупного орловского купца А.А. Булаткина, что явно ослабляло банк³⁵.

К 1 января 1875 г. банку наконец-то удалось полностью собрать основной капитал, сделав дополнительный взнос в 200 тыс. руб. к первоначальному 800 тыс. руб.³⁶ Акционерный капитал в 1 млн руб. — это большая сумма для провинциальных банков Центра и Востока Европейской России, где действовал Орловский коммерческий банк. Для столиц это была незначительная сумма, потому что капиталы петербургских банков составляли в то время 5–13 млн руб., московских — 3–5 млн руб. Для провинциальных банков Запада и Юга Европейской России 1 млн руб. — это сумма ниже средней³⁷.

Небольшое число акционеров сохранялось в 1870-е гг. На собрание 12 марта 1878 г. 12 акционеров представило 2 570 акций из 4 000, или 64,3% всего капитала. Через 10 лет, к собранию 6 марта 1888 г., ситуация не изменилась (12 акционеров, 2 583 акции, 65% капитала)³⁸.

В 1890-е гг. состав акционеров начинает расширяться. В 1894 г. основной капитал был увеличен на 500 тыс. руб., в 1895 г. еще на 3,5 млн руб., составив в итоге 5 млн руб. (20 000 акций)³⁹. По сравнению с другими акционерными коммерческими банками 1890-х гг. эта сумма находилась в верхней части рейтинга для провинции; для петербургских банков — на нижней границе, их капитализация была в основном в пределах 10–20 млн руб. Для Москвы 5 млн руб. основного

³³ Отчет за 1872/73 год. Протокол...

³⁴ Левин И.И. Указ соч. С. 242.

³⁵ Отчет за 1872/73 год. Протокол...

³⁶ Отчет за 1874 год. С. 32.

³⁷ Ежегодник Министерства финансов. Выпуск VII [на 1874–1875]. СПб., 1876. С. 226–233.

³⁸ Отчет за 1877 г. С. 32. Протокол...; Вестник финансов, промышленности и торговли. Отчеты обязанных публичной отчетностью предприятий (далее — ВФПТ. Отчеты.). 1888. № 13. С. 156–157.

³⁹ Указатель действующих в Империи акционерных предприятий. СПб., 1903. С. 46.

капитала — довольно типичная сумма. Банки Поляковской группы в целом отличались более высокой капитализацией⁴⁰.

В результате на собрание 15 марта 1898 г. 22 акционера представили 9 667 из 20 000 акций (48% капитала)⁴¹. Новые акционеры, видимо, были привлечены в регионах, где открывались новые отделения. У банка стало больше мелких акционеров, не участвовавших в собрании. Расширение круга акционеров в 1900-е гг. продолжилось: в собрании 17 апреля 1907 г. участвовал 41 акционер с 12 270 акциями (61,4% капитала)⁴².

Таким образом, уже в уставе банка была заложена система управления, для которой требовался минимальный по тем временам круг участников. Герметичность банка усиливалась небольшим числом акционеров, скорее всего, крупных, потому что банку удалось собрать довольно большой по провинциальным меркам капитал. Коалиция сил вокруг банка начала разрастаться в период экономического подъема 1890-х гг. Этот процесс продолжился в 1900-е гг., когда Поляковская группа в целом переживала кризис.

Высшее руководство: правление и директорат⁴³

Первый состав правления банка включал председателя Самуила Полякова, директора Дмитрия Русанова и Александра Павловича Голяшкина (?–1877), контролера, а затем управляющего Орловским отделением Государственного банка Российской империи (далее — Госбанк)⁴⁴. Госбанк как источник руководящих кадров и заимствования банковских практик в 1870-е гг. отмечен еще И.И. Левиным⁴⁵.

Лазарь Поляков впервые появился среди руководства в протоколе первого собрания (22 мая 1874 г.), когда он был избран на должность кандидата в члены правления, освобожденную А.А. Булаткиным. В источниках есть разночтения по поводу того, когда Л.С. Поляков стал полным членом и председателем правления, но, если ориентироваться на подписи годовых отчетов и на протокол собрания 28 марта 1876 г., то именно на этом собрании Самуил уступил место члена и

---

⁴⁰ Сводный баланс акционерных банков коммерческого кредита, действующих в России (в 1000-х руб.) на 1 января 1898 года. СПб., 1898. С. 4.

⁴¹ Отчет за 1898 год. С. 68. Протокол...

⁴² Отчет за 1906 год. С. 38. Протокол...

⁴³ Здесь и далее информация о занимаемых должностях приводится на основании анализа сведений годовых отчетов банка, протоколов собраний акционеров и юбилейного издания «Обзор деятельности...».

⁴⁴ Общий состав Министерства финансов на 1 мая 1872 г. СПб., 1872. Стб. 41; ... на 1 января 1873 г. СПб., 1873. Стб. 48.

⁴⁵ Левин И.И. Указ. соч. С. 276–277.

председателя правления Лазарю, причем Самуил ушел с должности до срока и больше не занимал должностей в банке⁴⁶.

Нет сведений, что Лазарь Поляков непосредственно занимался делами банка и часто бывал в Орле. Ядро его империи находилось, как известно, в Москве. Он ушел с должности председателя и из правления Орловского банка на собрании 16 марта 1903 г., тогда закончился его очередной трехлетний срок и он отказался вновь баллотироваться⁴⁷.

Ключевой фигурой в банке в 1870-е — 1880-е г. был Дмитрий Русанов. В 1877 г. он отказался от поста директора, возможно потому, что в этой должности нельзя было заниматься другим бизнесом. Русанов оставался членом правления банка (по данным 1885 г. — старшим членом) до своей смерти в 1891 г. В последние годы он был еще и членом учетного комитета от купечества в Орловском отделении Госбанка⁴⁸, т.е. участвовал в процедуре оценки кредитоспособности заемщиков-купцов. Каких-либо общественных должностей в губернии и Елецком уезде он больше не занимал.

В 1892 г. на освободившееся место в правление вошел Александр Карлович Орем (?–1899), товарищ директора с 1881 г., а до этого, в 1880 г. — управляющий Елецким отделением⁴⁹.

Другая важная личность в истории банка — Владимир Эмильевич Ромер (1840–1907)⁵⁰. Его отец Эмилий Павлович Ромер, бывший австрийский подданный, с 1822 г. управлял крупными имениями в различных губерниях средней и южной России (есть сведения о его работе в Калужской, Курской, Симбирской, Казанской губерниях). В начале 1860-х гг. Ромер-старший купил дом в Орле, арендовал небольшое имение Богородицкое в Карачевском уезде Орловской губернии и объявил капитал по 2-й гильдии как агент Московского страхового от огня общества и комиссионер по выписке сельскохозяйственных машин.

---

⁴⁶ По уставу председатель правления мог первый раз переизбираться после 1877 г. (Устав Орловского коммерческого банка. § 32. С. 18.)

⁴⁷ ВФПТ. Отчеты. 1903. № 16. С. 428–429.

⁴⁸ Адрес-календарь за 1885 г. С. 85; Адрес-календарь за 1890 г. С. 14, 62.

⁴⁹ Адрес-календарь за 1880 г. С. 122.

⁵⁰ Сведения о В.Э. Ромере и его семье собраны по: РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 789. Л. 6–15; Адрес-календарь за 1864 г. С. 75; *Иконников В.С.* Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира. (1834–1884). Киев, 1884. С. 583; *Ромер Ф.Э.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1905. Биографический очерк. С. VII–XV; Деятели России: 1906 г. / Ред.-изд. А.М. Шампаньер. СПб., 1906. С. 18; Государственный совет. СПб., 1907. С. 154; *Бородин А.П.* Ромер Владимир Эмильевич // Государственный совет Российской Империи, 1906–1917: энциклопедия. М., 2008. С. 229.

Владимир Ромер родился в Смоленской губернии, откуда происходила его мать Ефросиния Михайловна Лызлова, дочь мелкопоместного дворянина. Он окончил Новгород-Северскую гимназию в 1856 г., в 1858 г. сдал дополнительный экзамен по русскому законоведению при Орловской гимназии на право чина XIV класса, однако на государственной службе никогда не был. С 1864 г. Ромер проживал в Орле, сведений, чем он занимался до прихода на работу в банк, нет.

В банке Владимир Ромер начинал с должности товарища директора (1872–1877 гг.); в 1877 г. он занял директорский пост и оставался на нем до 1900 г., после чего фактически передал его сыну Федору. Кандидатом в члены правления В.Э. Ромер был с 1876 г., членом правления — с 1878 г. и до конца жизни, а с 1903 г. — председателем правления.

Уход Ромера с поста директора Орловского коммерческого банка связан с «московским эпизодом» в его карьере. В 1900 г. он становится председателем правления Южно-Русского промышленного банка в Москве, входившего в поляковскую группу, причем это кадровое движение было частью смены руководства московского банка, последовавшей за убыточным отчетом 1899 г. Занимать директорский пост в орловском банке Ромеру теперь было нельзя по уставу. Однако комбинация, связанная с его переходом в Москву, видимо, не сложилась. На собрании 7 марта 1904 г. Ромер вышел из правления Южно-Русского банка «по причине расстроенного здоровья» и избрался там на более скромную должность депутата. Однако с 1903 г. Ромер уже был председателем правления Орловского банка.

Кроме банковской карьеры областью приложения усилий В.Э. Ромера было сельское хозяйство, т. е. землевладение, связанное с товарным производством. В 1906 г. ему принадлежали 745 дес. земли в Брянском уезде Орловской губернии. Со статусом землевладельца была связана общественная деятельность В.Э. Ромера. С 1882 г. он без перерыва избирался почетным мировым судьей и гласным Брянского уездного и Орловского губернского земства, с 1893 г. — гласным Орловской городской думы и затем губернских по земским и городским делам присутствий. Князь В.А. Оболенский (1869–1950), известный общественный деятель, представитель кадетской партии, в 1900–1903 гг. служивший заведующим статистическим бюро Орловской губернской земской управы, вспоминал впоследствии, что сессии Орловского земского собрания были большим событием в жизни орловского общества. Места, отведенные для публики, были заполнены, и прения протекали, как в маленьком парламенте. В Орловском земстве ведущую роль играли крупные землевладельцы, придворные и высокопоставленные чиновники. Лидером крайне правой

оппозиции был брянский гласный В.Э. Ромер. Он систематически выступал против всяких ходатайств, имевших хоть отдаленный политический привкус, а также против всяких новых ассигнований на культурные нужды⁵¹.

В 1905 г. В.Э. Ромер стал одним из учредителей «Орловского союза законности и порядка» — самой активной региональной правомонархической организации, основанной 22 октября 1905 г. и впоследствии вошедшей в Союз русского народа⁵².

Занимая довольно скромные позиции в начале карьеры, В.Э. Ромер постепенно стал частью орловской элиты: коммерции советник (с 1898 г.), крупный землевладелец, общественный деятель, член ряда местных благотворительных организаций, кавалер Ордена Анны до 2-й степени включительно, член Государственного совета от Орловского губернского земства с 1906 г., где он также примкнул к правой группе⁵³. На похоронах Ромера присутствовали губернатор и вице-губернатор. Гроб с телом покойного выносили из здания Орловского коммерческого банка. Одинаково теплые некрологи напечатали как правоконсервативная «Орловская речь», так и либеральный «Орловский вестник»⁵⁴.

Место председателя правления после смерти В.Э. Ромера оставалось вакантным. Однако еще с 1901 г. банк находился под прямым управлением Министерства финансов, как и все поляковские банки. Представителем государства в правлении был Виктор Антонович Арцимович (1859–?), на момент назначения — управляющий Орловским отделением Госбанка, хотя стиль его участия в делах Орловского коммерческого банка был — «не вмешиваться в дело, а лишь наблюдать»⁵⁵. В 1907–1908 гг. в этой должности был Николай Андреевич Протопопов (1854–?), бывший управляющий Воронежским отделением Госбанка.

Из родственников В.Э. Ромера посты в высшем руководстве банка занимал его сын, Федор Владимирович, товарищ директора в 1900–1906 гг. при вакантной директорской должности. После смерти отца Федор был избран на его место в правлении банка (1907–1908).

---

⁵¹ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. С. 221–223.

⁵² Кальченко Т. Орловский союз законности и порядка // Черная сотня: историческая энциклопедия 1900–1917. М., 2008. С. 372–373.

⁵³ Бородин А. П. Указ. соч.

⁵⁴ Владимир Эмильевич Ромер // Орловская речь. 1907. № 267. 1 ноября. С. 3; В.Э. Ромер (некролог) // Орловский вестник. 1907. № 290. 1 ноября. С. 3; Местная хроника // Орловский вестник. 1907. № 292. 3 ноября. С. 3; Похороны В.Э. Ромера // Орловская речь. 1907. № 269. 3 ноября. С. 3.

⁵⁵ Левин И.И. Указ. соч. С. 328, 330.

Товарищем директора, а затем членом правления в конце XIX — начале XX в., был также И.Л. Лепешов, шурин В.Э. Ромера, о котором речь пойдет ниже.

Таким образом, история высшего руководства Орловского банка условно распадается примерно на два периода: Русанова (1872–1891 гг.) и Ромера (1892–1908 гг.). Д.С. Русанов, о котором очень мало сведений, выглядит типичным для России банкиром из торгово-промышленной среды, для которого банк — это часть многоотраслевого семейного бизнеса. В.Э. Ромер — это больше банкир-помещик, хотя и не дворянин по происхождению. В то же время это сочетание купеческой и землевладельческой компонент в деятельности банка прослеживается на всем периоде его истории, о чем речь в следующем разделе.

Вокруг правления: купцы, землевладельцы, чиновники, земские деятели

Кроме членов правления и директоров, в руководство банка в широком смысле входили кандидаты в члены правления и депутаты, к этой категории также можно отнести и главных бухгалтеров. Благодаря данным об этом расширенном руководстве становится более понятной социально-экономическая и общественная среда, в которой действовал банк. Поскольку каждый банковский деятель мог занимать на протяжении карьеры разные должности, на них стоит посмотреть через их социальный или общественный статус: купцы, землевладельцы, чиновники, общественные деятели.

Все выявленные купцы, связанные с банком, в разной форме занимались торговлей сельскохозяйственной продукцией. Особым случаем здесь являются братья Лепешовы, родственники Ромеров⁵⁶. В.Э. Ромер был женат на дочери крупного орловского купца Луки Михайловича Лепешова, который еще в 1860-е гг. торговал пенькой и имел собственные барки на орловской пристани⁵⁷. Именно Лепешовым принадлежал купеческий особняк, в 1874 г. приобретенный Орловским коммерческим банком и впоследствии перестроенный в знаменитое в здании в псевдорусском стиле (ул. Гостиная, 6)⁵⁸. Трое сыновей Луки Лепешова, шурины В.Э. Ромера, занимали бухгалтерские должности в банке.

Иван Лукич Лепешов (1855–1907) начал службу в банке с 1879 г., в должности главного бухгалтера состоял в 1880–1896 гг., товарища

---

⁵⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 102. Оп. 83. Д. 708. Л. 2.

⁵⁷ Адрес-календарь за 1864 г. С. 72.

⁵⁸ *Краснощечкова С.Д.* Орел торгово-купеческий // Краеведческие записки. Вып. 8. Орел, 2010. С. 101, 145.

директора в 1897–1899 гг., члена правления с 1900 г. Его портрет, как и портрет В.Э. Ромера, решено было повесить в банке после его смерти. Орловцам он запомнился своей роскошной по местным меркам усыпальницей на Троицком кладбище — мавзолеем с витражами, коваными решетками, мозаичными полами и белой мраморной статуей Иисуса Христа. Мавзолей не сохранился до наших дней, а скульптура сейчас находится в Троицкой церкви⁵⁹.

Михаил Лукич Лепешов в конце 1880-х гг. работал в должности помощника бухгалтера банка в Орле, а в начале 1890-х гг. — бухгалтером Елецкого отделения⁶⁰. Василий Лукич Лепешов в 1897–1899 гг. исполнял обязанности главного бухгалтера в банке, с 1900 г. вместе с Ромером перешел на ту же должность в Южно-Русском промышленном банке и остался в Москве, когда Ромер вернулся в Орел⁶¹.

Активным деятелем в банке был орловский купец Александр Петрович Каширин (?–1907 или 1908), специализировавшийся на хлебной и мучной торговле с крупным для Орла кредитным лимитом в Орловском отделении Госбанка в 20 000 руб. в 1890-е гг.⁶² Он был кандидатом в члены правления с 1879 г. и в 1907 г. отказался от должности по болезни. А.П. Каширин был реальным членом руководства банка, его подпись стоит на отчетах 1891–1892 и 1897–1905 гг. Он также входил в учетный комитет банка от купечества, аналогичную должность он занимал и в Орловском отделении Госбанка. Его общественная деятельность в губернии в основном приходится на 1890-е гг., когда он избирался гласным думы и участвовал в комиссиях городской управы и в местных благотворительных организациях⁶³.

Василий Афанасьевич Соболев (?–1891), многолетний депутат банка (1872–1891 гг.) происходил из семьи купцов-хлеботорговцев, в 1890–1891 гг. избирался гласным Орловской городской думы⁶⁴.

Александр Алексеевич Булаткин (1841–1891), орловский купец и оптовый хлеботорговец, был кандидатом в члены правления в 1872–1873 гг., а затем вышел из состава руководства. С 1869 г. Булаткин состоял членом учетного комитета от купечества в Орловском отделении Госбанка. С 1871 г. он был гласным в Орловской городской думе и много занимался благотворительностью, жертвуя хлеб в уездах

⁵⁹ ВФПТ. Отчеты. 1904. № 16. С. 438; 1908. № 31. С. 972; *Мар Е. Тайна имени // Поколение (Орел)*. 2001. № 134. 29 сентября. С. 3.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 83. Д. 708. Л. 2; Адрес-календарь за 1890 г. С. 129; Адрес-календарь за 1891 г. С. 129.

⁶¹ ВФПТ. Отчеты. 1900–1908. Отчеты Южно-Русского промышленного банка.

⁶² РГИА. Ф. 587. Оп. 52. Д. 1073.

⁶³ Адрес-календарь за 1897 г. С. 55, 70, 85, 86.

⁶⁴ Адрес-календарь за 1864 г. С. 78; Адрес-календарь за 1890 г. С. 51; Адрес-календарь за 1891 г. С. 52.

Орловской губернии в случаях неурожаев. 11 ноября 1891 г. он погиб в большой железнодорожной катастрофе на Орловско-Грязской железной дороге, которая унесла жизни 32 человек и широко обсуждалась не только в местной, но и в центральной печати⁶⁵.

Завершая обзор банковских деятелей с купеческими корнями или не связанных с чиновной средой, стоит упомянуть других представителей семей Поляковых и Ромеров. Сыновья Лазаря занимали второстепенные позиции в банке: Исаак Поляков был депутатом в 1894–1903 гг. и кандидатом в члены правления с 1904 г., а в 1892–1903 гг. на этой кандидатской позиции был Михаил Поляков. Таким образом, вскоре после того, как В.Э. Ромер в 1903 г. стал председателем правления, в банке остался лишь один Поляков — Исаак.

В ранний период на один срок (1876–1878) избирался на должность кандидата в члены правления старший брат В.Э. Ромера — Федор Эмильевич (1838–1901), писатель, поэт, публицист и общественный деятель, арендатор, а затем владелец того самого поместья Богородицкое, которое начинал развивать еще отец братьев Ромеров. Ф.Э. Ромер был владельцем высокодоходного поместья с образцовой организацией сельскохозяйственного производства⁶⁶. Сын В.Э. Ромера Александр с 1898 г. был управляющим Брянским отделением банка⁶⁷.

Губернские чиновники привлекались в банк из небольшого числа учреждений. Прежде всего, это учреждения Министерства финансов: Орловское отделение Госбанка, откуда пришел первый член правления А.П. Голяшкин, а также казенная палата и казначейство.

Анненков Николай Иванович (?–1896), депутат банка в 1880–1885 гг., был управляющим Орловской казенной палатой со второй половины 1870-х и до отставки в 1891 г. Ранее, в конце 1860-х — начале 1870-х гг. Анненков был управляющим Орловским отделением Госбанка⁶⁸.

Шеншин Пармен Петрович (1839–1908), кандидат в члены правления банка в 1891–1902 гг., представитель известного дворянского рода, дальний родственник И.С. Тургенева и А.А. Фета, популярный в Болхове и Орле земский деятель⁶⁹. С 1891 г. служил

---

⁶⁵ Адрес-календарь за 1864 г. С. 66; Об Орловской губернии // Орловский вестник. 1891. № 318. 30 ноября. С. 3; *Иорданский И.* Александр Алексеевич Булаткин (Со слов орловского жителя) // Орловский вестник. 1891. № 311. 23 ноября. С. 2.

⁶⁶ *Ромер Ф.Э.* Указ. соч.; Писатели Орловского края. Орел, 1981. С. 152–154.

⁶⁷ Адрес-календарь за 1898 г. С. 115; Адрес-календарь за 1907 г. С. 142.

⁶⁸ *Волков С.В.* Высшее чиновничество Российской империи: краткий словарь. М., 2016. С. 31; Адрес-календарь за 1868 г. С. 8; Адрес-календарь за 1870 г. С. 7; Адрес-календарь за 1877 г. С. 14; Адрес-календарь за 1880 г. С. 14.

⁶⁹ *Чернов Н.М.* Провинциальный Тургенев. М., 2003. С. 110.

членом совета Государственного Дворянского земельного банка, ранее был представителем дворянства в Орловском отделении этого банка. В Орловском коммерческом банке он был членом учетного комитета от землевладельцев⁷⁰. Как представитель крупного землевладения в ипотечных учреждениях принял участие в 1886 г. в собрании членов Общества взаимного поземельного кредита (с 1890 г. — Особый отдел Дворянского банка). Шеншин тогда первым взял слово и своим выступлением произвел благоприятное впечатление на присутствующих. Одной из столичных газет Шеншин показался «оратором довольно хорошим», хотя и «без петербургского лоска и блеска»⁷¹. С 1882 г. Шеншин избирался председателем губернской земской управы. Кроме того, он председательствовал в созданной в 1884 г. Орловской губернской ученой архивной комиссии, и Орловский коммерческий банк время от времени жертвовал в ее пользу некоторые суммы денег⁷².

Чиновником Министерства финансов был Успенский Алексей Федорович (1837–?), депутат Орловского коммерческого банка с 1904 г. и губернский казначей в 1880–1906 гг.⁷³

Кроме учреждений Министерства финансов, важную роль в формировании расширенного руководства банка играли чиновники губернского правления, включая вице-губернаторов (учреждения Министерства внутренних дел).

Степурский Павел Михайлович (1819–1891), кандидат в члены правления (1872–1885 гг.) и депутат банка (1886–1891 гг.), в 1870-е гг. уже был опытным губернским чиновником. В 1845 г. он окончил юридический факультет Харьковского университета, после чего несколько лет работал в учреждениях Харькова, а в 1849 г. перешел на службу в Орловскую губернию. С 1864 г. он был советником губернского правления, а с 1874 г. — старшим советником; неоднократно ему приходилось исполнять обязанности вице-губернатора⁷⁴.

Демидов Михаил Денисович (1842–1898), депутат банка в 1883–1893 гг. На момент избрания в банк Демидов был рязанским вице-губернатором, в 1888 г. он был назначен вице-губернатором

---

⁷⁰ Адрес-календарь за 1890 г. С. 14; Список личного состава Министерства финансов на 1904/5 год. СПб., 1904. Стб. 118.

⁷¹ Местный дневник // Орловский вестник. 1886. № 120. 10 (22) мая. С. 1.

⁷² *Ткачева Н.К.* Память о прошлом. Страница истории губернского города Орла. М., 2011. С. 176.

⁷³ Список личного состава Министерства финансов на 1904/5 год. Стб. 640.

⁷⁴ Государственный архив Орловской области (далее — ГАОО). Ф. 4. Оп. 2. Д. 430. Л. 56 об.–60, 62 об.–63, 64, 80–81.

в Санкт-Петербург, а в 1892 г. возглавил Олонецкую губернию⁷⁵. Демидова ничто не связывало с Орловской губернией, и, по всей видимости, он был креатурой Л.С. Полякова, потому что из дневниковых записей дочери банкира Зинаиды следует, что Поляковы и Демидовы дружили семьями⁷⁶.

Берс Александр Андреевич (1845–1918), депутат банка в 1892–1908 гг., брат С.А. Берс, жены Л.Н. Толстого, был орловским вице-губернатором в 1883–1893 гг. После окончания службы в Орле он жил в Москве, работал в поляковском Коммерческом страховом обществе, в 1900-е гг. еще и в поляковском Московском земельном банке (агентом банка в Орловской губернии был именно Орловский коммерческий банк). Вторым браком Берс был женат на А.А. Митрофановой, дочери А.В. Митрофанова, управляющего Орловским отделением Дворянского земельного банка⁷⁷.

Римский-Корсаков Николай Петрович, депутат банка в 1892–1897 гг., кандидат в члены правления в 1902–1908 гг., подписывал годовой отчет и был членом учетного комитета от землевладельцев. С 1884 г. Римский-Корсаков был также членом учетного комитета от землевладельцев в Орловском отделении Госбанка и с 1886 г. представителем дворянства в Орловском отделении Дворянского земельного банка. Впоследствии Римский-Корсаков неоднократно замещал управляющего этим отделением⁷⁸.

Римский-Корсаков был известной в Орловской губернии личностью. Он был ливенским помещиком и в губернском земском собрании представлял Ливенский уезд, но в своем имении бывал редко. Он не имел семьи, был одинок, и именно поэтому, как считал орловский губернатор А.Н. Трубников, отметивший Римского-Корсакова в своих воспоминаниях, не любил ездить в свое имение⁷⁹. Этим, видимо, объясняется и его кипучая деятельность в целом ряде орловских

---

⁷⁵ Тайный советник М.Д. Демидов (некролог) // Олонецкие губернские ведомости. 1898. № 75. 30 сентября. С. 2.

⁷⁶ Например, 24 декабря 1885 г. Зинаида писала: «Всегда приятно узнать хорошие новости. Так было и сегодня, когда рассказали о производстве Демидова М. в действительные статские советники». В другой записи упоминается, что Демидов с сыном приходили к Поляковым на обед (*Полякова З. Дневники // Семья Поляковых*. М., 1995. С. 157, 159).

⁷⁷ *Сафонова О.Ю.* Род Берсов в России. М., 1999. С. 67–70; Адрес-календарь за 1890 г. С. 14; *Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1896 г. М., 1896.* Алфавитный указатель адресов жителей. Стб. 750; *Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1905 г. М., 1905.* Алфавитный указатель адресов жителей. С. 36.

⁷⁸ ГАОО. Ф. 525. Оп. 3. Д. 10. Л. 7 об.–8.

⁷⁹ *Трубников А.Н.* Воспоминания. Орел, 2004. С. 92.

организаций и учреждений, включая городскую думу и губернскую земскую управу. В январе 1871 г. Римский-Корсаков был впервые избран почетным мировым судьей, а в декабре того же года — членом губернской земской управы, после чего до самой смерти регулярно переизбирался на обе эти должности⁸⁰. А.Н. Трубников вспоминал о Римском-Корсакове как о «своем большом приятеле» и «не очень молодом, но очень милом и симпатичном человеке», у которого «была большая любовь к птицам, ... у него всегда был попугай»⁸¹. В.А. Оболенский называл Римского-Корсакова «милым, добродушным стариком из бывших гвардейских офицеров»⁸².

В городской думе Римский-Корсаков вместе с В.Э. Ромером возглавлял оппозицию городскому голове С.В. Волкову. В 1893 г. он даже баллотировался на пост городского головы и при первом голосовании получил больше всех голосов среди противников Волкова, но в итоге отказался от должности⁸³. По словам В.А. Оболенского, Римский-Корсаков, несмотря на «известную независимость по отношению к властям предрежающим», при упоминании об изменении государственного строя «сердился и поднимал крик на всю управу»⁸⁴. В формулярном списке о службе Римского-Корсакова кто-то написал карандашом, вероятно, уже после его смерти: «В течение 25 лет не изменял ни присяге, ни идеалу, и для того на благодарную память о своем члене постановило повесить в зале губ. управы его портрет!»⁸⁵.

Особой группой управленцев в ранний период истории банка были железнодорожные служащие, однако впоследствии этот источник формирования руководства иссяк. К этой категории относился Роберт Петрович фон Дезен (1834–1882), управляющий частной в тот период Орловско-Грязской железной дорогой и начальник казенной Ливенской узкоколейной дороги⁸⁶. В Орловском коммерческом банке он был депутатом в 1872–1879 гг. и кандидатом в члены правления в 1880–1882 гг. Как отмечалось в некрологе, он «всеми зависевшими от него мерами и способностями старался к возобновлению прежнего доверия к банку и упрочению операций

⁸⁰ ГАОО. Ф. 525. Оп. 3. Д. 10. Л. 3 об.–4.

⁸¹ Трубников А. Н. Указ. соч.

⁸² Оболенский В. А. Указ. соч. С. 229.

⁸³ Лавицкая М. И. Орловское дворянство и купечество второй половины XIX — начала XX века (социокультурная характеристика). Орел, 2007. С. 113, 140–141.

⁸⁴ Оболенский В. А. Указ. соч. С. 229.

⁸⁵ ГАОО. Ф. 525. Оп. 3. Д. 10. Л. 31.

⁸⁶ Адрес-календарь за 1877 г. С. 20, 21; Адрес-календарь за 1880 г. С. 20, 21.

и дел его»⁸⁷, что является отсылкой к банковскому кризису тех лет, который Орловский коммерческий банк смог пережить. Подчиненный фон Дезена, начальник хозяйственной части Орловско-Грязской железной дороги в тот период, Иосиф Игнатьевич Богданович (Дворжицкий-Богданович) состоял кандидатом на должность члена правления в 1872–1876 гг.⁸⁸

Итак, можно заключить, что расширенное руководство Орловского коммерческого банка представляло собой коалицию купцов, занятых оптовой торговлей сельхозпродукцией, землевладельцев, получавших доход от аграрного производства, крупных губернских чиновников и земских деятелей — дворян и помещиков. Семейные связи являлись заметным, но далеко не единственным способом формирования руководства Орловского коммерческого банка. В итоге широкие круги губернской элиты были заинтересованы в успешности банка.

* * *

Таким образом, данное исследование опровергает стереотип, что российские акционерные коммерческие банки XIX в. были учреждениями прежде всего для купцов и промышленников. Отраслевая специализация банка формировалась, исходя из потребностей местной экономики. В центрах развития промышленности, на общенациональных и международных рынках капиталов, как в Санкт-Петербурге и Москве, банки действительно обслуживали в первую очередь торгово-промышленную элиту. Однако в аграрных регионах, где экономическая роль помещиков была значительной, они вместе с купцами принимали участие в управлении акционерными коммерческими банками.

О такой коалиции купцов и помещиков свидетельствуют данные о руководстве Орловского коммерческого банка (1872–1908). Семейные связи были важной компонентой этих взаимоотношений, но их было бы недостаточно для выстраивания широкой коалиции, которую удалось сформировать вокруг банка. Крупные торговцы и помещики, связанные с банком, были также активными участниками губернских общественных организаций и местного самоуправления. Некоторые из них состояли на государственной службе до перехода на работу в правление банка, или же они продолжали быть чиновниками, являясь одновременно членами наблюдательного совета банка (депу-

---

⁸⁷ *Ефимьев А.* Роберт Петрович фон-Дезен (некролог) // Орловский вестник. 1882. № 28. 5(17) февраля. С. 2–3.

⁸⁸ Адрес-календарь за 1877 г. С. 20, 21; Адрес-календарь за 1880 г. С. 20, 21.

таты). В основном это были чиновники, служившие по Министерству внутренних дел (губернское правление) и Министерству финансов (казенная палата, казначейство, Государственный банк Российской империи, Дворянский земельный банк). Таким образом, вокруг банка формировалась социальная сеть, в которую были интегрированы широкие круги региональной элиты.

Особенно интересен впервые выявленный факт о системе оценки кредитоспособности заемщиков банков Орловской губернии. Члены учетных комитетов коммерческих банков по типу операций (Госбанка и Орловского коммерческого банка) специализировались на оценке кредитоспособности либо купцов, либо помещиков. Это не сословная сегрегация как таковая, это разделение экспертов по областям их деятельности. Члены учетных комитетов от землевладельцев неизвестны в банках Санкт-Петербурга и Москвы. Более того, учетные комитеты Орловского коммерческого банка, Госбанка и дворянское представительство в Орловском отделении Дворянского земельного банка во многом состояли из одних и тех же лиц, что позволяет сделать вывод, что в губернии существовал устойчивый и очень узкий круг лиц, участвовавших в принятии решения об открытии кредита в банках разных типов операций.

Пример Орловского коммерческого банка показывает, что акционерный коммерческий банк в аграрной губернии имел возможность глубоко интегрироваться в систему региональной элиты, что само по себе было одним из факторов устойчивости такого банка, потому что связывало с ним самую солидную клиентуру региона. Это стало одним из факторов выживания банка в экономически очень тяжелый для Центрального Черноземья период во второй половине 1870-х и в 1880-е гг.

Другим фактором устойчивости банка были его общероссийские межбанковские связи, в данном случае — доступ через Полякова на московский финансовый рынок, возможности которого значительно превосходили любой региональный. Принадлежность к поляковской группе расширяла возможности банка привлекать дополнительные средства в 1870-е — 1890-е гг. В 1900-е гг., наоборот, эта связь негативно сказалась на положении банка в связи с личным банкротством Л.С. Полякова, однако сильная местная коалиция была одним из факторов сохранения Орловского коммерческого банка в составе Соединенного банка, созданного из поляковских банков в 1908 г.

Таким образом, пример Орловского коммерческого банка показывает, что во второй половине XIX в. региональный банк в аграрном

регионе Российской империи имел достаточные местные возможности для развития даже в неблагоприятных экономических условиях.

Список литературы

Ананьич Б.В., Беляев С.Г., Дмитриева З.В., Лебедев С.К., Лизунов П.В., Морозан В.В. Петербург. История банков. М.: Третье тысячелетие, 2001. 301 с.

Ананьич Б.В. Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. 2-е, испр. и доп. изд. М.: РОССПЭН, 2006. 293 с.

Ананьич Б.В., Арефьева М.И., Беляев С.Г., Бугров А.В., Дадькина М.М., Драган О.В., Дмитриева З.В., Лебедев С.К., Лизунов П.В., Морозан В.В., Петров Ю.А., Саломатина С.А. Кредит и банки в России до начала XX в.: Санкт-Петербург и Москва. СПб.: Издательство СПбУ, 2005. 667 с.

Барышников М.Н., Вишняков-Вишневецкий К. Иностранцы предприниматели в Петербурге во второй половине XIX — начале XX века: состав, торговые и промышленные операции, общественная деятельность. СПб.: Книжный Дом, 2006. 429 с.

Бовыкин В.И., Петров Ю.А. Коммерческие банки Российской империи. М.: Перспектива, 1994. 350 с.

Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М.: Наука, 1997. 622 с.

Гиндин И.Ф. Московские банки в период империализма // Исторические записки. 1956. Т. 58. С. 38–106.

Гиндин И.Ф. Неуставные ссуды Государственного банка и экономическая политика царского правительства // Исторические записки. 1950. Т. 35. С. 87–126;

Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России. М.: Госфиниздат, 1948. 453 с.

Краснощекова С.Д. Орел торгово-купеческий // Краеведческие записки. Вып. 8. Орел: Вешние воды, 2010. С. 19–155.

Кузовлев В.П., Перцев В.В., Саввина О.А. Развитие гимназического образования в Орловской губернии. Елец, ЕГУ, 2006. 235 с.

Лавицкая М.И. Орловское дворянство и купечество второй половины XIX — начала XX века (социокультурная характеристика). Орел: Издательство ОРАГС, 2007. 183 с.

Левин И.И. Акционерные коммерческие банки в России. М.: Дело, 2010. 511 с.

Лизунов П.В. Петербургские купцы, фабриканты и банкиры Штиглицы. СПб.: Алетейя, 2014. 601 с.

Морозан В.В. Деловая жизнь на юге России в XIX — начале XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 614 с.

Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы, конец XIX в. — 1914 г. М.: РОССПЭН, 1998. 366 с.

Предпринимательство и городская культура в России, 1861–1914. / Под ред. У.К. Брумфилда, Б.В. Ананьича, Ю.А. Петрова. М.: Три квадрата, 2002. 311 с.

Рабинович Г.Х. Уставы акционерных коммерческих банков как источник для изучения состава финансовой олигархии в России // Вопросы методологии, истории, историографии и источниковедения. Томск: Издательство Томского университета, 1980. С. 94–97.

Роднов М.И. Уфимское отделение Волжско-Камского коммерческого банка: начало истории (1873–1875 гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2016/17. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 87–111.

Саломатина С.А. Банки и государство: 100 лет изучения банковской группы Л. С. Полякова // Валерий Иванович Бовыкин: Человек. Исследователь. Педагог. К 90-летию со дня рождения. М.: ИРИ РАН, 2018. С. 153–172.

Сафонова О.Ю. Род Берсов в России. М.: Энциклопедия сел и деревень, 1999. 117 с.

Ткачева Н.К. Память о прошлом. Страница истории губернского города Орла. М.: Археодоксия, 2011. 284 с.

Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX — начала XX в.: организация и финансирование. М.: РОССПЭН, 2008. 470 с.

Чекомазова В.И. Из истории елецкого купечества. Елец: Городской краеведческий музей, 2007. 127 с.

Чернов Н.М. Провинциальный Тургенев. М.: Центрполиграф, 2003. 426 с.

Rousseau P.L., Sylla R. Financial systems, economic growth and globalization // Globalization in Historical Perspective / Ed. by M.D. Bordo, A.M. Taylor and J.G. Williamson. Chicago: University of Chicago Press, 2003. P. 373–415.

Поступила в редакцию
30 апреля 2019 г.

И.Ю. Слесарев*

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОПАГАНДА В США В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

I.Y. Slesarev

FRENCH PROPAGANDA IN THE USA DURING THE FIRST WORLD WAR

Аннотация. Борьба за благорасположение США в годы Первой мировой войны традиционно рассматривается в историографии как противостояние английской и немецкой пропаганды, из-за чего менее масштабная, но эффективная деятельность Франции в этой сфере остается малоизученной. Между тем ориентированная на политические, финансовые и интеллектуальные слои североамериканского общества французская пропаганда обеспечила взаимопонимание и дальнейшее тесное сотрудничество народов двух республик в мировом конфликте. Социокультурная близость Франции и США, исторические связи, необремененность какими-либо крупными противоречиями позволяли французам применять методы, которые теперь принято причислять к категории «мягкой силы», так что американцы не воспринимали их как воздействие пропаганды. Кумулятивный эффект деятельности Франции и Великобритании позволил ускорить вступление в войну США, взявших на себя финансирование и промышленное обеспечение изможденных стран Антанты, а к 1918 г. транспортировавших в Старый свет двухмиллионный военный контингент. Уникальный и беспрецедентный по своему масштабу опыт формирования и манипулирования общественным сознанием, накопленный в течении Первой мировой войны, в дальнейшем лег в основу технологий изучения и влияния на общественное мнения, сознание масс. Исследование базируется на документах, хранящихся в Дипломатических архивах, Национальных архивах и Архиве исторической службы Министерства обороны Франции, ранее не привлекаемых в отечественной науке для изучения данного вопроса. Автором предпринимается попытка обобщения накопленного научного знания по исследуемой проблеме в отечественной и зарубежной историографии. Основной фокус в статье делается на задачи, организацию и методы проводимой Францией пропагандистской кампании. Все основные направления ее деятельности проиллюстрированы

---

* *Слесарев Илья Юрьевич*, аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Slesarev Ilya Yur'yevich, PhD Student, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+7-916-443-09-00; sles-il@yandex.ru

наиболее яркими примерами. Отдельное внимание уделяется роли личностей, отвечавших за организацию проводимых мероприятий, создание пропагандистских структур, а также агентов, выполнявших особые миссии на территории США. Хронологические рамки исследования ограничены 1914–1917 гг. — периодом нейтралитета США.

Ключевые слова: Первая мировая война, французская пропаганда, общественное мнение, военная пресса, образ союзника, вступление США в войну, Жан-Жюль Жюссеран, Вудро Вильсон.

Abstract. The competition for the benevolence of the United States during the First World War is traditionally regarded in historiography as a confrontation between English and German propagandas, and thus the French less widescale but effective activity in this field remains poorly studied. Meanwhile, French propaganda focused on the political, financial and intellectual circles of North American society ensured mutual understanding and promoted close cooperation between the two republics in this global conflict. The sociocultural proximity of France and the United States, their historical ties, and the lack of any major contradictions allowed the French to involve methods that are now considered to be classified as “soft power”, so that the Americans did not regard them as the propaganda effect. The cumulative result of the activities of France and Great Britain made it possible to accelerate the entry into the war of the United States, which took over financing and industrial support of the exhausted countries of the Entente, and transported a two-million military contingent to the Old World by 1918. The unique and unprecedented experience of the formation and manipulation of public consciousness, accumulated during the First World War, later laid the basis of the methodology of studying public opinion and influencing the mood and consciousness of the masses. The study is based on the documents from the diplomatic archives, national archives and the Service historique de la défense of the French Ministry of Defense, previously uninvolved in the research on this issue in Russian historiography. The author attempts at comprehensive consideration of the historiographic material. The main focus of the article is the tasks, organization and methods of the French propaganda campaign. The most striking cases help illustrate all its main aspects. Particular attention is paid to the role of persons responsible for organizing events and establishing propaganda structures and agents performing special missions in the United States. The study covers the period of the US neutrality in 1914–1917.

Keywords: World War I, French propaganda, public opinion, military press, ally image, US entry into the war, Jean-Jules Jusserand, Woodrow Wilson.

* * *

Тема пропаганды всегда занимала особое место в исторических исследованиях, посвященных Первой мировой войне. Такое внимание к проблеме обосновано тем, что именно в эти годы впервые складывались и отрабатывались технологии формирования общественного мнения в мировом масштабе. Накопленный обоими альянсами опыт

требовал научного осмысления, поэтому уже в первом послевоенном десятилетии в свет вышли десятки работ¹, среди которых отдельного внимания заслуживают монография известного журналиста, психолога, социолога, одного из архитекторов американского неолиберализма Уолтера Липпмана «Общественное мнение» (1922)² и работа американского историка, политолога Гарольда Ласвеля «Техника пропаганды в мировой войне» (1927)³. Державы, втянутые в мировой конфликт, были вынуждены неустанно вести пропаганду на всех информационных фронтах: внутренняя пропаганда — для консолидации сил государства и общества; пропаганда, направленная на противника, — для подрыва морального духа тыла и армии врага; союзническая пропаганда — для усиления прочности альянса; пропаганда в нейтральных государствах — для обеспечения доброжелательного нейтралитета, посредничества и склонения их к участию в конфликте на своей стороне. С первых месяцев войны ожесточенная борьба разразилась за благосклонность промышленно и финансово развитых США. В центре работ исследователей, анализировавших эту проблему, традиционно находится противостояние английской и немецкой пропаганды, в то время как деятельность Франции остается в тени⁴. Между тем, особая стратегия французского правительства, направленная на присоединение США к блоку Антанты, и ее сравнение со стратегиями других стран, а также деятельность внешнеполитических организаций и миссий, обеспечивавших дружеские и союзнические отношения народов двух республик, представляют несомненный научный интерес.

Безусловно, наибольший вклад в информационную кампанию Антанты в США на первом этапе войны внесла Великобритания. За британскую пропаганду в США отвечал известный английский беллетрист канадского происхождения Гильберт Паркер⁵. По его

---

¹ См., например: *Creel G.* How we advertised America. London, 1920; *Marchand L.* L'offensive morale des Allemands en France pendant la guerre. Paris, 1920; *Stern-Rubarth E.* Die Propaganda als politisches Instrument. Berlin, 1921; *Démartial G.* La guerre de 1914. Comment on mobilisa les consciences, Paris, 1922; *Plenge J.* Deutsche Propaganda. Bremen, 1922; *Bernays E.L.* Crystallizing Public Opinion. New York, 1923; *Salmon L.M.* The Newspaper and Authority. New York, 1923; *Wilder R.H., Buell K.L.* Publicity. New York 1923; *Baschwitz K.* Der Massenwahn. München, 1924; *Schönemann F.* Die Kunst der Massenbeeinflussung in den vereinigten Staaten vom Amerika. Stuttgart, 1924; и др.

² Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

³ Ласвель Г. Техника пропаганды в Мировой войне. Ленинград, 1929.

⁴ См., например: *Суржик Д.В.* Распропагандированная Америка // Европа и Россия в огне Первой мировой войны / Под ред. В.А. Золотарева. М., 2014.

⁵ См. подробнее: *Parker G.* The United States and the war // *Harper's Magazine*. March, 1918. — URL: <http://harpers.org/archive/1918/03/the-united-states-and-the-war/>

признанию, английское руководство снабжало информацией 360 американских газет, публиковавших еженедельные обзоры и комментарии о ходе войны. Рядовые американцы вовлекались в пропаганду военной кампании через кинофильмы об армии и флоте, а также с помощью бесед, статей, памфлетов и писем, напечатанных в виде ответов на вопросы американцев в ведущих газетах штатов⁶. Паркер ежедневно рассылал около 300 бюллетеней с материалами британской пропаганды американским газетам, организовывал поездки и встречи с общественностью⁷.

Французская пропаганда была более сдержанной — в силу отсутствия столь сильных социокультурных связей, различия языков и принципиальной позиции в этом вопросе влиятельного посла Жан-Жюля Жюссерана. Он был хорошо знаком с президентом В. Вильсоном и входил в круг его ближайших лиц, который называли «теннисным кабинетом». Он знал многих представителей политической элиты США. Глубокое знание англо-саксонской культуры Ж.-Ж. Жюссерана производило сильное впечатление на американцев⁸. Объясняя необходимость тактики умеренности в пропагандистской деятельности внутри приверженных традиции изоляционизма США, посол повторял: «Если существует что-то, что американцы действительно ненавидят, так это, когда иностранцы говорят им, что они должны думать, а что нет. Что же тогда делать нам? Не прославлять себя — американцев это напрягает; дать фактам говорить самим за себя — они делают это достаточно внушительно; рассчитывать на здравый смысл и сердца наших сторонников, чтобы они сами всё истолковывали и объясняли широким массам; обильно снабжать их достоверными сведениями и позволять им самим получать информацию своими методами, чтобы их представители видели всё своими глазами»⁹. Этой стратегии посол и придерживался в период американского нейтралитета, нередко подвергаясь критике. Композитор и дипломат Луи Обер и группа единомышленников обвиняли посла в бездействии и недальновидной политике, требуя его замены философом Анри Бергсоном, однако Жюссеран сохранил должность до 1924 г.¹⁰

В мае 1915 г. министр иностранных дел Франции Теофиль Делькассе поручил депутату Этьену Фурно создать службу пропаганды.

---

⁶ Лан В.И. США: от Первой до Второй мировой войны. М., 1976. С. 22.

⁷ Зильбер И. Тайные средства борьбы. М., 1948. С. 62.

⁸ Kaspi A. Le Temps des Américains. Le concours américain à la France (1917–1918). Paris, 1976. P. 37.

⁹ Jusserand J.J. Le sentiment Américain pendant la Guerre. Paris, 1931. P. 67.

¹⁰ См. подробнее: Nouailhat Y.-H. France et États-Unis, août 1914 – avril 1917. Paris, 1979. P. 399.

С января 1916 г. эта служба была переименована в «Дом прессы» и перепоручена Филиппу Бертело, главе кабинета Аристида Бриана. Подход Бертело был схож с позицией посла: «Наше преимущество над немцами состоит в том, что нам не нужно никого подкупать в американской прессе. Нам нужно лишь стимулировать газеты писать то, что они и так пишут. Самое лучшее, что мы можем делать, — это снабжать [материалами] французскую и американскую прессу. Вся пропаганда США во Франции является пропагандой Франции в США. Когда американский журнал публикует хорошую статью о Франции, ее необходимо перепечатывать в крупном французском журнале на первых полосах. Американцы любят такую рекламу, и если мы дадим свой комментарий к этой статье, то они с радостью перепечатают его у себя»¹¹. Для информирования издателей, организации лекций и мероприятий, написания статей, нужным образом формировавших образ Франции, служба Бертело нанимала американцев, которые имели связи с Францией, отправляла в США французских агентов, договаривалась с влиятельными французскими и американскими общественными деятелями о миссиях в США¹². В октябре 1916 г. главный редактор крупной правобуржуазной газеты «Матэн» Стефан Лозанн был уполномочен министерством иностранных дел обеспечить «тесную связь с американской прессой». Находясь под руководством Жюссерана, он сотрудничал с пресс-службой министерства, не претендуя на какой-либо официальный пост. Его роль заключалась в организации и облегчении доставки французских новостей в американские газеты, что, на самом деле, было не такой простой задачей.

Изучение архивных документов «Дома прессы», Верховного комиссариата по делам франко-американского сотрудничества, посольства Франции и документов отдельных французских агентов в США, находящихся сейчас на хранении в дипломатических архивах Французской республики, позволяет исследовать основные направления проводимой Третьей республикой пропагандистской деятельности.

Какие задачи стояли перед французскими пропагандистами и каких целей они пытались добиться? Отвечая на этот вопрос, крупный французский историк-американист Ив-Анри Нуэля утверждал, «с августа 1914 по апрель 1917 г. французское правительство никогда не пыталось повлиять на вступление США в войну»¹³. Изучая документы

---

¹¹ Archives Diplomatiques. Papiers Ph. Berthelot. PAAP 10. 18. P. 36–37 (далее — A.D.).

¹² A.D. PAAP 19. 2. P. 11–24.

¹³ *Nouailhat Y.-H. La propagande française aux Etats-Unis (août 1914 – avril 1917) // Les Etats-Unis dans la Première Guerre mondiale 1917–1918. La conférence sous la direction de C. Carlier et G. Pedroncini. Paris. Assemblée Nationale. 22 et 23 septembre 1987.*

ведомств, отвечавших за пропаганду, сложно однозначно согласиться с этим мнением. Французы, и правда, при любой возможности демонстрировали подчеркнутое уважение к американскому нейтралитету и действовали так тонко, что на фоне бурной немецкой и английской агитации, наводнившей Америку, создавалось ощущение, отмеченное ведущей американской газетой «Вашингтон Пост»: «французской пропаганды не существует»¹⁴. «Сегодня нельзя говорить о наличии какой-либо французской пропаганды в США»¹⁵, — писало летом 1915 г. другое американское издание «Бостон Херальд». При этом нет сомнений в том, что организаторы французской пропаганды считали желательным вступление США в войну, особенно в связи с ростом волнений в стране на почве активности немецких подводных лодок в Атлантическом океане (после потопления «Лузитании» 7 мая 1915 г. целые города писали петиции американскому президенту с просьбами о вступлении США в войну¹⁶). В переписке с Ф. Бертело французский агент, профессор Жильбер Шинар 28 февраля 1916 г. пророчествовал: «Американцы, нейтральные сегодня, по независящим от них обстоятельствам могут стать нашими союзниками завтра, если мы предпримем для этого меры прямо сейчас»¹⁷.

В любом случае, очевидно, что правительство Третьей республики рассчитывало по крайней мере на обеспечение благожелательного нейтралитета США, на крупные займы (в период нейтралитета их было выдано Франции на сумму свыше 800 млн долларов) и на осуществление необходимых военных и продовольственных закупок¹⁸ — чему и были призваны способствовать, в первую очередь, созданные информационные ведомства.

В июньском отчете «Дома прессы» за 1916 г. «Общая концепция нашей пропаганды в США» сообщалось, что «для достижения близости народов» следовало проникнуть во все области жизни американцев. Инструкция включала в себя следующие пункты: «1. Использование прессы — ежедневной и периодической, включая журналы, делая особый упор на крупные издания. В том числе технической и промышленной направленности, чтобы привлечь (американский капитал. — *И.С.*) к развитию французской индустрии и развеять предрассудки о ее отсталости; 2. Школы и университеты — работа в университетских и коммерческих кругах необходима, так как имеет

¹⁴ The Washington Post. 18.05.1915.

¹⁵ The Boston Herald. 12.06.1915.

¹⁶ Richmond Times-Dispatch. 11.05.1915.

¹⁷ A.D. Papiers d' agents. Berthelot Philippe. PAAP 19. 2. P. 38. P. 73.

¹⁸ См. подробнее: *Слесарев И.Ю.* Торгово-финансовое сотрудничество Франции и США в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2019. № 1.

прямое воздействие на менталитет правящего класса. 3. Организация публичных конференций — необходима для сближения народов и разъяснения разницы образа жизни и идеалов сражающихся цивилизаций; объяснить угрозу для всего мира и, в частности, для Америки победы германизма; 4. Налаживание промышленных, торговых и финансовых отношений; 5. Пропаганда в сфере искусства во всех его проявлениях»¹⁹.

Пресса, неслучайно поставленная в инструкции на первое место, была основным средством формирования общественного мнения и имела широкое распространение в США. В 1914 г. примерно из 2300 ежедневных американских газет около 175 выходили в городах с населением более 100 000 жителей²⁰. Эти газеты относились к типу новостных, и именно от них зависело получение населением информации о внешнем мире. Они входили в крупные пресс-ассоциации, сотрудничавшие друг с другом, а более мелкие издания заимствовали из них новости²¹. Информация шла также от более крупных изданий в провинцию. Это обеспечивало относительную однородность новостного контента, связанного с работой информационных агентств США (Ассошиэтед Пресс, Юнайтед Пресс Интернешнл)²², что однако не обеспечивало однородности общественного мнения. Отношение к внутренней и внешней политике часто зависело от происхождения американцев, многие из которых были иммигрантами из Европы. Агенты «Дома прессы» отмечали гетерогенность США: «В одном лишь Чикаго говорят на 42 языках. О каком общем национальном чувстве можно говорить, если каждый пятый житель Нью-Йорка является евреем и имеет основания не любить Россию, как и иммигранты-славяне? А ирландцы-католики, не любящие Англию и антиклерикальную Францию? И, наконец, 10–15 миллионов немцев, австрийцев или венгров, многих из которых сложно даже определить, так как они сменили фамилии»²³.

Редакционная политика американских издательств в отношении европейского конфликта сильно различалась в зависимости от настроений каждого конкретного штата. По данным того же «Дома прессы», основанных на изучении материалов издательств США, в 1916 г. симпатизировали Антанте в основном штаты севера атлантического побережья; север центра страны оставался прогерманским в силу

¹⁹ A.D. Maison de la Presse. 229QO. 20. P. 31–39.

²⁰ Given J.L. Making a Newspaper. New York, 1907. P. 13.

²¹ Липпман У. Указ. соч. С. 306.

²² Ильин Д.А. Вступление США в Первую мировую войну в оценках американской прессы // Американский ежегодник. 2016 / Под ред. В.В. Согрина. М., 2017. С. 120.

²³ A.D. Papiers d' agents. Berthelot Philippe. PAAAP 19. 2. P. 69–71.

проживания здесь немецких выходцев и их предприятий; южные штаты выражали антианглийские настроения; север тихоокеанского побережья (Вашингтон, Орегон) и ряд центральных штатов являлись нейтральными и не интересовались войной, а юг (Калифорния) демонстрировал антианглийский настрой из-за опасений угрозы англо-японского альянса²⁴. В то же время другое французское исследование общественного мнения США (начало 1916 г.) констатировало, что 90% американцев в целом выражали «просоюзнические настроения»; оно призывало «не терять времени» для обеспечения максимальной благосклонности США и «организовать франко-американское новостное агентство»²⁵.

Летом 1916 г. организованная французская пропаганда охватила 900 газет по всей Америке и была нацелена на публикацию статей французских политиков, а также на «описание положения дел на линии фронта и в тылу, чтобы показать моральное и материальное состояние французской армии, которое немецкая пропаганда представляла находящимся в полном упадке»²⁶. Особую роль в этой кампании отводили газете «Нью-Йорк Херальд», состоявшей в одном холдинге с сотнями других более мелких изданий и пользующейся популярностью среди коммерсантов, профессоров, студентов и интеллектуалов. Влиятельная газета, расположенная к Франции, публиковала любые статьи о Третьей республике и материалы, обличавшие немцев, и напрямую снабжалась фотографиями из Франции²⁷. В сотрудничестве с журналом «Лайф» она публиковала большое количество юмористических рисунков, «которые так нравились американцам» и за запрет публикаций которых лично ратовал посол Германии в Вашингтоне.

Французский комитет туристической пропаганды разработал целый комплекс мероприятий, нацеленный на «создание у американцев желания посетить Францию». Он включал в себя: «а) пропаганду с помощью конференций: 1) научные конференции с целью показать превосходство французских минеральных вод над германо-австрийскими; 2) туристические конференции; 3) литературные и художественные: чтобы установить светские связи в иностранных кругах посредством введение моды, трендов, привить вкус к французским вещам, французскому театру, музыке, искусству; 4) конференции общей пропаганды Франции с демонстрацией проекций; б) Университетскую пропаганду; 1) отправку профессоров и ученых с целью повлиять на сознание обучающихся в университетах и устранить

---

²⁴ A.D. Papiers Ph. Berthelot. PAAP 10. 20. P. 48.

²⁵ A.D. Papiers d' agents. Berthelot Philippe. PAAP 19. 2. P. 38.

²⁶ A.D. Maison de la Presse. 229QO. 20. P. 31–39.

²⁷ Ibid. P. 75.

немецкое влияние; 2) организацию поездок во Францию иностранных студентов на каникулах с размещением во французских семьях; в) пропаганду в прессе и иллюстрированных журналах; г) пропаганду в кино: туристические фильмы, о зимнем спорте, светских развлечениях в знаменитых местах Франции (термальные источники; спектакли на открытом воздухе, автомобильные состязания, праздники цветов, скачки, крупные спортивные состязания)»²⁸. Распространение материалов предписывалось осуществлять «через офисы туристических агентств, банки, отели, спортивные, художественные и литературные ассоциации, привлекая профессоров и студентов, французских коммерсантов и промышленников, широко используя брошюры, альбомы, афиши, фотографии, слайды, фильмы, монографии и пр.». Сложно представить туристические путешествия по охваченной войной стране, однако подобные акции могли создавать притягательный образ Франции и вызывать интерес к ее посещению в послевоенный период.

Американский писатель О. Джонсон после года пребывания во Франции опубликовал в феврале 1916 г. в газетах «Кольер's Викли» и «Нью-Йорк Таймс» статьи, в которых делился с согражданами своей симпатией к Третьей республике и французам. Во Франции они были размещены под заголовком «США и война» в журнале «Иллюстрасьон». Размышляя о необходимости поддержки Франции, Джонсон писал: «Франция, в лице своего уважаемого посла Ж.-Ж. Жюссера, благородно решила не проводить никакой пропаганды. Для того чтобы понять истинный смысл конфликта, американскому народу не нужны французские пропагандисты. Нам нужно слушать ее патриотов, которые лучше всего смогут убедить. Каждый раз, когда эти люди приезжают к нам, чтобы рассказать правду, цените важность их миссии, подумайте о бесценном обмене идеями и чувствами, которые приведут к будущим [дружеским] отношениям двух великих республик!»²⁹.

Для воздействия на представителей университетского сообщества, на научные круги и политические элиты особенный упор во французской пропаганде делался на миссии известных профессоров, интеллектуалов: «Наилучший по своей действенности и экономичности способ — участие интеллектуальных элит страны, способных донести главные национальные идеи Франции. Встречи сообществ, университетские конференции, встречи клубов, сообщения в прессе», — говорится в документах Ф. Бертело³⁰. Пожалуй, одну из наи-

---

²⁸ A.D. Papiers d' agents. Berthelot Philippe. Dossiers II. Propagande août 191–1917. PAAP 10. 2. P. 111–116.

²⁹ L'Illustration. 19.02.1916.

³⁰ A.D. Papiers d' agents. Berthelot Philippe. PAAP 19. 2. P. 69.

более масштабных миссий выполнил профессор международного права парижского университета Ж. де Лапрадель. За 18 месяцев бесперывного турне по стране (в 1916–1917 гг.) он прочел множество лекций на темы: «Война и право», конференции «Право на силу или Сила права?», «Истоки войны», «Французская литература и война»; подготовил серию конференций «Общие вопросы международного права», спонсированную фондом Карнеги³¹. Регулярными стали обмены Франции профессорами с американскими университетами и «Домом Франции» Колумбийского университета. Конференции члена Французской Академии, драматурга Эжена Бриё, по мнению одного профессора университета Вандербильта США, «были настоящим триумфом в каждом городе юга страны»³².

Отдельная работа велась по публикации и распространению в США книг. Так, например, посол и консул Франции, заручившись поддержкой «Нью-Йорк Херальд», бесплатно распространяли запрещенную в Германии книгу главы люксембургской католической партии Эмиля Прюма «Обращение в веру католика-германофила». Переведенная на английский язык книга предназначалась для католиков Америки и главным образом для выходцев из Ирландии³³. По инициативе «Дома прессы» в США распространялись брошюры серии «Исследования и документы войны» со статьями Ж. Бедье «Преступления Германии по свидетельствам немцев», Э. Дюркгейма и Э. Дени «Кто хотел войны?», А. Вайса «Нарушение нейтралитета Бельгии и Люксембурга». Были опубликованы книга «Нейтральному католику» Пьера Батифоля и книга французских протестантов «Наши алтари осквернены». На американском рынке появились книги серии «Библиотека детства», выставившиеся на экспозиции в Сан-Франциско; «Библиотека хорошего вкуса», переиздававшая французскую классику; «Библиотека ученого», предназначенная для профессоров, врачей, экономистов, инженеров, военных; брошюры «Французская наука»³⁴.

Нельзя не отметить тонкость методов французской пропаганды. Для поддержания благожелательного отношения к Франции в крупнейших городах США организовывались всевозможные мероприятия, знакомившие американцев с достижениями французской науки, изобразительных искусств, театра. В ходе трехмесячного турне труппы театра «Вьё Коломбье» в составе 38 актеров американцы познакомились

---

³¹ Ibid. P. 82.

³² A.D. Guerre 1914–1918. 498.

³³ A.D. Maison de la Presse. 229QO. 20. P. 41.

³⁴ A.D. Papiers d'agents. Berthelot Philippe. Dossiers II. Propagande août 1916–1917. PAAР 10. 2. P. 155–156.

с постановками по произведениям Ж. Расина, Мольера, П. Бомарше, П. Мариво, У. Шекспира, А. Мюссе, П. Клоделя, М. Метерлинка³⁵. Организация «Альянс Франсез», созданная в 1883 г. по инициативе известного дипломата Поля Камбона с целью распространения французского языка по всему миру и содействия диалогу культур, регулярно проводила конференции на разные темы; проходили выставки «Института французского искусства» и «Общества архитектуры и изящных искусств»³⁶. Выдающиеся образцы французской живописи и скульптуры были показаны на выставке в Сан-Франциско в 1915 и 1916 гг.³⁷ Передвижная панорама «Преступления немцев» объехала в 1916 г. всю Америку. Призванная «запечатлеть в глазах и сознании зрителей реальные сцены войны», она состояла из трех частей: грабеж и разрушение городов и памятников; нарушение правил ведения войны в отношении солдат, пленных и врачей; убийства мирного населения, стариков, женщин и детей³⁸.

В 1916–1917 гг. в крупнейших городах США — Нью-Йорке, Бостоне, Чикаго, Балтиморе — прошло несколько французских благотворительных ярмарок³⁹. Маркиз Мельхиор де Полиньяк в рамках своей миссии в мае 1916 г. привез 100 тыс. тонн объектов, связанных с военными действиями (коллекцию французской униформы, 75-мм пушку, сбитый зенитным пулеметом аэроплан, взорванную бомбардировкой карету скорой помощи, различные свидетельства разрушений, поделки, изготовленные солдатами в траншеях и пр.), а также серию эстампов «Легенда Франции» (авторы Р. Тонелье и Г. Ало), 100 акварельных картин для «Французской выставки» в Вашингтоне, проходившей с 3 по 15 июня и подготовленной «Центральным комитетом американской помощи во Франции»⁴⁰. В отчетах Полиньяк докладывал, что «этот французский базар имел головокружительный успех, «привлек огромное количество посетителей, собрал 40 тысяч долларов только от входных билетов, продажи сувениров и билетов на военную кинохронику»⁴¹.

Французские эксперты высоко оценивали эффективность кинопропаганды и рекомендовали увеличивать финансирование на ее

---

³⁵ A.D. Papiers Ph. Berthelot. PAAP 10. 20. P. 135.

³⁶ A.D. Papiers d' agents. Berthelot Philippe. PAAP 19. 2. P. 69–71.

³⁷ Ibid. P. 40.

³⁸ A.D. Papiers d' agents. Berthelot Philippe. Dossiers II. Propagande août 1916–1917. PAAP 10. 2. P. 173.

³⁹ A.D. André Tardieu. Mission aux États-Unis. Propagande (dec. 1916–avr. 1919). PAAP 166. 84. P. 33.

⁴⁰ A.D. Papiers Ph. Berthelot. PAAP 10. 20. P. 88.

⁴¹ Ibid. P. 121.

развитие⁴². Однако Франция поставляла в основном документальные киноленты, и летом 1916 г. агенты «Дома прессы» отмечали резкое падение интереса американской публики к просмотру фильмов о военных событиях: «В Чикаго, Питтсбурге, Балтиморе, Филадельфии и Бостоне — везде наблюдается такая ситуация. В связи с этим военную хронику не показывают уже 4 месяца»⁴³. Художественные же фильмы о войне, напротив, пользовались популярностью, но первенство в этой области принадлежало англичанам, а после вступления в войну — самим американцам.

Чтобы продемонстрировать успехи французской информационной кампании, приведем слова известного американского инженера, дипломата, основателя организации ветеранов «Американский легион» Эрика Фишера Вуда, написавшего 26 декабря 1916 г. письмо в лондонскую «Таймс»: «Франция сумела завоевать симпатии американцев, и ее пресса добилась замечательных результатов. Она носила персональный характер и возбуждала энтузиазм. Сообщения писались в большинстве случаев американскими солдатами, сражающимися в рядах французских войск, и каждое сообщение прибавляло симпатий к Франции. Участие каждого американского добровольца широко оповещалось французами. Его награждали знаками отличия, если к этому представлялась хоть малейшая возможность. Его поощряли писать о своих переживаниях. Массами печатались статьи и книги американских солдат о Франции. Книга Алана Сигера (американский поэт, погиб в бою в 1916 г. – И.С.) “Поэзия иностранного легиона” известна по всей Америке. Один из лучших наших писателей Роберт Херрик поступил в американский госпиталь специально для того, чтобы написать серию книг с точки зрения участника войны. Мне было дозволено написать и издать книгу “Заметки атташе: Семь месяцев в зоне боевых действий”⁴⁴, даже не представляя ее французскому цензору. Во французской армии имеется всего лишь около 500 американцев, и все же в США мы каждый день слышим что-нибудь о них. Газеты полны рассказов об их деяниях; каждый пункт их сообщений справедливо рассматривается как поручительство за Францию. В результате такой умело направленной французами пропаганды Америка сделалась искренней сторонницей Франции»⁴⁵.

В ходе президентской кампании В. Вильсона 1916 г., которая проходила под лозунгом «Он спас нас от войны!», во Франции кри-

---

⁴² Ibid. P. 128.

⁴³ A.D. Maison de la Presse. 229QO. 20. P. 174.

⁴⁴ Wood E.F. The Note-book of an Attaché: Seven Months in the War Zone. New York, 1915.

⁴⁵ The Times. 26.12.1916.

тические статьи в его адрес почти не появлялись. Исследование недопущенных в это время до публикации материалов парижских газет, которые сейчас находятся в доступе в Архиве обороны Франции, показывает, что даже во внутренней прессе французская цензура не пропускала никакой критики президента Вильсона⁴⁶. Однако уже в начале 1917 г. затруднительное положение на Западном фронте, нестабильность Восточного фронта на фоне революционных событий в Российской империи, а также заявления Германии о переходе к неограниченной подводной войне подталкивали французскую дипломатию к более решительным действиям.

В феврале 1917 г. известный философ Анри Бергсон по просьбе французского правительства отправился в США с целью убедить президента В. Вильсона в необходимости вступления США в войну на стороне Антанты. Он находился в Америке три месяца. Миссия рассматривалась как строго секретная, так как любой намек в прессе на то, что Бергсон действовал по поручению правительства, мог привести к политическому скандалу⁴⁷. Но Бергсон открыто появлялся в обществе, читал лекции, в марте–апреле выступил с речами о войне в нескольких организациях (Американский клуб в Вашингтоне, Американская академия, Общество Франция–Америка в Нью-Йорке и пр.)⁴⁸. Он провел долгую беседу с В. Вильсоном и полковником Э. Хаузом, встретился с Т. Рузвельтом, министром внутренних дел Ф. Лэйном, впоследствии сказавшем Бергсону: «В решении президента вы сыграли бóльшую роль, чем вы думаете». «Это очевидное преувеличение, но можно с уверенностью утверждать, что если я и имел влияние, то отчасти благодаря самому Франклину Лэйну, а также и в особенности благодаря посредничеству полковника Хауза»⁴⁹, — писал Бергсон в своих воспоминаниях «Мои миссии». В следующий раз Бергсон оказался в США в июне–сентябре 1918 г. по просьбе премьер-министра Жоржа Клемансо с целью убедить Вильсона в необходимости организовать интервенцию в Россию и открыть Восточный фронт, но справиться с этой задачей Бергсону не удалось.

Вступление США в войну весной 1917 г. произвело сенсацию в мире⁵⁰. Для координации всех политических, торговых и финансовых

---

⁴⁶ См., например: Archives historiques de la Défense. Coupures de journaux censurés (presse parisienne). 5N. 480. (Далее А.Н.Д.).

⁴⁷ Soulez F. Bergson politique. Paris, 1989. P. 56.

⁴⁸ Блауберг И.И. Анри Бергсон. М., 2003. С. 402.

⁴⁹ A.D. Bergson Henri. Mes missions. 1917–1918. РААР 207. 3. P. 69.

⁵⁰ См. подробнее: Наумова Н.Н., Слесарев И.Ю. Проблема вступления США в Первую мировую войну в отражении французской прессы // Исторические исследования. 2017. № 6. С. 129–144.

взаимодействий двух стран вскоре был создан Верховный комиссариат Франции в США под руководством известного журналиста и дипломата Андре Тардьё, хорошо знавшего США. В его ведомстве открывалось специальное «Отделение исследований и информации», фактически взявшее на себя руководство всей информационной кампанией⁵¹. Его руководителями стали Луи Обер и Стефан Лозанн⁵².

Согласно отчетам, проводимая им деятельность по своим методам являлась продолжением пропагандистской стратегии периода американского нейтралитета⁵³. В структуру отделения входили: «бюро информации; служба фотографии и кино; служба выставок и ярмарок; управление пропаганды: а) искусство; б) конференции; в) информаторы»⁵⁴.

К союзнической пропаганде подключился созданный весной 1917 г. американский «Комитет Крила», который вел широкую информационную кампанию, задействовав абсолютно все каналы коммуникации, доступные в то время, о чем в 20-е гг. сам Джордж Крил рассказал в своей книге «Как мы рекламировали Америку»⁵⁵. Комитет был призван противодействовать немецкой пропаганде и объяснять гражданам цели США в войне. Поддерживаемый им образ дружественной Франции, республики-сестры, страны с общей традицией борьбы за свободу и демократию, был необходим, чтобы обеспечить национальное единение, мотивировать людей вступать в вооруженные силы и покупать военные облигации. Сюжет участия французского корпуса маркиза де Лафайета в Американской войне за независимость постоянно эксплуатировался в франко-американской пропаганде⁵⁶.

Подводя итоги исследования французской пропаганды в США в годы Первой мировой войны, следует признать, что французское правительство активно, но ненавязчиво создавало в умах американцев образ «прекрасной Франции» — союзницы и «сестры» США. Вместе с тем, масштаб ее деятельности был более скромным в сравнении с английскими и немецкими агитационными усилиями⁵⁷.

---

⁵¹ Tardieu A. Devant l'Obstacle: L'Amérique et nous. Paris, 1929. P. 215.

⁵² Duroselle J.-B. France and the United States: From the beginnings to the present. Chicago, 1978. P. 92.

⁵³ A.D. André Tardieu. Mission aux États-Unis. Information et presse américaine. PAAP 166. 83. P. 508–512.

⁵⁴ A.H.D. Bureau spécial Franco-Américain. 1918–1919. 7N2237.

⁵⁵ См. подробнее: Creel G. How we advertised America. London, 1920.

⁵⁶ Demartial G. La guerre de 1914. La mobilisation des consciences. Paris, 1927. P. 177.

⁵⁷ См. подробнее: Paterson H.C. Propaganda for War. The Campaign against American Neutrality, 1914–1917. Norman, 1939.

Французскую пропаганду отличала гибкость, преднамеренная «умеренность» форм и методов. Франция не была отягощена болезненными воспоминаниями американцев об эпохе английского колониализма и поэтому не вызывала антипатий и настороженности. Французские агитаторы умело использовали преимущество великой исторической дружбы с Америкой, — наследие той благодарности, которую борющиеся колонисты чувствовали к французам за оказанную им помощь в годы революции. Главным приемом французской пропаганды стало распространение фактов о «преступности врага», а отступление французской армии в 1914 г. изображалось как главное доказательство того, кто был агрессором и готовился к войне. И, конечно, добавим к этому общие демократические и либеральные ценности, ревностно защищаемые как президентом В. Вильсоном, так и французским политическим классом. Среди воюющих держав Франция изначально пользовалась уважением и симпатией большинства американцев. Агрессивно-наступательная пропагандистская кампания могла бы только ущемить чувство независимости американского народа и неприкосновенность его права на нейтралитет, а поэтому навредить отношениям двух республик. Общий тон этой стратегии задавал посол Франции в США Ж.-Ж. Жюссеран.

Представляется невозможным дать объективную оценку роли и вклада французской пропаганды во вступление США в Первую мировую войну на стороне Антанты. Однако в качестве вывода исследования пропагандистской кампании можно прийти к заключению, что ее специфический характер, ориентированность как на простых американцев, так и на представителей правящей элиты, финансовых и интеллектуальных кругов США, ненавязчивость приемов оказали то воздействие, которого не могла добиться информационная деятельность других стран Антанты, и обеспечили диалог и эффективное сотрудничество народов двух республик.

Список литературы

- Блауберг И.И.* Анри Бергсон. М.: Прогресс-традиция, 2003. 672 с.
- Зильбер И.* Тайные средства борьбы. М.: Воениздат, 1948. 104 с.
- Ильин Д.А.* Вступление США в Первую мировую войну в оценках американской прессы // Американский ежегодник. 2016 / Под ред. В.В. Согурина. М.: Весь Мир, 2017. С. 116–121.
- Лан В.И.* США: от Первой до Второй мировой войны. М.: Наука, 1976. 493 с.
- Ласвель Г.* Техника пропаганды в Мировой войне. Ленинград: Госиздат, отделение военной литературы, 1929. 199 с.
- Липпман У.* Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

Наумова Н.Н., Слесарев И.Ю. Проблема вступления США в Первую мировую войну в отражении французской прессы // Исторические исследования. 2017. № 6. С. 129–144.

Основы общей теории международных отношений / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Издательство Московского университета, 2009. 589 с.

Слесарев И.Ю. Торгово-финансовое сотрудничество Франции и США в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 79–92.

Суржик Д.В. Распропагандированная Америка // Европа и Россия в огне Первой мировой войны / Под ред. В.А. Золотарева. М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. С. 654–685.

Creel G. How we advertised America. London: Harper & brothers, 1920. 463 p.

Demartial G. La guerre de 1914. La mobilisation des consciences. Paris: Editions Rieder, 1927. 564 p.

Duroselle J.-B. France and the United States: From the beginnings to the present. Chicago: University of Chicago Press, 1978. 276 p.

Given J.L. Making a Newspaper. New York: Henry Holt & Co, 1907. 187 p.

Jusserand J.-J. Le sentiment Américain pendant la Guerre. Paris: Payot, 1931. 157 p.

Kaspi A. Le Temps des Américains. Le concours américain à la France (1917–1918). Paris: Publications de la Sorbonne, 1976. 370 p.

Nouailhat Y.-H. France et États-Unis, août 1914 – avril 1917. Paris: Publications de la Sorbonne, 1979. 483 p.

Nouailhat Y.-H. La propagande française aux Etats-Unis (août 1914 – avril 1917) // Les Etats-Unis dans la Première Guerre mondiale 1917–1918. La conférence sous la direction de C. Carlier et G. Pedroncini. Paris. Assemblée Nationale. 22 et 23 septembre 1987. — URL: http://www.institut-strategie.fr/ihcc_eu1gm_Nouilhat.html

Paterson H.C. Propaganda for War. The Campaign against American Neutrality, 1914–1917. Norman: University of Oklahoma Press, 1939. 357 p.

Soulez F. Bergson politique. Paris: PUF, 1989. 409 p.

Tardieu A. Devant l'Obstacle: L'Amérique et nous. Paris: Émile-Paul frères, 1929. 312 p.

Wood E.F. The Note-book of an Attaché: Seven Months in the War Zone. New York: The Century Co, 1915. 345 p.

Поступила в редакцию
15 апреля 2019 г.

А.В. Абрамов*

**РАСШИРЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ВЧК
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ В 1921 г.:
РЕЗУЛЬТАТЫ, ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕАКЦИЯ**

A.V. Abramov

**EXTENSION OF THE AUTHORITY OF THE CHEKA
IN THE NORTH-WEST OF RUSSIA IN 1921:
RESULTS AND PUBLIC REACTION**

Аннотация. Процесс завершения Гражданской войны и перехода к новой экономической политике в Европейской части страны проходил крайне болезненно. На Северо-Западе Советской России это наглядно видно на примере двух самых крупных «дел», расследовавшихся Чрезвычайной комиссией региона — Кронштадтского восстания и дела «Петроградской боевой организации» (ПБО). Несмотря на желание руководства ВЧК перестроить политику органов госбезопасности в соответствии с условиями мирного времени, на практике, в условиях обострения антибольшевистского движения чекисты продолжали прибегать к чрезвычайным методам времен Гражданской войны. В статье показаны взаимоотношения между ВЧК и ПетрогубЧК, а также роль отдельных руководителей ВЧК в контроле за расследованием указанных дел. Также проанализирована история известного соглашения, заключенного между В.Н. Таганцевым, главой ПБО, и особоуполномоченным Секретно-оперативного управления ВЧК Я.С. Аграновым, назначенным вести расследование. Впервые был проанализирован текст этого соглашения и показаний В.Н. Таганцева. На основе историографии вопроса и деталей соглашения делается вывод о необоснованности ставшего популярным в эмигрантской публицистике образа В.Н. Таганцева как простой жертвы чекистской мистификации, сохраняющегося и в современной научной историографии. Подчеркивается неоднозначное положение петроградского антибольшевистского движения, в котором тесные контакты с руководителями белой эмиграции сочетались с внутренней слабостью и малочисленностью подпольщиков, а реальное

---

* *Абрамов Артём Викторович*, научный сотрудник Государственного музея политической истории России, филиал «Гороховая, 2», Санкт-Петербург

Abramov Artyom Viktorovich, Research Fellow, "Gorokhovaya, 2", Branche of the Museum of Political History of Russia, Saint Petersburg
+7-981-897-84-45; aabramovartyom@gmail.com

раскрытие чекистами петроградского подполья не отрицало намеренной фабрикацией дел в выгодном для власти виде. С привлечением воспоминаний современников событий была также показана общественная реакция на действия ВЧК в указанный период, проанализированы возможные «каналы», по которым до современников доходила информация об упомянутом секретном соглашении. В конечном счете, наряду с расширением полномочий и применением чрезвычайных мер в других регионах, действия чекистов на Северо-Западе в 1921 г. также повлияли на упразднение ВЧК и создание ГПУ при НКВД РСФСР.

Ключевые слова: ВЧК, ПетрогубЧК, антисоветское движение, дело В.Н. Таганцева, Гражданская война в России, Я.С. Агранов.

Abstract. The end of the Civil War and the transition to the New economic policy in the European part of Russia were very painful. In the North-West of Soviet Russia, this is clearly illustrated by the two most important “cases” — the Kronstadt Uprising and the conspiracy of Petrograd Military Organization investigated by the Extraordinary Commission of the region. Despite the desire of the Cheka’s directorate to reshape the policy of the state security agency in accordance with peacetime conditions, in practice, due to the aggravation of the anti-Bolshevik movement the chekists continued to resort to the extraordinary methods that had been employed during the Civil War. The article analyzes the relationship between the Cheka and the PetrogubCheka (the regional Cheka of Petrograd) and the participation of high officials of the Cheka in monitoring the investigation of these cases. It also deals with the history of the well-known agreement concluded between V.N. Tagantsev, head of the Petrograd Military Organization, and the special agent of the Cheka’s Secret Operational Division Ya.S. Agranov who was appointed to conduct the investigation. For the first time the author of the article analyzes in detail the text of this agreement and the testimony of V.N. Tagantsev and comes to the conclusion that V.N. Tagantsev’s reputation of a mere victim of the Cheka mystification among émigré journalists, inherited by the contemporary historiography, was ungrounded. The article emphasizes the ambiguous position of the anti-Bolshevik movement in Petrograd that maintained close contacts with the leaders of the White emigration and at the same time remained internally weak and poorly staffed. However, it does not deny the fabrication of cases to the advantage of the authorities. The memories of contemporaries of these events help demonstrate a public reaction to the actions of the Cheka in the indicated period and trace the possible “channels” of receiving information about the aforesaid secret agreement by the public. Ultimately, along with the expansion of jurisdiction and the application of extraordinary measures in other regions, the operations of Chekists in the North West in 1921 also contributed to abolishing the Cheka and establishing the GPU under the NKVD of the RSFSR.

Keywords: Cheka, PetrogubChK, anti-Soviet movement, V.N. Tagantsev conspiracy, Civil War in Russia, Ya.S. Agranov.

Ситуация на Северо-Западе Советской России в 1921 г. представляла собой противоречивое сочетание двух эпох — Гражданской войны и начавшегося перехода к мирному времени. Вооруженный Кронштадтский мятеж, фактически вернувший Гражданскую войну на берега Финского залива, не пошатнул конформизма уставшего от революционных потрясений населения Петрограда, большая часть которого в итоге осталась к восстанию равнодушна¹.

Вследствие приграничного положения Петрограда большую роль играли вопросы контроля границы, продовольственного снабжения города и сообщения по морю. Важность этих вопросов и их взаимосвязь была ясна всем сторонам дотлевающего конфликта. Они также отражали в себе реалии переходного времени. В этот период на Северо-Западе и внутри Советской России активно работали различные антибольшевистские силы: речь идет о Национальном центре, савинковцах, Административном центре², ЦК партии кадетов³ и других организациях. Внутри самого Петрограда действовали различные группы антибольшевистского подполья, самые известные из которых были впоследствии объединены чекистами в дело «Петроградской боевой организации» (ПБО), более известное как «заговор Таганцева». По нему за подготовку вооруженного выступления против Советской власти были расстреляны в том числе и известные представители петроградской интеллигенции (сам В.Н. Таганцев — ученый-географ, сын классика российской юриспруденции Н.С. Таганцева, поэт Н.С. Гумилев, правовед Н.И. Лазаревский, скульптор С.А. Ухтомский, химик М.М. Тихвинский и др.), чья причастность породит многочисленные споры о реальном существовании и масштабах деятельности антибольшевистского подполья⁴.

Несмотря на популярность версии о полной фальсификации таганцевского заговора и официальную реабилитацию его участников

¹ Ходяков М. В. «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу. СПб., 2000. С. 9. О феномене усталости населения Петрограда в эти годы см.: Яров С.В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е. М., 2014.

² О нем см.: Фролова Е.И. Административный центр эмигрантского Внепартийного объединения и Кронштадтское восстание в 1921 г. // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 33–49.

³ Если опубликованное в советской печати в июле 1921 г. сообщение ВЧК о раскрытых заговорах говорило о надеждах заговорщиков на «8000 т. продовольствия от так называемого фонда Юденича», то на заседании ЦК ПНС в Париже еще 10 марта 1921 г., не стесняясь, говорили о необходимости 150 тысяч тонн (Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы. В 2-х книгах. Кн. 1. М., 1999. С. 363).

⁴ См.: Извозик В.С. Петроградская боевая организация (ПБО) — чекистский миф или реальность? // Исторические чтения на Лубянке. 1997–2007 / Ред. совет: Зданович А.А. и др. М., 2008. С. 140–149.

в 1992 г., на данный момент сомневаться в реальности петроградского подполья и значительной роли в ней В.Н. Таганцева уже практически невозможно. Помимо относительно обширной историографии этой темы, в первую очередь — статей В.Ю. Черняева, а также работ Д.Л. Голикова, В.С. Измозика, Ф.Ф. Перчёнка, Ю.А. Щетинова и др.⁵, мы имеем множество различных источников, подтверждающих наличие петроградского подполья и его связей с белой эмиграцией (многие из них использованы в работах указанных авторов).

Как теперь известно из целого ряда источников (переписка, сводки, партийная документация и мн. др.), антибольшевистское движение отводило большую роль морскому сообщению⁶ и возможности перехода через границу⁷. Ввёл в научный оборот целую серию документов Ю.А. Щетинов в статье 1995 г. «За кулисами Кронштадтского восстания»⁸. Позже эти и другие документы, связанные с деятельностью антибольшевистских организаций, вошли в двухтомник «Кронштадтская трагедия 1921 года»⁹, составленном также при участии Ю.А. Щетинова.

К сожалению, многие из ценнейших свидетельств, опубликованных в этом сборнике, так и не были полноценно использованы в литературе или вовсе игнорировались в течение практически 20 лет¹⁰. Это относится, в частности, к делу «Петроградской боевой организации», речь о котором пойдет ниже.

---

⁵ Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Т. 2. М., 1986; Измозик В.С. Указ. соч.; Перченко Ф., Зубарев Д. На полпути от полуправд. О таганцевском деле и не только о нем // In Мемогам. Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 362–370; Черняев В.Ю. Кронштадтские повстанцы, белая эмиграция и антибольшевистское подполье Петрограда // Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009. С. 17–38; Черняев В.Ю. Финляндский след в деле Таганцева // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 180–200; Щетинов Ю.А. За кулисами Кронштадтского восстания // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1995. № 2. С. 3–15; № 3. С. 22–44.

⁶ Например, выступавший тогда в роли савинковского агента белый офицер финского происхождения Г.Е. Эльвэнгрэн в своей записке от апреля 1921 г. сообщал об организации белого подполья в Петрограде и Кронштадте, а также об изначальных планах восстания на конец апреля — времени начала морской навигации (см.: Черняев В.Ю. Финляндский след в деле Таганцева. С. 188).

⁷ Так, в реабилитационной «Справке» от 1992 г. говорится, что вся организация была «создана искусственно следственными органами из отдельных групп спекулянтов и контрабандистов» (см.: Черняев В.Ю. Финляндский след в деле Таганцева. С. 183).

⁸ Щетинов Ю.А. Указ. соч.

⁹ Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы. В 2-х книгах. М., 1999.

¹⁰ Исключением можно считать недавнюю работу: Крестьянинов В.Я. Мятежный Кронштадт. 1905–1917–1921. М., 2017. В ней, напротив, скрупулезное цитирование документов вышеупомянутого сборника, которые касаются судьбы кронштадтских моряков, не подкрепляется привлечением известных фактов из историографии.

В данной статье будет рассмотрена политика ВЧК на Северо-Западе в 1921 г. на примере двух главных и самых резонансных «дел» — Кронштадтского восстания и дела «Петроградской боевой организации», во многом связанных между собой.

Большевики хорошо сознавали всю важность морского сообщения и контроля за ним. Но условия по-прежнему были непростыми. Например, советско-английское торговое соглашение было подписано 16 марта 1921 г., при том что первое иностранное судно прибыло в Петроград лишь в конце мая. Советское торговое мореплавание начнется и вовсе в июле¹¹.

НЭП вступал в свои законные права, но советское руководство и в дальнейшем не ослабляло свой контроль. Протоколы заседаний Бюро Петроградского Губкома РКП(б) свидетельствуют о пристальном внимании к городскому порту. Так, 8 августа (во время активного ведения чекистами следствия по делу «Петроградской боевой организации») 7-м пунктом повестки дня рассматривался порядок обысков в порту. Организация «контроля при входе» и контроля вообще поручалась одновременно Рабкрину, Уголовному розыску, ЧК, а также комендантуре порта. 11-м пунктом этого же заседания шло постановление, по которому все «выходящие с территории порта подвергаются обыску, согласовано с администрацией порта», а в 14-м пункте было предложено ЧК и Особому отделу выяснить вопрос о выезде на лодках с территории порта и запретить таковой¹².

Однако даже в сентябре 1921 г. мы еще можем встретить сообщения такого рода: «21/IX-21 г. Уншлихту. Видел сегодня Радека, только что вернувшегося из Питера. Говорит: город необычайно оживлен. Порт. Подкуп иностранцами сугубый, в том числе голодных и раздетых чекистов. Опасность тут величайшая. Тотчас созвать парткомиссию... — достать денег (золота придется дать) и подкормить и одеть чекистов в Питере, Одессе, Москве и т. п. Обязательно и спешно... Ленин»¹³.

Петроградское антибольшевистское движение тоже носило на себе отпечаток времени: разрозненные, лишённые массовой поддержки группы подпольщиков, при своей внутренней слабости, сохраняли весьма широкие связи с белым движением за рубежом. Политическая окраска движений, как и в Гражданскую войну, была разнородна: здесь были представлены и белые офицеры, и дореволюционная ин-

---

¹¹ Черняев В.Ю. Кронштадтские повстанцы... С. 30.

¹² Протоколы бюро Губкома // Центральный государственный архив историко-политических документов. Ф. 16. Оп. 1-1. Д. 58. Л. 23.

¹³ Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1921 гг. М., 1999. С. 471.

телигенция правых и либеральных взглядов, и савинковцы, эсеры, меньшевики, анархисты.

Все эти обстоятельства рождали также необходимость реформирования органов госбезопасности. Рассматривая деятельность ВЧК на Северо-Западе в 1921 г., важно вспомнить нормативно-правовую базу борьбы с контрреволюцией. За предыдущие несколько лет полномочия Чрезвычайных комиссий менялись неоднократно. Начиная с 1919 г., ряд постановлений разграничивал сферу деятельности ЧК и ревтрибуналов¹⁴. Все дела, связанные с контрреволюцией, передавались именно последним, а ЧК сохранял за собой право только непосредственной расправы на территориях, объявленных на военном положении. Об этом говорится как в Положении о ЧК от 24 апреля 1919 г., так и в декрете ВЦИК «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» от 20 июня того же года.

После отмены смертной казни в январе 1920 г. все контрреволюционные дела по-прежнему рассматривались революционными трибуналами, а шли рассматриваемые дела из Чрезвычайных комиссий и Особых отделов. После возвращения смертной казни в связи с началом советско-польской войны, ЧК имели права расстрела лишь на территориях, объявленных на военном положении. Это также было закреплено ВЦИК декретом от 4 ноября 1920 г. В иных случаях, право расстрела губернским ЧК давалось лишь с санкции ВЧК¹⁵.

Одним из первых законов, касающихся репрессивных мер со стороны ВЧК в исследуемый нами период, был приказ ВЧК от 8 января 1921 г. «О Карательной политике ЧК», в котором речь шла как раз о старых методах, уже непригодных в новых условиях. «Внешних фронтов нет. Опасность буржуазного переворота отпала. Острый период гражданской войны закончился, но он оставил тяжелое наследие — переполненные тюрьмы, где сидят главным образом рабочие и крестьяне, а не буржуи. Надо покончить с этим наследием, разгрузить тюрьмы и зорко смотреть, чтобы в них попадали только те, кто действительно опасен Советской власти»¹⁶.

Ф.Э. Дзержинский, а именно он был автором документа, подчеркивал: «Старыми методами, массовыми арестами и репрессиями,

---

¹⁴ Началом этого процесса можно считать и знаменитую «Дискуссию о ВЧК» конца 1918 г. О ней см.: *Ратьковский И.С.* Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М., 2017. С. 257–279.

¹⁵ *Литвин. А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 99; *Мозохин О.Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ СССР (1918–1953). М., 2011. С. 37.

¹⁶ Ф. Э. Дзержинский – Председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926. М., 2007. С. 238.

вполне понятными в боевой обстановке, при изменившемся положении Чека будет только лить воду на контрреволюционную мельницу, увеличивая массу недовольных... Всех подозрительных, которые могут принять участие в активной борьбе, беспартийных офицеров или лиц правоэсеровского, махновского или тому подобного толка нужно держать на учете, выяснить, проверить. Это гигантская информационная работа, которая должна выступить на первый план, наполнять же подследственные тюрьмы арестованными по подозрению нельзя»¹⁷.

Несмотря на подобного рода указания, действия ВЧК и ПетрогубЧК на Северо-Западе в 1921 г. будут явно им противоречить. Это касается как подавления Кронштадтского восстания и последующего следствия, так и дела «Петроградской боевой организации». Их объединяет также то, что расследованием обоих дел руководил известный чекист Я.С. Агранов.

Подчеркнем основной момент: расследования Кронштадтского восстания и дела «ПБО» проводились с применением массовых задержаний и репрессий. Речь шла, в том числе, и о «классово близких» большевикам элементах. К 1 мая 1921 г. статистическая сводка работы Особых отделов Охфингран и Чрезвычайных ревтроек сообщала об аресте 6528 человек, из которых расстреляно было 2168, около 2 тысяч привлечено к принудительным работам, 1272 человека освобождено¹⁸. Всего же к следствию было привлечено свыше 10 тысяч человек, несколько тысяч также будут направлены в трудовую армию или приговорены к различным срокам заключения¹⁹.

Столь значительное число расстрелянных и арестованных кронштадтских моряков еще к маю месяцу во многом возвращает к военным расправам времен Гражданской войны, и поэтому часто рассматривается как не вполне подпадающее под строгое определение именно политического красного террора (хотя, подобная массовая расправа, безусловно, имела политическую составляющую).

По делу «Петроградской боевой организации», уже позже, в мае–октябре было привлечено свыше 800 человек, арестовано из них свыше 200, из которых расстреляно 103 человека, часть отправлена в лагеря или выслана из губернии, остальные в основном были отпущены²⁰. Значительная часть приговоренных по делу «ПБО», в

---

¹⁷ Там же. С. 239.

¹⁸ Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 2. С. 122.

¹⁹ Христов В.С. Кронштадт, 1921 год // Звезда. 2011. № 5. С. 132.

²⁰ Разумов А.Я. «В XX веке с нами произошло нечто ужасное». Интервью ИА «Росбалт» от 6 декабря 2014 года. — URL: <http://www.rosbalt.ru/piter/2014/12/06/1345506.html> (дата обращения: 29.01.2020); Черняев В.Ю. Финляндский след в деле Таганцева // Россия и Финляндия в XX веке. СПб, 1997. С. 182.

особенности из второй партии расстрелянных в октябре, также будет состоять из кронштадтских моряков²¹, часть которых действительно была связана с подпольщиками и переброшена ранее нелегально из Финляндии.

Расширение полномочий ВЧК касалось не только масштаба следственных мероприятий и чрезвычайных мер, но и внутриведомственной иерархии. Хотя петроградские чекисты и принимали непосредственное участие в работе, их роль была второстепенна. Весьма характерным примером может служить предварительный доклад следователей Губина и Попова от 25 июня, в котором те отрицали наличие настоящей организации, за исключением Таганцева с несколькими курьерами и сочувствующими. Таганцев тогда назывался «кабинетным ученым», который «мыслил свою организацию теоретически»²². Это даст основание для критики официальной версии, подтверждения того, что дело целиком было сфабриковано Аграновым²³.

Как мы знаем теперь, выводы петроградских следователей значительно преуменьшали масштаб и влияние организации. К сожалению, в силу засекреченности подавляющего большинства томов следственного дела, мы до сих пор не можем до конца выяснить, насколько, наоборот, была «раздута» организация по окончательной версии Я.С. Агранова.

Изменения произошли также в контроле Центра. В июне за делом непосредственно следил Ф.Э. Дзержинский, а с июля по разным причинам (среди них выделяют загруженность другими делами и ухудшение здоровья)²⁴ его сменяет зампред ВЧК И.С. Уншлихт и Я.С. Агранов.

Тем не менее, сообщал о раскрытии заговора на заседании Петросовета 31 августа председатель Петрогубчека Б.А. Семенов²⁵. В стенограмме заседания присутствует и фамилия Я.С. Агранова, однако текста его выступления нет²⁶. Осенью 1921 г. именно петроградские чекисты подвергнутся резкой критике со стороны центрального руководства. Заслушав доклад И.С. Уншлихта о неудовлетворительной работе ПГЧК, В.И. Ленин напишет: «15/Х. т. Угланов! Посылаю Вам и Комарову это *секретно*... Петрогубчека негодна, не на высоте задачи,

---

²¹ Разумов А.Я. Указ. соч.

²² Миронов Г.Е. Заговор, которого не было. М., 2001. С. 157.

²³ Измозик В.С. Указ соч; Миронов Г.Е. Указ. соч.

²⁴ Ратьковский И.С. Дзержинский. От «Астронома» до «Железного Феликса». М., 2017. С. 320.

²⁵ Стенограмма заседания Петросовета от 31 августа 1921 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 20. Л. 1–16.

²⁶ Там же. Л. 16.

не умна. Надо найти лучших»²⁷. Вскоре Б.А. Семенов уйдет с поста председателя ПГЧК. Безусловно, свою роль сыграет и дело «ПБО», и контроль за ведением следствия со стороны И.С. Уншлихта.

Другой важный документ, раскрывавший обязанности чекистов в новых условиях, это «Приказ ВЧК № 57» о порядке и принципах работы в мирное время от 17 марта 1921 г. Третий пункт приказа гласил: «В разработке дел сохранять строжайшую конспирацию. Всякое полученное сведение о ходе разработок должно сохраняться в папке дела и быть известно только тому, кто имеет непосредственное отношение к разработке дела»²⁸. Как будет видно из дальнейшего описания дела «ПБО», этот пункт приказа в данном случае также не соблюдался. Известно, что эмигрантская публицистика, наряду со слухами и домыслами, располагала сведениями о множестве реальных подробностей в ходе расследования, вплоть до соглашения между В.Н. Таганцевым и Я.С. Аграновым, рассматриваемого ниже.

Соглашение, заключенное между В.Н. Таганцевым и Я.С. Аграновым, тогда особоуполномоченным по важнейшим делам при начальнике СОУ ВЧК, представляет отдельный научный интерес для исследователей. В нем Таганцев соглашался дать подробные сведения об организации в обмен на неприменение смертной казни к ее участникам. Весь XX век это соглашение, будучи широко известным, не имело никаких документальных подтверждений.

Информация о нем изначально появилась в парижской газете П.Н. Милюкова «Последние новости» в октябре 1922 г. Автором статьи выступил некто под криптонимом «С.». В историографии выдвигалась весьма убедительная версия о том, что С. — это Б.П. Сильверсван (1883–1934) — филолог-германист, член «Всемирной литературы» и, по собственному признанию в частном письме, участник гумилевской ячейки «ПБО»²⁹. В дальнейшем события найдут отражение в книге известного эмигрантского писателя Романа Гуля³⁰, а после попадут в «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына, где будет также перепечатан фальшивый текст этого документа³¹.

Ознакомление с третьим, «таганцевским томом» дела № 214224 («ПБО»), а точнее с его «Дубликатом №1», сделанным для Я.С. Агранова в 1935 г., историка В.Ю. Черняева позволило прояснить этот вопрос. Однако сам документ был опубликован позже, в сборнике

²⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 53. 5 изд. М., 1970. С. 435.

²⁸ Ф. Э. Дзержинский – Председатель ВЧК–ОГПУ. С. 277.

²⁹ Перченко Ф., Зубарев Д. Указ. соч. С. 366.

³⁰ Гуть Р.Б. Дзержинский (Начало террора). Нью-Йорк, 1974. С. 42–43.

³¹ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. Т. 1. Екатеринбург, 2006. С. 311.

«Кронштадтская трагедия» в 1999 г. Теперь мы знаем, что соглашение от 29–30 июля 1921 г. действительно имело место, и заключено оно было не от лица самого Я.С. Агранова, а от лица Президиума ВЧК (в составе Ф.Э. Дзержинского, В.Р. Менжинского, И.С. Уншлихта, Г.Г. Ягоды), который якобы это подтвердил³². В.Ю. Черняев выдвигал версию, что Я.С. Агранов сделал это предложение от лица Президиума без его ведома.

Вопросов, связанных с этим соглашением, возникает много. В данном случае, можно выделить два аспекта:

1. Вопрос об участии Президиума остается открытым. Но независимо от этого, де факто, полномочия ВЧК в деле «ПБО» в очередной раз расширились до чрезвычайных.

2. Информация о соглашении, пусть и в искаженном виде, дошла до автора «С.» в целом верно. Откуда?

Если принять версию, что С. — это Б.П. Сильверсван, то это упрощает задачу. В частности, в письме 1931 г. к А.В. Амфитеатрову он вспоминал: «... я говорил ему (Н.С. Гумилёву. — А. А.) тогда же, что ввиду того, что чекисты несомненно напали на след организации, м.б. следовало бы временно притаиться, что арестованный Таганцев, по слухам, подвергнут пыткам и может начать выдавать...». В следующем письме к А.В. Амфитеатрову содержались и более откровенные признания: «Однако же, как это ни печально, но Таганцев именно выдавал, т.е. предавал в руки чека людей — как замешанных в деле, так даже и не замешанных... Таганцеву была обещана жизнь, но его, конечно, обманули. Поверьте, что я это знаю всё не из окружения Горького, а от самых надежных и чистых людей. Что кас[ается] заговора, то о нем я многое узнал еще и здесь, в Финляндии, от участников его, переходивших часто границу в связи с ним, а сейчас проживающих здесь... После расстрелов я еще два месяца оставался в Петербурге и рассказов слышал много, много, разумеется, и чепухи, но что касается роли Таганцева в гибели стольких людей, — то она для меня совершенно ясна»³³. Откуда об этом соглашении могли узнать сами арестованные по делу, будет видно из воспоминаний В.И. Вернадского, речь о которых пойдет ниже.

Настоящие же показания В.Н. Таганцева от 29–30 июля, заверенные 3 августа³⁴, — крайне неоднозначный источник. В сборнике «Кронштадтская трагедия» документ назван: «Показания В.Н. Таганцева о причинах согласия на предложение президиума ВЧК дать подробные сведения о деятельности ПБО». По всей видимости,

---

³² Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 2. С. 187.

³³ Перченко Ф., Зубарев Д. Указ. соч. С. 367–368.

³⁴ Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 2. С. 184–188.

искренние показания Таганцева перемежаются там намеренными вставками. Причины своего изначального молчания он не скрывает: «Разве следователи мне говорили правду?.. они доискивались истины от меня, как я от них ее скрывал»³⁵. Таганцев рассказывает в этом документе интереснейшие подробности, по его определению «противоследствия», которое он вел, будучи в заключении. Это касается и его пребывания в «чердачном корпусе» на Гороховой, 2, где совместное содержание арестованных упрощало сношение со всеми вовлеченными по делу³⁶ (не до конца понятно, о каком помещении идет речь, возможно, имеется в виду 5 этаж здания, или же речь идет о верхних помещениях флигелей во внутреннем дворе, на первом этаже которых располагались камеры предварительного заключения).

Также Таганцев описал стговор с П.Г. Шведовой, сестрой одного из лидеров «ПБО» В.Г. Шведова, ранее выпущенной на свободу. Таганцев даже пытался связаться с товарищами на воле, передав записку через Н.Г. Скарятину. Двадцатипятилетняя сотрудница Сапропелевого комитета, которым руководил В.Н. Таганцев, она была расстреляна по постановлению от 24 августа. Записка состояла из 8 пунктов: связаться с М.К. Названовым и Н.И. Ястребовым (меньшевиками. Названов в дальнейшем будет арестован, но выпущен), «блок продолжить», связаться с людьми В.И. Орловского, проявить осторожность с Комаровым, «получить с Давидки [Лурье] не менее 30 [млн руб.]. Если не даст, выдам...», «сообщить за границу — боязнь Савинкова страшная, очень важна с ним связь, но осторожно». В.И. Орловский³⁷ — кронштадтский матрос, объявленный «начальником террора» «ПБО» в следственном деле. М.А. Комаров — активный участник Кронштадтского восстания, «комендант» Кронштадтского Ревкома и один из матросов, впоследствии раскрывших организацию. По версии советской историографии³⁸, он сам пришел к чекистам, однако в эмиграции возобладала версия изначального провокаторства со стороны другого кронштадтца, А.Д. Паськова, одного из героев статьи «С.»³⁹.

---

³⁵ Там же. С. 185.

³⁶ Там же.

³⁷ Крайне критический взгляд на его роль и психическое здоровье см.: *Мионов Г.Е.* Заговор, которого не было.

³⁸ *Голинков Д.Л.* Указ. соч. С. 109.

³⁹ В письме одного из заграничных лидеров «таганцевцев», члена ЦК кадетской партии Д.Д. Гримма, Паськов по ошибке назван Паськовским и объявлен провокатором наряду с М.А. Комаровым, а в знаменитой работе С.П. Мельгунова «Красный террор в России. 1918–1923» он назван Паньковым.

Таганцев также писал, что «взял почти всё на себя», и описывал порядок связи с другими подпольщиками (квадратные скобки даны в сборнике «Кронштадтская трагедия», где впервые и была опубликована данная записка)⁴⁰. В приговоре Н.Г. Скарятинной в том числе значилось: «... принимала участие в изыскании средств финансирования организации».

В тексте показаний В.Н. Таганцева проступают и явные намеки. Изначально он ответил резким отказом: «Очевидно, надо было пережить решение... прежде чем сделаться, с моей точки зрения, предателем, хотя бы для блага других. Но одна ночь разрешила сомнения, и на втором допросе 22 июля я перестал настаивать на прежнем решении, принял гуманные условия и гарантии, которые были предложены президиумом ВЧК, но принял их, не скрою, против своего внутреннего чувства»⁴¹. Отметим, что в ночь на 22 июля Таганцев совершил попытку самоубийства на скрученном полотенце.

Само же предложение от лица Президиума ВЧК о неприменении смертной казни давалось в обмен на ряд условий, в том числе:

«2. ... Показание должно было быть настолько подробным, что им исключалось бы возможность сохранения в неизвестности “хвостов” и вообще контингента кадра работников и сочувствующих целям организации»⁴².

Можно предположить, что этот пункт и стал формальным поводом для нарушения Я.С. Аграновым соглашения.

Как мы видим, в своих показаниях В.Н. Таганцев предстает перед нами в новом свете: он окончательно теряет ореол «невинной жертвы» чекистской мистификации, утвердившийся еще в начале 1920-х гг. с легкой руки эмигрантов вроде А.В. Амфитеатрова. Наоборот, он удивительным образом продолжал антибольшевистскую борьбу прямо с Гороховой и «Шпалерки». Обманывая и запутывая следствие, Таганцев, в конечном счете, пошел с ним на сделку ради смягчения наказания для участников организации и сам был обманут Я.С. Аграновым.

Дело «ПБО», как и Кронштадтское восстание, получило широкий общественный резонанс. Но заговор Таганцева имел принципиально иное значение. Сотни людей были задержаны, по большей части, в самом Петрограде. Город, давно свободный от военного противостояния, уже успел отвыкнуть от таких мероприятий. Официально в «Петроградской правде» за 1 сентября в списке расстрелянных зна-

---

⁴⁰ Там же. С. 185–186, 458. Подлинник простым карандашом: ЦА ФСБ. Ф. 214224. Т. 3. Ч. 1. Л. 98.

⁴¹ Там же. С. 186.

⁴² Там же. С. 187.

чился 61 человек: включенные в самый конец списка расстрелянных М.А. Комаров и В.Г. Шведов на самом деле были убиты ранее, при других обстоятельствах⁴³. Так как список включал видных представителей науки и искусств, это сразу вызвало бурную реакцию в среде российской интеллигенции и эмиграции.

Ф.Э. Дзержинский был прав, подобные массовые аресты потрясли общественное мнение, настроили его против власти. Жестокое подавление Кронштадтского восстания уже тогда породило в эмиграции острую дискуссию о характере окончательно утвердившейся, по словам Ю.О. Мартова, «большевистской аракчеевщины»⁴⁴. В среде интеллигенции тех лет массовый расстрел осужденных по делу «ПБО» вызвал даже не страх, а скорее недоумение и отвращение.

В отличие от Ю.О. Мартова, другой лидер меньшевиков, Ф.И. Дан, оставался в Советской России и был арестован в Петрограде в 1921 г. Уехав в следующем году из страны, он выпустил мемуары «Два года скитаний», в которых писал: «Для меня было очевидно, что готовится какая-то новая грандиозная бойня... Мое подозрение превратилось в уверенность, когда я увидел в запретном коридоре гладкую, самодовольную фигуру Агранова, следователя ВЧК по особо важным делам. И, уходя через несколько дней из ДПЗ, я уносил с собою тяжелое предчувствие драмы и образ юных лиц, весело смеющихся из-за тюремной решетки, когда смерть уже стоит у них за плечами.

В Москве я прочел эпилог этого “заговора”, связанного с именем Таганцева: 61 человек был расстрелян... Среди них были, вероятно, и мои неведомые юные, беззаботно смеявшиеся собеседницы»⁴⁵.

Еще больший интерес представляют воспоминания В.И. Вернадского, оставленные им в своих дневниках в разные годы. Вернадский был задержан по подозрению в причастности к заговорщикам с 14 по 15 июля 1921 г. Записи сделаны спустя два дня, в них он пишет о самом аресте, обыске квартиры, дает уничижительную характеристику представителям власти, их интеллектуальному уровню и воспитанию: «Какое нравственное падение! Оба в шапках, довольно грубоваты. В глаза не смотрят... На мой вопрос они грубо с окриком заявляют, что так полагается. Курда как представитель домового комитета заявляет, что это всегда, когда действует “летучка”... Грубость от невежества и невоспитанности, а не от моральной испорченности... “Отцом” называют меня и те, которых на вид я принимал за интеллигентов»⁴⁶.

---

⁴³ Черняев В.Ю. Кронштадтские повстанцы... С. 27, 28.

⁴⁴ Щетинов Ю.А. За кулисами Кронштадтского восстания. № 3. С. 42–44.

⁴⁵ Дан Ф.И. Два года скитаний. Воспоминание лидера российского меньшевизма. 1919–1921. М., 2006. С. 158.

⁴⁶ Вернадский В.И. Пережитое и передуманное. М., 2007. С. 35.

Тем не менее, воспоминания Вернадского и Дана показывают и другую сторону. Да, мы можем увидеть культурный разрыв между представителями советской власти и дореволюционной интеллигенции. Даже отметив грубость пришедших с обыском солдат и чекистов, мы, тем не менее, должны заключить, что их поведение не содержит следов того полнейшего беззакония, которое будет гиперболизировано позже эмигрантскими авторами.

В последние годы жизни В.И. Вернадский еще раз вернется к событиям 1921 г., в своих дневниковых записях за 1942 г. он оставит ценнейшее свидетельство, которое также позволяет прояснить возможные «каналы», через которые уходила информация о соглашении Агранова и Таганцева:

«... Таганцевым, который погубил массу людей, поверив честному слову ГПУ (Менжинский и еще два представителя)... Договор был подписан. В результате все, которые читали этот договор с В.Н. Таганцевым, были казнены... Мои сведения идут от теперь умершего Александра Ивановича Горбова, моего ученика... когда ему предложили прочесть показания Таганцева, он отказался и узнал подробно об их содержании от военного, кажется, полковника, с которым сидел в камере... Это одно из ничем не оправданных преступлений, морально разлагающее партию»⁴⁷.

Многочисленные исторические неточности и тревога за моральный облик партии большевиков со стороны бывшего члена ЦК партии кадетов лишь оттеняют то, что осталось неизменным в восприятии интеллигенции спустя десятилетия: резкое неприятие и осуждение приговора ВЧК по делу «Петроградской боевой организации».

Также на примере В.И. Вернадского, «С.», или Б.П. Сильверсвана (был он «С.» или нет, в данном случае неважно) видно, что «Приказ № 57», предписывавший сохранять строжайшую конспирацию при ведении дел, не соблюдался. Реформы, направленные на строго внутренние, ведомственные аспекты работы чекистов, сталкивались с привычной практикой работы в чрезвычайных условиях.

В эмиграции на долгие десятилетия утвердится версия о полностью сфабрикованном заговоре. К сожалению, даже в современной популярной литературе можно встретить именно такую трактовку событий. В советской литературе до самой перестройки, наоборот, общепринятой была версия ВЧК.

На данный момент мы можем констатировать, что реальное положение дел было значительно сложнее обеих этих крайностей: связи с верхами белой эмиграции и заграничными разведками не отрицали

---

⁴⁷ Переченок Ф.Ф. Список расстрелянных // Новый мир. 1989. № 4. С. 264.

внутренней слабости и разрозненности петроградских подпольщиков, а реальное вскрытие антисоветских организаций и подпольных ячеек не отрицало случайных жертв и намеренной фабрикации «дел» в выгодном для власти свете.

В конечном счете, мы видим, что события 1921 г. на Северо-Западе толкнули на фактическое расширение полномочий Всероссийской Чрезвычайной комиссии, которая в очередной раз оправдала свое название: ликвидация антисоветских движений проводилась практически методами Гражданской войны. Во многом поэтому в исследователи отмечали, что организационная перестройка ВЧК 1921 г. носила «скорее косметический характер»⁴⁸.

Дело «ПБО» также можно рассматривать в контексте влияния на будущую реформу ВЧК–ГПУ. Несмотря на то что это дело носило региональный характер, оно стало очередным свидетельством злоупотребления ВЧК своими и без того широкими полномочиями, встав в целом ряду других громких событий этого времени. Через неделю после упомянутого ранее письма Н.А. Угланову и Н.П. Комарову, 24 октября В.И. Ленин в ответном письме Г.В. Чичерину о недопустимом поведении черноморских чекистов, которые, по словам Чичерина, «облеченные безграничной властью, не считаются ни с какими правилами», писал уже такие слова: «т. Чичерин! Вполне с Вами согласен. Вы виноваты в слабости. Надо не “поговорить” и не только “написать”, а предложить (и надо вовремя это делать, а не опаздывать) Политбюро: 1) послать по согл[ашению] с НКВД архитвердое лицо, 2) арестовать паршивых чекистов и привезти в Москву виновных и их расстрелять. Ставьте это в Пбюро на четверг, дав своевременно на отзыв Уншлихту и прила[га]я весь материал. Надо уметь двигать такие дела побыстрее и поточнее. Горбунов должен вести это; он д[олжен] отвечать за это; а мы Вас всегда поддержим, если Горбунов сумеет подвести под расстрел чекистскую сволочь»⁴⁹.

Уже в середине ноября на заседании СНК под председательством Ленина будет заслушан доклад наркома юстиции Д.И. Курского о контроле Наркомюста над следственным аппаратом ВЧК. В ходе будущей дискуссии о правах Чрезвычайных комиссий глава советского правительства неизменно будет стоять за сужение прав ареста и компетенции ВЧК в пользу судов⁵⁰.

Таким образом, фактическое расширение полномочий ВЧК в 1921 г., в том числе на Северо-Западе России, привело к возобно-

---

⁴⁸ Литвин А..Л. Указ. соч. С. 396.

⁴⁹ Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1921 гг. С. 476–478.

⁵⁰ Ратьковский И. С. Указ. соч. С. 327–329.

лению старого конфликта между ВЧК и Наркомюстом, но на этот раз политическая обстановка складывалась не в пользу ВЧК. На IX съезде Советов, отметив «громадные заслуги, оказанные ими делу укрепления и сохранения завоеваний Октябрьской революции от внутренних и внешних покушений», органы ВЧК были торжественно упразднены, а полномочия созданного ГПУ при НКВД РСФСР существенно урезались⁵¹.

Список литературы

Голишков. Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Т. 2. М.: Политиздат, 1986. 397 с.

Гуль Р.Б. Дзержинский (Начало террора). Нью-Йорк: Мост. 1974. 162 с.

Измозик В.С. Петроградская боевая организация (ПВО) — чекистский миф или реальность? // Исторические чтения на Лубянке. 1997–2007 / Ред. совет: А.А. Зданович и др. М.: Кучково поле, 2008. С. 140–149.

Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М.: Эксмо, Яуза, 2004. 448 с.

Миронов Г.Е. Заговор, которого не было. М.: Терра–Книжный клуб, 2001. 348 с.

Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ СССР (1918–1953). 2-е изд., расш. и доп. М.: Кучково поле, 2011. 752 с.

Перченко Ф., Зубарев Д. На полпути от полуправд. О таганцевском деле и не только о нем // In Мемориал. Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 362–370.

Перченко Ф.Ф. Список расстрелянных // Новый мир. 1989. № 4. С. 263–265.

Поляков В.А. Разработка реформы ВЧК (1921–1922 гг.) // Новый исторический Вестник. 2002. № 2. С. 72–85.

Разумов А.Я. «В XX веке с нами произошло нечто ужасное». Интервью ИА «Росбалт» от 6 декабря 2014 года. — URL: <http://www.rosbalt.ru/piter/2014/12/06/1345506.html>

Ратьковский И.С. Дзержинский. От «Астронома» до «Железного Феликса». М.: Алгоритм, 2017. 462 с.

Ратьковский И.С. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М.: Яуза, 2017. 320 с.

Фролова Е.И. Административный центр эмигрантского Внепартийного объединения и Кронштадтское восстание в 1921 г. // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 33–49.

Ходяков М.В. «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу. СПб.: Издательство СПбУ, 2000. 400 с.

---

⁵¹ Поляков В. А. Разработка Реформы ВЧК (1921–1922 гг.) // Новый исторический вестник. № 2. М., 2002. С. 72–85.

Христофоров В.С. Кронштадт, 1921 год // Звезда. 2011. № 5. С. 115–135.

Черняев В.Ю. Кронштадтские повстанцы, белая эмиграция и анти-большевистское подполье Петрограда // Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009. С. 17–38.

Черняев В.Ю. Финляндский след в деле Таганцева // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 180–200.

Щетинов Ю.А. За кулисами Кронштадтского восстания // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1995. № 2. С. 3–15; № 3. С. 22–44.

Яров С. В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е. М.: Политическая энциклопедия. 2014. 375 с.

Поступила в редакцию
1 февраля 2020 г.

Чжуан Юй*

**ИЗМЕНЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКЕ В ОБЛАСТИ
КУЛЬТУРЫ И ТЕАТРАЛЬНАЯ ЦЕНЗУРА В 1946–1956 гг.**

Zhuang Yu

**CHANGES IN SOVIET CULTURAL POLICY
AND THEATRICAL CENSORSHIP IN 1946–1956**

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в советской политике в области культуры в послевоенное десятилетие 1946–1956 гг. на примере управления сферой театрального искусства. Указанная проблема рассматривается в двух аспектах. С одной стороны, анализируются действия по обеспечению цензурного контроля над драматическими постановками. С другой стороны, разбираются попытки партийно-государственного руководства страны и профильных ведомств поддерживать на достаточно высоком уровне качество и уровень ставившихся на советских сценах драматических произведений, чему идеологические и цензурные ограничения объективно препятствовали. В этой ситуации власти приходилось изыскивать самые разные способы противодействия явственно обозначившейся тенденции — утрате зрительского интереса к театрам, репертуар которых оказался ограничен преимущественно малоинтересными произведениями современных драматургов. Театры пытались переводить с государственного дотирования на самофинансирование, повышалась роль театральной администрации, которой была передана часть функций художественных руководителей — в ущерб роли последних, учреждались художественные советы как своеобразные экспертные инстанции, оценивавшие постановки именно с точки зрения их качества. На примере подобного сосуществования двух направлений в деле руководства советскими театрами со стороны партийно-государственных органов автор показывает, как сугубо административные решения могли влиять и на сферу собственно творческой деятельности. Дискуссии о перспективах советского драматического театра, которые происходили в то время среди театральной общественности, оказывали определенное воздействие на принимавшиеся властью решения в этой области. В статье проанализирован накопленный в рассматриваемый период опыт ленинградских и других сценических площадок, сделаны вы-

---

* Чжуан Юй, кандидат исторических наук, ассистент-профессор исторического факультета Пекинского университета (КНР)

Zhuang Yu, PhD Candidate in History, Assistant Professor, Faculty of History, Peking University (People's Republic of China)

+7-965-050-86-80; +86-156-1189-9964; zy.tanya@yandex.ru

воды относительно его соответствия общесоюзной ситуации и присущих ему особенностей. Оценено воздействие того сравнительно незначительного диапазона возможностей, который открывался благодаря административно-структурным переменам в сфере управления культурой, для сохранения политических идеалов оттепели и их последующего возрождения в годы перестройки.

Ключевые слова: культурная политика, цензура, драматический театр, Министерство культуры СССР, главный режиссер театра, художественный совет.

Abstract. The article discusses changes in Soviet cultural policy in the post-war decade of 1946–1956 while considering the management of theatrical art. The two aspects of this issue are analyzed: on the one hand, the measures to ensure censorship of dramatic productions, on the other, the attempts of the party-state leadership of the country and relevant institutions to maintain, despite the ideological and censor restrictions, at a sufficiently high level the quality of dramatic works that were staged in Soviet theaters. In this situation, the authorities had to find various ways to counteract the obvious trend, i. e. the loss of spectator interest in theaters, whose repertoire was limited mainly to works of little interest by modern playwrights. They tried to switch theaters from state subsidies to self-financing, increasing the initiative of the theater administration, which was partially endowed with the functions of artistic directors to the detriment of the latter; artistic councils were established as sort of expert bodies that evaluated the production precisely in terms of its quality. While referring to these two sides of the management of Soviet theaters by party-state institutions, the author shows how purely administrative decisions could influence the creative sphere itself. Debates about the prospects of the Soviet drama theater, held among the theatrical public at that time, had a certain impact on the decisions made by the authorities in this area. The article analyzes the experience of Leningrad and some other stage venues during the said period and draws conclusions regarding its compliance with the all-Union patterns and special properties. The author considers how these relatively insignificant opportunities that emerged due to administrative and structural changes in cultural management helped preserve the political ideals of the Thaw for their subsequent revival during the Perestroika.

Keywords: cultural policy, censorship, drama theater, Ministry of Culture of the USSR, chief theater director, artistic council.

* * *

Советская цензура в целом имела ярко выраженный идеологический характер¹. Эта же особенность была присуща и специ-

---

¹ В российской историографии изучение советской цензуры началось в 1990-х гг. На сегодняшний день основными работами по этой проблеме являются труды А.В. Блюма, Т.М. Горяевой и М.В. Зеленова: *Блюм А.В. За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры (1917–1929)*. СПб., 1994; *Он же. Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929–1953*. СПб., 2000; *Он же. Как это делалось*

альным видам цензуры, в частности цензуре театральной, которая понимается как «надзор со стороны органов власти за содержанием драматических произведений и всех видов театральных зрелищ². В соответствии с данным определением можно выделить две сферы ведения театральной цензуры: во-первых, надзор за содержанием, т.е. сценариями, во-вторых — проверка непосредственно самих постановок драматических произведений³. Как отмечает Т.М. Горяева, в драматургии «текст и конечный результат творчества — спектакль — отдалены друг от друга на расстояние, вмещающее в себя замысел режиссера, актерское мастерство, интерпретацию, мимику, жесты и многие другие составляющие»⁴. То есть разведение театральной цензуры на отдельную проверку сценариев и постановок было вызвано тем, что каждая демонстрация любого спектакля содержала в себе нечто неповторимое, вследствие не тиражируемой актерской игры. Поэтому осуществление цензуры в отношении драматического искусства сложнее, нежели надзор за другими областями культуры. В рассматриваемый в настоящей статье период в Советском Союзе произошли масштабные общественно-политические перемены — транзит от строжайшего режимного контроля со стороны власти за всеми сторонами жизни общества до начала оттепели, — и эти перемены не могли не отразиться на подходах к контролю за театрами.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны ЦК ВКП(б) принял ряд постановлений об усилении идеологического контроля в области литературы и искусства, в том числе — «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа 1946 г. В этом постановлении указывалось, что главный недостаток репертуарной политики драматических театров состоит в том, что

в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки 1953–1991. СПб., 2005; Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР, 1917–1991. М., 2002; Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП(б) — ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород, 2000; *Он же*. Главлит в системе органов власти и управления: цензура после Сталина. 1953–1966 гг. // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: Материалы VIII международной научной конференции. Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г. М., 2016. С. 140–154. Внимание исследователей привлекали и специальные виды советской цензуры: Горяева Т.М. Радио России: политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах: документированная история. М., 2009.

² Театральная энциклопедия / Глав. ред. С.С. Мокульский. Т. 5. М., 1967. С. 674.

³ Аналогичное мнение см.: Гужаловский А.А. Театральная цензура в БССР в ходе идеологических кампаний второй половины 1940-х — начала 1950-х годов // Культура и власть в СССР, 1920–1950-е годы: Материалы IX международной научной конференции, Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г. М., 2017. С. 163–177.

⁴ Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР, 1917–1991. С. 317.

пьесы советских авторов на современные темы оказались фактически вытесненными с ведущих сцен, в то время как постановок зарубежных драматургов, пропагандировавших «реакционную буржуазную идеологию и мораль», появлялось всё больше. Подобная политика объявлялась наиболее грубой политической ошибкой Комитета по делам искусств при Совете министров СССР. В постановлении содержалось требование к этому органу «исключить из репертуара безыдейные и малохудожественные пьесы, постоянно наблюдать за тем, чтобы в театры не проникали ошибочные, пустые и безыдейные, малоценные произведения». ЦК ВКП(б) призывал театры и драматургов обращать внимание на реальную советскую жизнь и указывал на необходимость постановок «в каждом драматическом театре ежегодно не менее 2–3 новых высококачественных в идейном и художественном отношении спектаклей на современные советские темы»⁵.

Это постановление задавало тон театральной цензуре в послевоенные годы. Развернувшаяся после его выхода кампания через некоторое время привела, как отмечается в изданной спустя два десятилетия после этих событий «Истории советского драматического театра», к «фактическому исключению из репертуара театров почти всей западной классики и всей современной западной драматургии»⁶. Начались гонения на «антипатриотическую группу театральных критиков» из Всероссийского театрального общества и Комиссии по драматургии Союза советских писателей, к которой были причислены такие известные критики, как Ю.И. Юзовский, А.С. Гурвич, А.М. Борщаговский. Так, например, Юзовский был обвинен в том, что критиковал образ Нила из пьесы А.М. Горького «Мещане». Гурвича упрекали за якобы предпринятую им «злонамеренную попытку» противопоставить советской драматургии классику, «опорочить» советскую драматургию, пользуясь авторитетом... И.С. Тургенева. В «Литературной газете» Борщаговского разоблачали за то, что он занимался «высмеиванием» пьесы секретаря Союза советских писателей А.В. Софронова «Московский характер», поставленной в Малом театре⁷. В специальной статье, опубликованной в «Правде» 28 января 1949 г., этих критиков объявляли «зараженными пережитками буржуазной идеологии», усматривали в их деятельности намерение «отравлять здоровую твор-

---

⁵ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А.Н. Яковлева, сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М., 1999. С. 592, 594–595.

⁶ История советского драматического театра. В 6 т. Т. 5: 1941–1953 / Авт. И. Вишневская, А. Гозенпуд, Е. Перегудова и др. М., 1969. С. 15.

⁷ Сталин и космополитизм: Документы Агитропа ЦК КПСС, 1945–1953 / Сост.: Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова; отв. ред. Д.Г. Наджафов. М., 2005. С. 235–237.

ческую атмосферу советского искусства своим тлетворным духом»⁸. «Правда» призывала советских театральных критиков бороться с подобными проявлениями «эстетско-формалистической критики» новых советских пьес, а фактически советского репертуара вообще, что, по словам партийного официоза, позволяли себе указанные авторы, а также противостоять пропагандируемому ими «безродному космополитизму». (Последнее обвинение свидетельствует о том, что кампания против этих театральных критиков имела антисемитский оттенок.) Вслед за публикацией в «Правде» вышли аналогичные разоблачительные статьи в «Литературной газете» и в газете «Культура и жизнь»⁹.

Дело «антипатриотической группы театральных критиков» возымело широкий резонанс. Оно фактически стало пусковым механизмом «борьбы с формализмом» в рядах творческой интеллигенции. Многие театральные деятели, в том числе режиссеры, оказались под пристальным цензурным контролем. Так, в Ленинграде, в том же 1949 г., обвинили в «формализме» режиссера Н.П. Акимова и вынудили его покинуть должность художественного руководителя Ленинградского театра комедии и перейти главным режиссером в Ленинградский Новый театр (будущий Театр имени Ленсовета).

В результате на волне дела «антипатриотической группы театральных критиков» из репертуаров советских театров практически полностью исчезли произведения западноевропейских драматургов, как классические, так и современные. Сцены заполнили новые советские пьесы, ориентированные на «раскрытие жизни советского общества в ее непрестанном движении вперед». Реакция зрительской аудитории оказалась предсказуемой — посещаемость театров резко упала, причем, как отмечается в «Истории советского драматического театра», «нередко спектакли шли при полупустых залах»¹⁰, что вызвало закономерную обеспокоенность партийно-государственных органов¹¹.

Помимо жесткого идеологического контроля советские драматические театры в послевоенный период испытывали и другие трудности — материальные. После 1917 г. театры были национализированы

---

⁸ Об одной антипатриотической группе театральных критиков // Правда. 1949. 28 января. Цит. по: Сталин и космополитизм: Документы Агитропа ЦК КПСС, 1945–1953. С. 236.

⁹ До конца разоблачить антипатриотическую группу театральных критиков // Литературная газета. 1949. 29 января; На чуждых позициях. О происках антипатриотической группы театральных критиков // Культура и жизнь. 1949. 30 января.

¹⁰ История советского драматического театра. Т. 5: 1941–1953. С. 16.

¹¹ Преодолеть отставание драматургии // Правда. 1952. 7 апреля.

и дотировались из государственного бюджета, как и другие учреждения культуры. Это позволило дополнить цензурный идеологический контроль мощным финансовым рычагом воздействия. После Великой Отечественной войны, с возобновлением пропагандистских кампаний, власть, недовольная идеологической направленностью творчества ряда театральных коллективов, изменила прежний подход к их финансовому содержанию. В начале марта 1948 г. было принято специальное постановление Совета министров СССР «О сокращении государственной дотации театрам и мерах по улучшению их финансовой деятельности». В этом постановлении утверждалось, что «иждивенческая дотационная практика получила широкое распространение и стала тормозить развитие театров, мешать их творческому росту». Поэтому в целях ликвидации «иждивенческой практики» в работе театров Совет министров постановил прекратить бюджетное финансирование «театров союзного, республиканского и местного подчинения», переведя их «на полную самоокупаемость»¹². Чтобы существовать в этой новой для них реальности, Совет министров рекомендовал театрам предпринимать меры творческого и административного характера: выпускать больше «новых полноценных в идейном и художественном отношении постановок», что должно было увеличить посещаемость (а значит — и сборы) театров, а также сократить расходы и штаты.

Следует отметить, что призыв увеличить количество «новых полноценных в идейном и художественном отношении постановок» было трудноисполнимым. В изданном за полтора года до совминовского решения от марта 1948 г. постановлении ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» уточнялись принципы, по которым отныне должны были формироваться репертуары театров: диапазон выбора возможных драматургических произведений резко сокращался. Лишившись государственной поддержки, многие театры, особенно периферийные, стали обращаться к руководству страны с просьбами о материальной помощи, но не напрямую, а через свои обкомы ВКП(б).

Так, Ярославский обком 9 октября 1948 г. обратился к секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Суслову с ходатайством о «содействии в разрешении ряда вопросов, связанных с работой театров Ярославской области». В этом ходатайстве говорилось, что «театры не имеют возможности производить расходы на оформление новых спектаклей, на подготовку

---

¹² Постановление Совета министров СССР от 4 марта 1948 г. № 537 «О сокращении государственной дотации театрам и мерах по улучшению их финансовой деятельности».

помещений театров к зиме и другие хозяйственные дела». Поэтому обком и облисполком просили Суслова «разрешить за счет местного бюджета покрыть задолженность театров, образовавшуюся к моменту перехода их на бездотационную работу, в сумме 773 тысяч рублей и разрешить профинансировать ремонтные работы, связанные с подготовкой помещений театров к зиме в сумме 150 тысяч рублей»¹³. В ответе, поступившем в Ярославль из ЦК ВКП(б), указывалось, что Комитет по делам искусств при Совете министров РСФСР после ознакомления с положением дел в театрах Ярославской области решил ликвидировать образовавшуюся задолженность театров по зарплате¹⁴.

Партийный комитет Хакасской автономной области 18 ноября 1948 г. сообщал в Москву о бедственном положении Хакасского национального театра: «...с сокращением в 1948 году государственной дотации до 200 тысяч рублей на 9 месяцев театр сократил творческий состав на 9 человек и остальной штат на 10 человек. Это поставило театр в затруднительное положение в отношении роста действующего коллектива театра и подготовки национальных актерских кадров из участников художественной самодеятельности»¹⁵. Партийное руководство Хакасии прямо указывало на то, что выполнение мартовской рекомендации союзного Совмина сократить штаты театров не только не помогло решить материальные затруднения, но и поставило театр в еще худшее финансовое положение, потому что «в результате малочисленности творческого состава, после сокращения штатов, театр стал включать в репертуар пьесы с малым количеством исполнителей, большинство которых не отвечают высоким требованиям советского человека и снижают идейно-художественный уровень репертуара. Сокращение художественно-технического и административного состава снизило качество спектаклей и общую культуру национального театра»¹⁶. В итоге Комитет по делам искусств при республиканском Совмине был вынужден снова пойти навстречу обращению с места и санкционировал повышение государственной дотации Хакасскому национальному театру на 1949 г., а также удовлетворил просьбы об обратном увеличении его штата и уменьшении стоимости билетов.

В 1949 г. с просьбами об увеличении дотаций на работу театров обратилось еще несколько обкомов — Якутский, Тувинский, Гор-

---

¹³ Секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Суслову М.А. от Ярославского обкома ВКП(б) от 9 октября 1948 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 82. Л. 79–80.

¹⁴ Там же. Л. 82.

¹⁵ Секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Маленкову Г.М. от Хакасского обкома ВКП(б) от 18 ноября 1948 г. // Там же. Л. 103.

¹⁶ Там же. Л. 104.

но-Алтайский, Калининградский¹⁷. В результате власти пришлось фактически отказаться от своего намерения перевести театры на самофинансирование: в конце 1949 — начале 1950 г. практически все их материальные проблемы были разрешены дотациями либо из союзного, либо из местного бюджета.

Реализация мер, указанных в постановлениях «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» и «О сокращении государственной дотации театрам и мерах по улучшению их финансовой деятельности», привела к кризису советского театра: скучный и однообразный репертуар, в котором не было ни интересных зрителю сатирических, ни зарубежных постановок, а также режим жесткой экономии из-за перевода на самофинансирование привели к резкому падению посещаемости театров.

В конце 1940-х гг. для усиления идеологического контроля за театрами была резко повышена роль их административного руководства. Комитет по делам искусств при Совете министров РСФСР 9 февраля 1949 г. принял решение «упразднить должности художественных руководителей, возложив из обязанности на главных режиссеров, подчиненных директорам театров». То есть директора театров стали отныне отвечать не только за выполнение административно-хозяйственных функций, но и за формирование репертуара, чем прежде традиционно занимались художественные руководители.

Ситуация в советском театральном искусстве стала меняться после смерти И.В. Сталина. В печати развернулось обсуждение насущных проблем драматургии¹⁸. Началось реформирование существовавшей практики государственного заказа на создание новых пьес (госзаказа). Практика госзаказа осуществлялась через Главное управление театров и музыкальных учреждений Министерства культуры. Это учреждение выступало одной из сторон при заключении договоров с драматургами. Получалось, что решения о написании тех или иных пьес принимались без учета мнений творческих театральных коллективов, которым предстояло впоследствии эти пьесы ставить. Очевидно, что такая практика неизбежно понижала уровень сценических произведений и провоцировала конфликтные ситуации во взаимоотношениях между театрами и драматургами. Чтобы исправить эти негативные стороны госзаказа, 24 марта 1956г. был издан приказ союзного министра культуры № 178, который регулировал

---

¹⁷ Секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Маленкову Г.М. // Там же. Д. 240. Л. 89.

¹⁸ См., например: К новому подъему театрального искусства // Правда. 1953. 6 сентября; Анастасьев А.Н. Перед поднятием занавеса // Театр. 1955. № 10. С. 20–31; Назаров Б.А., Гриднева О.В. К вопросу об отставании драматургии и театра // Вопросы философии. 1956. № 5. С. 85–94.

практику госзаказа на пьесы и был направлен на создание необходимых условий для улучшения и развития совместной творческой работы театров и драматургов. В приказе говорилось об отмене практики заключения договоров госзаказа с авторами на произведения для драматических театров в Главном управлении театров и музыкальных учреждений Минкульта как не оправдавшей себя и мешающей развитию творческих связей драматургов с театрами. Этим же приказом министерствам культуры союзных и автономных республик и местным управлениям культуры предписывалось отменить практику заключения договоров госзаказа на произведения для драматических театров, передав имеющиеся договоры в театры для завершения работы с авторами над пьесами¹⁹.

Однако перемены во взаимоотношениях между государством и театрами происходили медленно. Изданные при Сталине постановления «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» и «О сокращении государственной дотации театрам и мерах по улучшению их финансовой деятельности» оставались руководящими партийно-государственными документами в этой сфере культурной политики. Хотя оттепель все-таки брала свое. Министерство культуры СССР 29 июля 1955 г. издало приказ № 481 «О мерах по улучшению репертуара драматических театров», в котором говорилось о необходимости повышения ответственности за отбор пьес и формирование театрального репертуара всей подведомственной вертикали — от руководителей местных управлений культуры до директоров, и это было принципиально новым, точнее, первым шагом к возвращению традиционного разделения сфер компетенции художественных руководителей театров и их директоров. Правда, в приказе умалчивалось о том, какими принципами должна отныне руководствоваться эта вертикаль при отборе пьес. Но жизнь неумолимо начинала диктовать свои принципы: в театральные репертуары стали постепенно возвращаться русские и зарубежные классические постановки, а затем и произведения современных зарубежных драматургов.

Тогда же были предприняты первые шаги в направлении если не ликвидации, то, во всяком случае, упорядочения «двоевластия» директоров и главных режиссеров театров. 21 августа 1956 г. вышел приказ министра культуры СССР № 566 «О мероприятиях по улучшению работы драматических театров». В этом приказе в целях активизации творческой деятельности драматических театров, с одной стороны, указывалось на необходимость расширения прав

---

¹⁹ Приказ министра культуры СССР № 178 от 24 марта 1956 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 416. Л. 68.

руководителей театров — т.е. укрепления единоначалия директоров в решении вопросов творческого, организационного и финансово-хозяйственного характера. Однако, с другой стороны, Минкульт отмечал необходимость коллективного участия в решении творческих вопросов, для чего призывал повысить роль художественных советов театров. Еще одним штрихом перемен стали зафиксированные в приказе повышенные требования к работе театрального директората. «Директорами театров, — говорилось в приказе, — должны назначаться работники, способные осуществлять руководство идейно-творческой деятельностью театра, глубоко понимающие природу искусства, преимущественно со специальным театральным или гуманитарным образованием, сочетающие знания и опыт с организаторскими способностями». Приказ реагировал и на участившуюся практику совмещения должностей директоров и главных режиссеров театров. Для таких случаев Минкульт рекомендовал: «...когда директором будет назначен главный режиссер, в штат театра может быть одновременно введена должность директора-распорядителя»²⁰.

Несмотря на то что формально августовский 1956 г. приказ Минкульта был направлен на активизацию творческой и финансовой самостоятельности театров, фактически он означал расширение прав театрального директората. Формирование репертуара, распределение ролей, присвоение артистам почетных званий — всё это отныне становилось прерогативой театральной администрации, а главный режиссер становился, по сути, всего лишь помощником директора по сценически-постановочной части. На очередном пленуме Всероссийского театрального общества развернулась бурная дискуссия по вопросу: какова роль главного режиссера в театре в условиях предоставления директору театра больших прав в творческом, организационном и финансовом отношениях²¹?

Эта дискуссия продолжилась на страницах журнала «Театр» — официального органа Всероссийского театрального общества. В первом номере журнала за 1957 г. были опубликованы статьи главных режиссеров А.Д. Попова (Центральный театр Красной армии) и Г.А. Георгиевского (Ставропольский драматический театр).

Попов утверждал, что «с ликвидацией худруков в театрах и передачей всех полномочий директору начался распад художественного единоначалия»²², в то время как единоначалие необходимо, а его

---

²⁰ Приказ министра культуры СССР № 566 от 21 августа 1956 г. «О мероприятиях по улучшению работы драматических театров» // Там же. Л. 187.

²¹ Записи отдела культуры ЦК КПСС от 31 мая 1957 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 44. Л. 23.

²² Попов А.Д. О художественном единоначалии // Театр. 1957. № 1. С. 113.

ослабление после повышения директорского статуса привело к беспхозяйственности, ставшей главной проблемой для развития советских театров. Режиссер отмечал, что в настоящий момент главный режиссер превратился в художественного консультанта директора, что совершенно неправильно. Кризис единоначалия привел и к ослаблению института художественного совета, который превратился в совещательный орган при директоре. Попов призывал вернуться к прежнему единоначалию в театре, когда администрация и директор подчинялись главному режиссеру.

Аналогичное мнение высказывал и Георгиевский, подчеркивавший, что директор театра использует «выгодные и удобные обстоятельства, активно вмешиваясь в художественную сторону дела, но за нее не отвечает»²³. Он отмечал, что директор театра как администратор должен отвечать за производственно-финансовые показатели, но вместо этого он управляет театром, занимается не только «своими» делами, но и берет на себя распределение ролей, утверждение репертуара и постановочных расходов.

То есть оба режиссера отказывали директору в праве определять творческую жизнь театра.

Во втором номере журнала за тот же год к дискуссии подключилась главный режиссер Центрального детского театра М.О. Кнебель. Она отмечала, что «голое администрирование», которое вообще игнорирует специфику театрального искусства, является бесспорным препятствием на пути развития театрального дела. Режиссер исходила из убеждения, что на данный момент «не только главреж, но и директор» не располагал пока «теми правами, которые обеспечивали бы ему необходимую свободу действий во всех сферах жизни театра»²⁴. Кнебель обращала внимание на то, что цели работы директора и режиссера являются разными. Директор театра более печется о выполнении финансового плана, о приказах и рекомендациях Министерства культуры, а главный режиссер обращает больше внимания на художественное творчество — на поиск, эксперимент, риск. Поэтому при параллельном сосуществовании обеих этих должностей ни о каком единоначалии в театре не может быть и речи. В качестве выхода из сложившейся ситуации Кнебель предлагала ликвидировать должность главного режиссера.

Директор Калининского областного драматического театра Е.М. Ботвинников усматривал наиболее острую проблему современного советского театра в его переводе в 1948 г. на бездотационный

---

²³ Георгиевский Г.А. Как я стал директором театра // Там же. С. 114.

²⁴ Кнебель М.О. Причины глубже // Там же. № 2. С. 77.

режим работы²⁵. Он считал, что до этого, когда руководители театров не беспокоились о материальном положении своих учреждений, в них царили гармония и спокойствие. После же перевода на самооплачиваемость директор оказался вынужденным отвечать за доходы театра, ему необходимо думать о прибыли, а для этого — увеличивать количество премьер, сокращать сроки подготовки спектаклей, экономить расходы на декорации и реквизит. Ботвинников, как и Кнебель, считал поэтому, что в сложившемся положении виноват не директор, а вышестоящие органы управления культурой.

Подводя итоги дискуссии, редакция «Театра» делала вывод, что главный режиссер театра не обладает необходимым для исполнения его обязанностей набором прав, таких, например, как формирование репертуара, распределение ролей, увольнение артистов и т.п. Решая организационно-творческие вопросы жизни театров, Министерство культуры должно учитывать мнения театральных деятелей.

Если дискуссия на страницах журнала «Театр» не выходила за рамки допустимых суждений, то опубликованная несколько раньше в «Вопросах философии» статья Б.А. Назарова и О.В. Грिдневой «К вопросу об отставании драматургии и театра» ставила вопрос гораздо более остро, задевая в том числе и существовавшую на тот момент систему государственного руководства искусством. ЦК КПСС незамедлительно отреагировал на эту публикацию, заявив, что поднятые авторами вопросы освещаются поверхностно, а в ряде случаев — и с неверных позиций.

Более аккуратной и конструктивной был ответ со стороны ЦК КПСС на общественную дискуссию вокруг августовского 1956 г. приказа министра культуры, в том числе и в журнале «Театр». ЦК констатировал серьезный разрыв между реальным положением дел в театрах и рекомендациями Минкульта по улучшению их работы, а также обращал внимание на то, что не у всех директоров театров имеются достаточные образование и способности для осуществления своей деятельности, а на местах «расширенными правами часто пользуются некомпетентные люди», что «вызывает многие справедливые нарекания режиссеров театров». Вывод из сложившегося положения делался следующий: «Независимо от того, будет ли в театре главный режиссер или художественный руководитель, все нынешние главные режиссеры сходятся на одном — необходимо предоставить им определенные права, в числе которых должно быть: решающее слово в формировании репертуара театра, право окончательного решения в распределении ролей, возглавление художественного совета театра, предоставление

---

²⁵ Ботвинников Е.М. За театр единомышленников // Там же. С. 82.

реальной возможности формирования труппы, то есть права принимать необходимых для театра актеров и права освобождать людей, ненужных театру, права отсрочить выпуск спектакля (против плана), если спектакль не отвечает художественным требованиям»²⁶. Что же касалось прав главных режиссеров, то ЦК рекомендовал Минкульту заняться «созданием положения о правах и обязанностях главного режиссера в театре, в частности, в формировании репертуара, распределении ролей, в приеме и увольнении актеров»²⁷.

По результатам дискуссии и реакции на нее со стороны ЦК КПСС формированием репертуара вместо главного режиссера стал заниматься художественный совет театра. Обычно художественные советы существовали как в театрах, так и в управлениях культуры местных органов власти. Фактически они занимались идеологическим контролем над репертуаром театров. А.В. Блюм отмечает особый статус художественного совета в деле осуществления идеологического контроля над театральным репертуаром: «Наблюдение за идеологической чистотой произведений искусства возлагалось на различные комитеты и учреждения культуры, а также “творческие союзы” — кинематографистов, художников, композиторов и т.д. Именно “художественные советы” этих учреждений решали и определяли судьбу театрального репертуара, эстрады, кино, художественных выставок и даже цирковых реприз»²⁸. В 1950-е гг. художественные советы театров в основном играли вспомогательную роль, занимаясь преимущественно осуществлением цензурного контроля. В Ленинграде вышестоящими органами для них являлись художественные советы управления культуры Ленгорисполкома и Министерства культуры РСФСР.

В упомянутом выше приказе министра культуры «О мероприятиях по улучшению работы драматических театров» отмечалась необходимость повышения роли художественных советов. В нем по этому поводу говорилось: «Большую роль в улучшении художественно-творческой работы театра призван играть художественный совет как совещательный орган при директоре театра»²⁹. Прежде в большинстве советских театров художественные советы не играли никакой роли, и ведомственный приказ был призван активизировать их работу. Отменялся существовавший порядок формирования худо-

---

²⁶ Записи отдела культуры ЦК КПСС от 31 мая 1957 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 44. Л. 24–25.

²⁷ Там же. Л. 25.

²⁸ Блюм А.В. Как это делалось в Ленинграде. С. 195.

²⁹ Приказ министра культуры СССР № 566 от 21 августа 1956 г. «О мероприятиях по улучшению работы драматических театров». Л. 188.

жественных советов театров приказами вышестоящих органов Министерства культуры. Устанавливалось, что директор театра должен возглавлять художественный совет, а главный режиссер становится его заместителем по художественному совету, если он одновременно не является директором театра. Члены художественного совета отныне должны были избираться в начале каждого театрального сезона из числа авторитетных членов труппы³⁰.

Таким образом, приказ устанавливал порядок формирования художественных советов не сверху, а снизу, что придавало им теперь большую ответственность. Это решение явилось самой кардинальной переменной в системе управления советскими театрами в рассматриваемый период. В качестве совещательного органа художественный совет театра был призван рассматривать и оценивать основные аспекты творческой жизни коллектива — репертуарную политику, идейно-художественное качество спектаклей, уровень актерского и режиссерского мастерства³¹.

Кроме художественных советов театров, в Ленинграде под началом управления культуры Ленгорисполкома функционировал городской художественный совет, в который входили известные писатели, театральные критики, режиссеры, актеры и члены Ленинградского отделения Всероссийского театрального общества. В отличие от художественных советов театров, функции городского художественного совета были более универсальными: в нем обсуждались репертуарные планы и другие вопросы творческой деятельности драматических и музыкальных театров и концертных организаций. Эта структура существовала при управлении культуры Ленгорисполкома еще до приказа союзного Минкульта от августа 1956 г., однако ее работа была плохо организована. В отчете «О работе управления культуры по руководству и контролю за деятельностью театров» говорилось: «При управлении культуры имеется художественный совет, который больше чем полгода не собирался и фактически он ничего не делает»³².

Приказ Министерства культуры СССР придал импульс деятельности этого художественного совета. Вместе с тем следует отметить, что в некоторых театрах — в частности, ленинградских — авторитет главного режиссера оставался традиционно высоким. Упомянувшийся выше Акимов в Ленинградском театре комедии и Г.А. Тов-

---

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 189.

³² Справки о репертуаре ленинградских драматических театров, их подготовке к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, руководстве и контроле за деятельностью театров управления культуры исполкома Ленгорсовета // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 96. Д. 143. Л. 27.

стоногов в Большом драматическом театре являлись ключевыми фигурами в своих коллективах и определяли всю их творческую деятельность.

Таким образом, очевидно, что в рассматриваемый период между осуществлявшимися властью культурной политикой и цензурной практикой существовал определенный разрыв, и в этом не было ничего экстраординарного. Колебания между установками на государственное дотирование и на самокупаемость вовсе не означали неуверенности в том, что основой советской культурной политики, как и прежде, является «внедрение в сознание людей господствующих партийно-государственных ценностей и тем самым укрепление существующего общественно-политического строя»³³. Незыблемость этой установки неизбежно приводила к централизации управления культурой, особенно в послевоенный период, когда началась острая идеологическая конфронтация между СССР и Западом. Во многом именно поэтому даже с наступлением оттепели цензурный надзор за театрами остался прежним, каким он сформировался в период после окончания войны и до 1953 г. Но для того, чтобы активизировать творческую энергию в сфере сценического искусства, пусть и в нужном для себя идейно-политическом ключе, власти пришлось пойти на определенные корректировки в деле администрирования театральной деятельности. Эти корректировки создали реальность, ставшую необратимой, причем при остававшихся прежними цензурных ограничениях. В этом смысле истоки перестройки, особенно в такой чуткой сфере, как искусство, действительно можно заметить уже в эпоху оттепели.

Список литературы

Блюм А.В. За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры (1917–1929). СПб.: Академический проект, 1994. 319 с.

Блюм А.В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки 1953–1991. СПб.: Академический проект, 2005. 292 с.

Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929–1953. СПб.: Академический проект, 2000. 311 с.

Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР, 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002. 397 с.

Горяева Т.М. Радио России: политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах: документированная история. М.: РОССПЭН; Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 156 с.

Гужаловский А.А. Театральная цензура в БССР в ходе идеологических кампаний второй половины 1940-х – начала 1950-х годов // Культура и власть

---

³³ *Жидков В.С.* Культурная политика и театр. М., 1995. С. 10.

в СССР, 1920–1950-е годы: Материалы IX международной научной конференции, Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г. М.: РОССПЭН; Ельцин Центр, 2017. С. 163–177.

Жидков В.С. Культурная политика и театр. М.: Издательство литературы по атомной технике, 1995. 320 с.

Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород: Волго-Вятская академия государственной службы, 2000. 540 с.

Зеленов М.В. Главлит в системе органов власти и управления: цензура после Сталина. 1953–1966 гг. // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: Материалы VIII международной научной конференции. Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г. М.: РОССПЭН; Ельцин Центр, 2016. С. 140–154.

История советского драматического театра. В 6 т. Т. 5: 1941–1953 / Авт. И. Вишневецкая, А. Гозенпуд, Е. Перегудова и др. М.: Наука, 1969. 736 с.

Театральная энциклопедия / Глав. ред. С.С. Мокульский. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1967. 1136 стлб.

Поступила в редакцию
15 марта 2020 г.

И.В. Пугачева*

**ВИЗАНТИЙСКАЯ ИКОНА КАК ОСОБО ПОЧИТАЕМЫЙ
ОБРАЗ В ИТАЛИИ XIII В.: НА ПРИМЕРЕ СИЕНСКОЙ
ОДИГИТРИИ ИЗ ЦЕРКВИ КАРМЕЛИТОВ**

I.V. Pugacheva

**THE BYZANTINE ICON AS A PARTICULARLY REVERED
IMAGE IN THE 13th-CENTURY ITALY: THE CASE OF THE
HODEGETRIA FROM THE CARMELITE CHURCH IN SIENA**

Аннотация. Иконы, привезенные в Италию с Востока в первые века христианства, особенно почитались среди верующих, и впоследствии даже их копии зачастую были почитаемы ничуть не меньше. После захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. греческие иконы стали появляться в тех областях Италии, где ранее были большой редкостью, с них создавали списки — но теперь это были не просто копии святых образов, а самостоятельные живописные изображения, выполненные на заказ и, следовательно, обладающие своей специфической семантикой. В первой половине XIII в. в Сиене появилась искусно выполненная византийская икона Богородицы — Одигитрия. После победы над флорентийцами в битве при Монтаперти сиенцы в 1261 г. объявили Богоматерь своей покровительницей. Вскоре с византийской иконы был создан список, предназначенный для того, чтобы занять место в новом алтаре главного городского собора. Впоследствии работа сиенского мастера стала не менее почитаема, чем привезенный византийский образ и получила наименование «Мадонна дель voto» (*Madonna del voto*). История появления иконы говорит о том, что она имела важнейшее значение для жителей города. Вполне вероятно, это был первый прецедент подобного рода. Сам факт создания местным художником образа, олицетворяющего, с одной стороны, заступничество Богоматери за его родной город, а с другой — наглядно демонстрирующего сознательное, но не полное следование византийскому прототипу, весьма значительно повлиял на развитие живописи конца XIII в. в Сиене. В зарубежной и отечественной литературе рассмотрению этого события уделено относительно мало внимания. Однако подобного рода исследования причинно-следственной связи между спецификой заказа сакрального образа и его живописным исполнением позволяют шире рассмотреть как проблему копирования греческих образов

---

* Пугачёва Ирина Вячеславовна, искусствовед, независимый исследователь
Pugacheva Irina Vyacheslavovna, Art Historian, Independent Scholar
+7-926-105-32-45; ip07@list.ru

на территории Италии, так и становления живописного искусства Сиены второй половины XIII в.

Ключевые слова: «Мадонна дель voto», «Мадонна с большими глазами», византийская икона в Сиене, Мадонна кармелитов, Одигитрия в Италии, Богоматерь из собора Сиены.

Abstract. The icons brought to Italy from the East during the first centuries of Christianity were especially revered among believers, and subsequently even their copies were often no less revered. After the capture of Constantinople by the crusaders in 1204, Greek icons began to appear in those areas of Italy where they had previously been a rarity, they were reproduced, these copies became images unto themselves, made to order, and, therefore, acquired their own semantic significance. The Byzantine icon of the Virgin, the Hodegetria, was skillfully created in the first half of the thirteenth century in Siena. After defeating the Florentines at the Battle of Montaperti, the Sieneese declared the Mother of God their patroness in 1261. Soon, the copy of the Byzantine icon was made to be placed in the new altar of the city cathedral. Later, the work of a Sieneese master became no less revered than the original Byzantine image and received the name of “Madonna del voto”. Its origin demonstrates that it was of paramount importance for the inhabitants of the city. Most likely, this was the first precedent of this kind. The very fact that a local artist painted an image that, on the one hand, embodies the Mother of God’s intercession for his hometown, and, on the other, clearly shows conscious, but not a complete adherence to the Byzantine prototype, significantly influenced the development of painting in the late thirteenth-century Siena. Relatively scarce attention has been paid to this event in the secondary literature. Such a research on the causal relationship between the specific circumstances of ordering a sacred image and its pictorial realization allows us to consider more widely both the issue of copying Greek images in Italy and the formation of the Sieneese pictorial art in the second half of the thirteenth century.

Keywords: “Madonna del Voto”, “Madonna with Big Eyes”, Byzantine icon in Siena, Carmelite Madonna, Hodegetria in Italy, Our Lady of Siena Cathedral.

* * *

Очевидно, что на территории Италии византийские иконы присутствовали еще в раннее Средневековье (как минимум с V–VI вв.). Самые древние из них по понятным причинам хранились в Риме и особенно почитались, довольно быстро приобретая статус чудотворных, а точнее, почти всегда сразу обладая этим статусом. В случае с богородичными иконами это связано, в первую очередь, с преданием о портрете, писанным святым апостолом Лукой с самой Богоматери — иконой Одигитрии, хранящейся в Константинополе. Древние иконы, прибывшие в Рим с подобным статусом, особенно почитались именно потому, что, по мнению верующих, изображали Деву Марию именно так, как она выглядела в реальной земной жизни.

Рис. 1. Maestro di Tressa. Madonna dagli occhi grossi. Богоматерь с младенцем на троне и двумя ангелами из главного Собора Сиены. 1225 г. Museo dell'Opera del Duomo, Сиена

связанных с пребыванием на ее территории византийских икон старше XI в. По всей вероятности, даже если они и существовали здесь ранее, к этому времени они уже были утрачены. В Сиене, которая находилась в отдалении от мест, где византийское влияние было довольно ощутимо (как, например, в Пизе) к XIII в. образцы византийского искусства начали появляться в виде изделий мелкой пластики. Немногие из сохранившихся икон, выполненных сиенскими мастерами в первой половине дученто, весьма далеки по своим художественным качествам как от греческих образов, так и от классического наследия Древнего Рима. Ярким примером подобного рода ранних изображений может служить весьма почитаемый образ — «Мадонна с большими глазами» (Madonna degli occhi grossi) Маэстро ди Тресса (Maestro di Tressa) (рис. 1), выполненный в еще романском духе, с утрированно-выделенными отдельными чертами лица, пропорциональными искажениями фигур и простоватой живописью.

В период после 1240 г. на территории Италии, в частности Тосканы, появились братья ордена кармелитов, которые особо почитали именно Богоматерь. Этот орден был создан в Палестине во времена крестовых походов монахами из Западной Европы в конце XI в.

Приближенность к портретируемому — это своего рода гарантия доверия образу. Именно такая генетическая память берет свое начало еще с античных времен, когда наличие скульптурного портрета императора олицетворяло его незримое присутствие во время любого важного события. По всей вероятности, так было как минимум с несколькими привозными иконами, которые по сей день бережно хранятся в римских церквях (о них речь пойдет ниже), твердо закрепившими за собой статус чудотворных и накопившими за столетия огромное количество связанных с ними благочестивых преданий.

Однако в Тоскане ситуация была иной, если не сказать противоположной. Мы не имеем точных сведений и артефактов,

Кармелиты основали в Тоскане несколько монастырей¹ и, судя по всему, именно в это время привезли в Сиену византийскую икону Одигитрии (рис. 2).

Небольшой по размеру, прекрасный по исполнению образ Богоматери с Младенцем, до недавнего времени находившийся в кармелитской церкви Сан Никола (в настоящий момент принадлежит сиенской пинакотеке), сохранился до наших дней в довольно неплохом состоянии.

Искусно выполненная икона на доске (28 × 21,9 см) создана, по всей вероятности, в первой половине — середине XIII в. Иконография образа вполне традиционна для греческого мира: поясное изображение Богоматери с Младенцем на левой руке. Фон, теперь бледно-зеленоватый, а также выделение нимбов выполнены без использования золочения, только живописными средствами. Золотистые ассисты украшают лишь одежду Младенца Христа, подчеркивая Его Божественную сущность. Он изображен фронтально, восседающим на левой руке Богоматери, одетым в ярко красный хитон и коричневатый гиматий. Правой рукой в характерной греческой манере Христос благословляет верующих, левой сжимает свиток.

Лик Богоматери склоняется к Младенцу, левой рукой Она поддерживает Сына, а правой указывает на Него, будто обращаясь с просьбой о заступничестве. Правая рука Младенца при этом расположена над Ее рукой таким образом, что Его жест несет двойную смысловую нагрузку: с одной стороны — благословляет верующих, с другой — показывает Марии, что Ее просьба услышана. Такая типология *sacra conversazione* (святого собеседования) между Матерью и Божественным Сыном была весьма распространена в византийском искусстве. Традиционная иконография, прекрасное живописное исполнение, в особенности личного письма, а также характерный способ золочения (ассисты в одеждах Христа), подпись на греческом — всё

Рис. 2. Византийский мастер. Богоматерь с младенцем («Одигитрия»). Середина XIII в. Церковь San Nicola del Carmine, Сиена

¹ Католическая энциклопедия. Т. 2. М., 2005. С. 833.

Рис. 3. Dietisalvi di Speme.
Диетисальвиди Спеме. Madonna
del Voto. Богоматерь с младенцем
из собора в Сиене. 1260–1267 гг.
Duomo, Cappella Chigi, Сиена

свидетельствует о том, что это произведение византийского, и, вполне вероятно, столичного, искусства. Вполне возможно, что этот образ сразу приняли в Сиене как чудотворный или, по крайней мере, особо почитаемый верующими уже по одному своему происхождению со Святой земли. Именно так было с привозными иконами в Риме еще в VI–IX вв., как говорилось выше.

Как свидетельствуют исторические документы, вскоре после победы над флорентийцами в битве при Монтаперти в 1260 г. для главного собора Сиены была заказана икона Богоматери, спустя много лет получившая название «Мадонна дель вото» (Madonna del voto) (рис. 3). Некоторые историки искусства считают ее автором Диетисальви ди Спеме, другие опровергают эту версию². Для данного исследования авторство не имеет ключевого значения. Наиболее важен сам факт такого рода заказа именно потому, что история создания иконы наглядно отражает сложные процессы переосмысления функции сакрального образа в Тоскане второй половины XIII столетия.

Весьма вероятно, что именно византийский образ из церкви кармелитов явился образцом для написания сиенской иконы Богоматери с Младенцем, получившим позже наименование «Мадонна дель вото». Об этом свидетельствует как визуальное сходство изображений, так и ряд исторических фактов, предшествующих появлению нового образа в Сиенском соборе, о которых речь пойдет ниже.

В настоящее время «Мадонна дель вото» имеет размеры 112 × 82 см, т.е. во много раз больше византийской Одигитрии. При этом пропорции фигур подобны в обоих случаях. Существует точка зрения, согласно которой сиенская икона была (или стала впоследствии) частью dossale — il dossale di Badia Ardegna (согласно разным

² Duccio. Alle origine della pittura senese catalogo della mostra (Siena, 2003–2004) a cura di A. Bagnoli, R. Bartalini, L. Bellosi e M. Laclotte. Cinisello Balsamo: Silvana Editoriale, 2003. F. 54.

реконструкциям, его предполагаемые размеры составляли 124 × 96 см или 140 × 113 см). Некоторое время назад было выдвинуто предположение, что боковые части досале выполнил Гвидо да Сиена, но пока это остается предметом научной дискуссии³.

В образе сиенской Мадонны, в первую очередь, обращает на себя внимание повторение позы, расположения рук и наклона головы Богоматери в сторону Младенца, хотя взгляд Ее обращен прямо, а не на Него, как в греческом образе. Колорит практически всех одежд явно усердно скопирован, лишь с небольшими различиями — в цвете головного убора под мафорием и красного цвета туники Богоматери, невидимой на византийской иконе. Ее одежды выполнены в сиенском духе. Как и в случае с Одигитрией, Христос в итальянском варианте предстает в образе отрока. Драпировка ткани на груди Младенца Христа, расположение ног и в целом вся нижняя часть Его тела — складки одежд, положение левой ступни и т.д. — демонстрируют большое сходство с византийским образом.

Многие детали «выдают» почерк итальянского мастера, что особенно заметно в личном письме, в угловатости и некоторой лапидарности в трактовке драпировок одежд, в декоративном золочении. Вместо характерных звезд и свисающих по краю мафория украшений, сиенский живописец выделяет облачение Богоматери ассистами ровно в той же степени, что и Христа. Декоративный орнамент вдоль мафория и туники Марии очень напоминает аналогичный декор в работах сиенских живописцев того времени (икона Богоматери из Ареццо Мастера Сан Бернардино, Богородичные иконы, приписываемые Гвидо да Сиена из Сан Доменико, из сиенской пинакотеки и др.).

Присутствие ассистов на одеждах Марии в сиенском произведении, конечно, неслучайно. По всей вероятности, художнику необходимо было подчеркнуть, что божественный свет исходит не только от Спасителя. Техника золочения аналогична той, которая использовалась в византийской иконе, равно как и отдельные используемые приемы — ассисты, расходящиеся лучами, сочетание тонких линий и полукругов. Однако в целом золочение выглядит абсолютно другим. Византийский мастер выполнил его так, как если бы на одежды Христа падало солнце и отражалось от них: тонкие золоченые нити скользят вдоль искусно и свободно выстроенных складок, довольно верно обрисовывая формы тела. В то же время, отдельные яркие золотистые пятна, как например, на животе и ногах Христа, напротив, дематериализуют форму так, как если бы они сами были источниками света.

---

³ Ibidem.

Итальянский художник явно пытался скопировать греческую манеру золочения, вплоть до мелких деталей. Таких, например, как золотые полукруги с V-образными штрихами на животе и ногах в складках гиматия Младенца. Однако он далеко не всегда успешно справляется с изображением драпировок, которые получаются намного проще, грубее и зачастую просто неправильно трактованы, а золоченые штрихи подчас вообще лишают их «анатомического» правдоподобия. Весьма наглядно это демонстрируют отдельные приемы и элементы письма — дугообразно расходящиеся ассисты одежд на животе Младенца, складки на левом Его плече и вокруг левой ножки и др. Аналогичным образом выглядят и одежды Марии, объемность фигуры которой весьма условна, а разнообразное декоративное золочение почти повсеместно еще более упрощает форму, лишая объема.

На греческой иконе золотистые ассисты, с одной стороны, подчеркивают, формируют объемность изображения и лишь в отдельных местах нарочито его «не замечают», и тогда там возникают крупные золотистые пятна, словно солнечные блики. В итальянском варианте ассисты фактически играют роль складок, то дублируя, то практически полностью заменяя их живописное изображение.

В своем обширном исследовании Ярослав Фольда, сближая эти два образа Одигитрии, итальянский и византийский, отметил живописное подобие двух произведений, а также довольно подробно обосновал свою точку зрения, согласно которой сиенский мастер не только пытался повторить основные художественные приемы Мадонны кармелитов, но и старался, в своей манере, создать подобное византийскому золочению ассистами⁴.

В то же время, очевидно, что итальянский мастер, стремясь максимально приблизиться к греческому образцу, тем не менее, был наделен и определенной свободой художественного выражения, которая позволяла ему не заниматься буквальным копированием. На фоне планомерного повторения живописных приемов кармелитского образа особенно заметны иконографические различия: левая рука Младенца приподнимается со свитком, выдвигая его на первый план, направления взглядов Богоматери и Ее Сына также изменены. По всей вероятности, причины таких изменений могли быть обусловлены только специфическим заказом и, скорее всего, тем местом в церкви, для которого предназначался образ.

Такого рода «вольности» при создании образа «по мотивам» исходного почитаемого образца уже не были чем-то уникальным в

---

⁴ *Folda J.* Byzantine art and Italian panel painting, the Virgin and Child Hodegetria and the Art of Chrysography. Cambridge, 2017.

истории флорентийской живописи этого периода. Так, например, в церкви Санта Мария Примерана во Фьезоле по сей день хранятся две иконы, выполненные приблизительно в одно время (середина — вторая половина XIII в.) и вероятнее всего одним мастером (Мастер Распятия 434). Эти иконы имеют как очевидное сходство, так и некое иконографическое различие — также в положении рук и ног Богоматери, повороте головы Младенца и т.д. Исследователи связывают разные трактовки с функциями икон, одна из которых согласно традиции периодически выставлялась в алтаре, по аналогии с реликвиями, а другая выносилась из храма во время праздничных шествий⁵.

В середине XIII в. живописные итальянские иконы на досках видимо еще не стали неотъемлемой частью главного алтаря. Согласно документам, после победы над флорентийцами в битве при Монтперти в 1260 г. в главном соборе города был специально воздвигнут новый алтарь в южном рукаве трансепта, который предназначался для изображения Богоматери. Вполне вероятно, что именно из-за расположения иконы справа относительно главного алтаря автору «Мадонны дель вото» пришлось вносить изменения в иконографию списка с греческой Одигитрии. Он выражает молитвенное обращение Марии к Богу жестом руки, указывающей на Сына. В то же время мастеру необходимо обратить внимание верующих на главное место Собора — Престол, поэтому ему пришлось развернуть фигуру Христа и направить Его взгляд в сторону центрального алтаря собора.

Однако специфика места, для которого предназначалась икона, была не единственной причиной такого рода изменений. Обращает на себя внимание тот факт, что художник, повторяя характерный наклон головы Богоматери в сторону Сына в полном соответствии с прототипом из церкви кармелитов, тем не менее, обращает Ее взгляд к молящимся, подчеркивая тем самым, что Она не только слышит каждого, но и с готовностью отвечает на их просьбы, обращаясь за помощью к Божественному Сыну. Таким образом, акцент сделан именно на образе Богоматери.

Причины такого специфического заказа художнику должны были быть очень вескими. Как было сказано выше, привезенная со Святой земли византийская икона уже по одному своему происхождению была весьма почитаема. Тем не менее, вряд ли одного этого факта было бы достаточно, чтобы именно она стала прототипом для написания новой иконы, для которой был предназначен специально созданный алтарь в южном трансепте главного собора города. В этом

---

⁵ *Holmes M. The Miraculous Image in Renaissance Florence. New Haven; London, 2013. P. 152.*

Рис. 4. Madonn di San Sisto, или Madonna di Tempulo. V–VI вв. Церковь Santa Maria dell Rosario a Monte Mario, Рим

контексте исторические события, предшествующие созданию сиенской «Мадонны дель вото», имеют исключительно важное значение.

Мы уже упоминали о знаменательной победе сиенцев над флорентийцами в битве при Монтаперти в 1260 г. Этому событию предшествовали важнейшие для данного исследования обстоятельства. Согласно городской летописи, накануне битвы глава города принес клятву: отныне он, от лица жителей Сиены, посвящает город своей Небесной Покровительнице и в знак своего смирения символически передает Ей от него ключи, возлагая их на алтарь.

Документы, сообщающие об этом, относятся к середине XV в. Хроника событий сопровождается иллюстрациями, изображающими, соответственно, главу Сиены перед иконой Богоматери,

и праздничное шествие с ней⁶. По мнению некоторых ученых⁷, древним образом Богоматери, пред которым была принесена клятва и к которому обращались верующие о заступничестве в предстоящем сражении, могла быть весьма почитаемая в Сиене икона первой половины XIII в. — «Мадонна с большими глазами» Маэстро ди Тресса, о которой упоминалось выше. Однако на иллюстрации к упоминаемому выше тексту XV в. изображена тронная икона Богоматери с Младенцем на левой руке, а не фронтально, как в сиенском образе. Можно предположить, что художник мог изобразить и более новую икону, написанную в XIV и даже в начале XV в., которую выносили во время праздничных шествий в честь великой победы. Тем не менее, даже в этом случае она, так или иначе, должна была быть более близка к прототипу не только семантически, но и по своей иконографии, а

⁶ *Niccolo di Ventura*. The Vow of Montaperti and the Procession (c. 1442–1443). Siena, Biblioteca comunale degli Intronati. MS A IV 5, fols 4v, 5r.

⁷ *Norman D.* Painting in Late Medieval and Renaissance Siena (1260–1555). New Haven; London, 2009. P. 41.

кроме того, обладать определенным живописным сходством с чудотворным образом, в соответствии с той традицией копирования византийских (и тем более чудотворных) икон, которая существовала в Италии с ранних веков христианства.

История двух образов, хранящихся в Риме по сей день, — Мадонны ди Сан Систо (*Madonna di San Sisto*) (рис. 4) и Мадонны д'Арачели (*Madonna d'Ara Coeli*) (рис. 5), представляет собой наглядный пример подобного копирования особо почитаемых чудотворных изображений в период раннего Средневековья. Обе иконы имеют довольно редкую иконографию — Агиосоритисса (*Hagiosoritissa*), связанную, безусловно, с Константинопольской традицией. Образ Богородицы *Hagiosoritissa* пребывал в церкви Халкопратеа в Константинополе, где хранился реликварий (*Hagia Soros*) — «святая рака» с поясом Богородицы⁸. Первоначально церковь выглядела как часовня, и в ней находились многие реликвии, в том числе, с 532 г. — пояс Богородицы. Полуфигурное изображение Девы Марии в пол-оборота, с воздетыми в молитве руками в итальянском варианте получило название *avvocata* — довольно редкая для западного мира типология, которая не была распространена в Италии.

Самый древний римский вариант подобной иконографии — Мадонна ди Сан Систо (*Madonna di San Sisto*) — уникальный по красоте образ, выполненный в технике энкаустики, предположительно в V–VI вв. Вполне вероятно, что это столичная работа византийского мастера. Одна из более поздних итальянских икон подобной иконографии — *Madonna d'Ara Coeli*, написана по подобию древнего образа предположительно в XI в. При всех очевидных живописных различиях, обращает на себя внимание буквальное повторение позы, положения головы и рук, направление взгляда, т.е. практически точное копирование иконографии самого древнего образца.

Рис. 5. *Madonna d'Ara Coeli*. XI (?) в.
Церковь *Santa Maria Ara Coeli*, Рим

⁸ Агиосоритисса // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000.

Однако два живописных изображения Богоматери с Младенцем из церкви во Фьезоле, упоминаемые выше, представляют пример дальнейшего развития традиции создания списков с особо почитаемых икон, когда точное следование иконографии образца уже не являлось обязательным.

История создания «Мадонны дель вото» наглядно иллюстрирует, как изменился подход к созданию списков с чудотворных образов во второй половине XIII в. в Италии. При более детальном рассмотрении становится ясно, что иконографические изменения, которые пришлось внести мастеру, в гораздо большей степени существенны, чем живописные и декоративные, и для этого должны были быть очень веские причины.

Обратившись к иллюстрации середины XV в., мы понимаем, что сходство «Мадонны с большими глазами» маэстро ди Тресса с изображаемой в хронике иконой, участвующей в процессии, несущественно; они имеют не столь уж много иконографических аналогий, не говоря уже о различии живописного качества. В обоих случаях — это тронное изображение Богоматери с Младенцем, однако в миниатюрах исторической хроники Младенец изображен на левой руке Марии, а не фронтально. Таким образом, весьма вероятно, что образцом для списка вполне могла быть другая почитаемая икона — кармелитская Одигитрия, которая хотя и не является тронным изображением Богоматери, однако представляет собой образ Марии с Младенцем на левой руке. Икона Богоматери такого рода типологии почиталась в Константинополе как охранительница города. В связи с чем представляется более логичным, что перед важнейшей битвой жители обращали свои просьбы именно к иконе Богоматери Одигитрии из церкви кармелитов, которую вероятнее всего привезли в Сиену после 1204 г.

Устройство алтаря специально для иконы, написанной для главного собора города, указывает на чрезвычайную важность заказа и, вполне вероятно, связано с тем, что новый образ предназначался для публичного благодарения Богоматери и должен был напоминать о том самом чудотворном, уже прославленном образе, посредством которого была услышана молитва о победе. В таком случае вполне логично предположить, что именно с византийской Одигитрией из церкви Сан Никола связывали свою победу сиенцы и перед ней давали свои обеты. Небольшая икона, до недавнего времени оставшаяся на попечении братьев кармелитов, не покидала своего расположения на протяжении многих веков, но главному собору города также был необходим свой священный образ Богоматери, наделенный, в опре-

деленном смысле, соответствующим «статусом». В этом случае становятся более понятны причины как «близкого родства» «Мадонны дель вото» и кармелитской Одигитрии, так и различий между ними. Последний факт наиболее интересен в контексте этого небольшого исследования, поскольку здесь мы видим наглядный пример изменений в религиозном сознании, и как следствие — в характере почитания и использования образов Богоматери в середине — второй половине XIII в. в Италии.

В более раннее время, в случае с римскими Мадоннами ди Сан Систо и д'Арачели, копирование иконографии почти буквально. Если мы предполагаем, что Одигитрия из церкви кармелитов почиталась сиенцами как чудотворная помощница в победе над флорентийцами, это означает, что перед нами наглядный пример того, как в середине XIII в. сохранение точного подобия в иконографии даже весьма почитаемого образа уже не играет столь значительной роли, как это было ранее. На первый план выступает месторасположение будущей иконы — в боковом алтаре главного собора города, жители которого простили быть своей покровительницей саму Богоматерь.

Нужно отметить, что мы не имеем точных сведений о пребывании новых написанных икон в главном алтаре итальянских церквей как минимум ранее середины XIII в. Примерно до конца этого столетия или даже до начала следующего там могли находиться только реликварии либо чудотворные иконы, большую часть времени пребывающие под покровом и сокрытые от глаз верующих. Поскольку «Мадонна дель вото» не являлась ни тем, ни другим, а оригинал, Одигитрия, по всей вероятности, оставался на прежнем месте в церкви кармелитов, для новой иконы и был построен новый алтарь в боковом приделе собора Сиены.

Представляется вполне закономерным факт, что сиенцы, связывающие свою победу с прибывшей незадолго до битвы византийской иконой, захотели поместить в главной церкви города список с чудотворной иконы, в полном соответствии с древней итальянской традицией. Подобному тому, как в Риме периода раннего Средневековья (в случае с Мадонной ди Сан Систо и ее списком Мадонной д'Арачели), так и в XIII в. (относительно «Мадонны дель вото»), можно говорить о создании списка с чудотворной иконы с целью повышения статуса конкретного места — как в случае с Сиеной — главного Собора города. Здесь необходимо отметить, что в итальянской традиции (подобно русской) список иконы — это воспроизведение почитаемой иконы (протографа данного списка), который, в отличие от копии (точного списка) иконы, в точности не воспроизводит оригинал.

При создании подобного рода списков качества «чудотворности», или особого почитания, как правило, приписывались и новой написанной иконе, которая ассоциировалась со своим протографом и, следовательно, по мнению верующих, обладала аналогичными свойствами оригинала. Этим можно объяснить тот факт, что сиенский список с Мадонны кармелитов сразу стал весьма почитаем и оставался таковым на протяжении веков. В XV–XVI вв. эта икона была столь популярна, что к ней стали приносить маленькие votivные изображения круглой формы. Их вешали на священный образ очень часто, так что в какой-то момент это привело к путанице названий и «Мадонну дель вото» стали называть «Мадонной с большими глазами». Вероятно, это одна из тех косвенных причин, по которой впоследствии работа сиенского мастера Маэстро ди Тресса («Мадонна с большими глазами») стала ошибочно ассоциироваться с легендарными событиями, предшествующими битве при Монтаперти.

Нам неизвестно случаев ранее XIV в., когда новые, вновь написанные иконы местных мастеров (к коим относилась и «Мадонна с большими глазами») сразу же считались чудотворными. Такую славу нужно было «заслужить», поэтому если это и происходило с образами XIII в., то гораздо позже — уже в XIV–XV вв. Это дает еще один повод усомниться в том, что «Мадонна с большими глазами» была тем самым образом, с которым связывали свою победу сиенцы.

Учитывая все выше названные факторы, можно заключить, что византийский образ Одигитрии из церкви кармелитов гораздо более подходил на роль Защитницы города, чем работа Маэстро ди Тресса. История с византийской иконой Богоматери в Сиене и одним из ее списков — «Мадонной дель вото», показывает, насколько изменилось отношение к религиозным образам во второй половине XIII в. в Италии. Живописная составляющая сакрального изображения становится уже не столь незыблемой в визуальном плане. Буквальное копирование иконографии — необязательно, достаточно передать определенные внешние признаки чудесного прототипа, такие например, как облачение, и сохранить общую схожесть с оригиналом.

Относительно иконографических изменений в образе «Мадонны дель вото», и преобразований греческого извода *sacra conversazione* (святого собеседования) следует отметить: теперь это уже не таинственный сакральный разговор Богоматери со своим Божественным Сыном, а вовлечение в некий диалог молящегося, по сути, любого верующего, который дерзнет посредством Небесной Заступницы обратиться в Богу.

Список литературы

Католическая энциклопедия. Т. 2. М: Издательство францисканцев, 2005. 1819 с.

Православная энциклопедия. Т. 1. М: Церковно-научный центр РПЦ «Православная Энциклопедия», 2000. 752 с.

Duccio. Alle origine della pittura senese catalogo della mostra (Siena, 2003–2004) a cura di A. Bagnoli et al. Cinisello Balsamo: Silvana Editoriale, 2003. 539 p.

Folda J. Byzantine art and Italian panel painting: the Virgin and Child Hodegetria and the Art of Chrysography. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 411 p.

Holmes M. The Miraculous Image in Renaissance Florence. New Haven; London: Yale University Press, 2013. 381 p.

Norman D. Painting in Late Medieval and Renaissance Siena (1260–1555). New Haven; London: Yale University Press, 2009. 339 p.

Поступила в редакцию
15 июня 2018 г.

Е.А. Забродина

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНТСКОГО АЛТАРЯ:
ВЛИЯНИЕ ЛОКАЛИЗАЦИИ СТОРОК ПОЛИПТИХА
НА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ ПОЗИЦИЮ в 1432–1945 гг.**

E.A. Zabrodina

**THE HISTORY OF THE STUDY OF THE GHENT ALTARPIECE:
THE INFLUENCE OF THE LOCALIZATION OF THE POLYPTYCH
WINGS ON THE RESEARCH POSITION IN 1432–1945**

Аннотация. Гентский алтарь привлекал внимание любителей и знатоков искусства с момента своего создания в 1432 г., однако первые научные исследования появились лишь в начале XIX в. Исследователи XIX в., начиная с Иоганны Шопенгауэр и заканчивая Уильямом Уилем, посвящали свои монографии заказчикам алтаря, атрибуции панелей полиптиха и социально-культурному контексту создания произведения. При этом створки Гентского алтаря после его создания более десяти раз меняют свое местонахождение — в связи с наполеоновскими войнами, продажей части панелей, появлением первых значительных музейных собраний. После Первой мировой войны панели Гентского алтаря воссоединись. Это привело к тому, что появилось гораздо больше исследований, посвященных полиптиху; среди них можно отметить работы главного хранителя Королевского музея изящных искусств Поля Фиренса, немецких и нидерландских ученых Германа Беенкена, Макса Фридлендера и Карла Фолля. Однако после короткого мирного периода 1918–1939 гг. панели алтаря снова были перемещены в результате захвата территории Бельгии немецкими войсками. И только после 1945 г. «путешествия» створок Гентского алтаря завершаются. История бытования алтаря после 1432–1435 гг., когда он был завершён Яном ван Эйком, заслуживает дополнительного анализа, что даст возможность по-новому взглянуть на методологию исследования этого произведения. Историки искусства как XIX, так и первой половины XX в. не могли выносить полностью обоснованных суждений о Гентском алтаре из-за сепарации панелей алтаря, произошедшей в силу различных политических и экономических обстоятельств. Метод сопоставления искусствоведческих работ и нахождения панелей Гентского алтаря в промежутке между 1781 и 1945 гг., когда в результате военных дей-

---

* *Забродина Елена Альбертовна*, методист по научно-просветительской работе, Государственный музей изобразительного искусства имени А.С. Пушкина
Zabrodina Elena Al'bertovna, methodologist, The Pushkin State Museum of Fine Arts
+7-903-676-71-28; elena.zabrodina@gmail.com

ствий и политических решений панели алтаря оказались разобщены, дает возможность по-новому взглянуть на его историографию. Целью статьи является выявление дополнительных условий, которые повлияли на изучение полиптиха.

Ключевые слова: ранняя нидерландская живопись, северный Ренессанс, полиптих, братья ван Эйк, Гентский алтарь, атрибуция.

Abstract. The Ghent altar has attracted the attention of art amateurs and connoisseurs since its creation in 1432, but its first studies appeared only in the early nineteenth century. The nineteenth-century scholars, from Johanna Schopenhauer to William Wiel, devoted their monographs to the patrons of the altar, attributed panels of the polyptych and dealt with its socio-cultural context. Panels of the altarpiece more than ten times changed their location after its creation, either during the Napoleonic wars or due to the sale of part of the panels and formation of the first significant museum collections. After the First World War and after the Ghent altar panels were recombined, much more research was devoted to this masterpiece and among its researchers were the chief curator of the Royal Museum of Fine Arts Paul Firens, German and Dutch scholars Hermann Beenken, Max J. Friedländer and Karl Voll. However, after a short peace period of 1918–1939 altar panels were again relocated as a result of the seizure of Belgium by German troops. The “journeys” of the Ghent altar wings were completed only after 1945. The history of the altarpiece after 1432–1435, i.e. after it was painted by Jan van Eyck, deserves further analysis that will allow us to reconsider the methodology of research on this work. Art historians of the nineteenth and the first half of the twentieth century could not attain fully justified judgments regarding the Ghent altar because of the separation of its panels, which occurred due to various political and economic circumstances. The research on the dependence of an art historian’s approach from a particular configuration of the Ghent altarpiece without panels disconnected from it between 1781 and 1945 places the historiography in a new perspective. The objective of the article is to identify additional conditions that have impacted the study of the polyptych.

Keywords: early Netherlandish painting, northern Renaissance, polyptych, the van Eyck brothers, Ghent altar, attribution.

* * *

История исследований Гентского алтаря, одного из ключевых памятников ранней нидерландской живописи, насчитывает чуть меньше двух столетий. Количество работ, посвященных полиптиху братьев ван Эйк, во много раз превышает число исследований других фламандских мастеров XV в. Однако эти работы практически не затрагивают вопроса влияния на оценку исследователей локализации створок алтаря. Возможность реконструкции первоначального вида полиптиха является весьма важной для историографии Гентского алтаря. Авторская позиция чрезвычайно сильно

зависит от возможности увидеть памятник целиком и от состояния алтарных створок памятника на каждом этапе исследований. При этом исследователи могут обращаться к самым разнообразным методам, включая художественно-стилистический анализ, вопросы атрибуции, иконографический анализ или социально-историческое изучение произведения.

Цель настоящей статьи — проанализировать влияние на позицию исследователей Гентского алтаря состояния памятника: локализации створок алтаря и возможности реконструкции полиптиха.

Существует ряд исследований, которые посвящены истории исследования Гентского алтаря. В таких работах, как монография «Путь к ван Эйку», написанная под редакцией Стефана Кемпердика (2012)¹, «Ян ван Эйк: реалист Ренессанса» директора музея Гронинге в Брюгге Тилла-Хоргерта Борхерта (2008)², коллективная монография «Ранняя нидерландская живопись» под редакцией Риббербоса (2005)³, книга Анны ван Гревенстайн «От дерева к алтарю» (2015)⁴ рассматривается ряд вопросов, связанных с темой настоящей статьи. Более пристально влияние разрозненного состояния створок на исследовательскую позицию раскрыто в статье Йориса Хейдера «Гентский алтарь и вечный научный диспут» (2017)⁵. Вопрос о створках полиптиха в берлинских собраниях рассмотрен в статье Стефана Кемпердика и Йоханнеса Ресслера «Гентский алтарь в Берлине: 1820–1920»⁶, история возвращения створок полиптиха в Гент по условиям Версальского мирного договора подробно раскрывается в работе Йоханнеса Ресслера «Гентский алтарь во время Первой мировой войны и заключения мирного договора в Версале»⁷.

Заказ на создание алтаря «Поклонение мистическому агнцу», известного также как Гентский алтарь, получает мастерская братьев

---

¹ *Kemperdick S., Lammertse F. The Road to Van Eyck. Rotterdam, 2012.*

² *Borchert T.-H. Jan Van Eyck: Renaissance Realist. Tashen, 2008.*

³ *Ridderbos B., Buren A. van, Veen H. van. Early Netherlandish Painting. Rediscovery, reception and research. Los Angeles, 2005.*

⁴ *Grevenstein-Kruse A. van. From tree trunk to altarpiece. KIK-IRPA. Ghent, 2015.*

⁵ *Heyder J. The Ghent Altarpiece and an Interminable Scholarly Dispute / In Der Genter Altar. Reproduktionen, Deutungen, Forschungskontroversen / The Ghent Altarpiece. Reproductions, Interpretations, Scholarly Debates / Ed. by S. Kemperdick, J. Rössler, J. Heyder. Petersberg, 2017. P. 151–157*

⁶ *Kemperdick S., Johannes R.. Der Genter Altar in Berlin 1820–1920. Geschichte einer Wiederentdeckung // Der Genter Altar der Brüder van Eyck. Geschichte und Würdigung. Exh. cat. Berlin, 2014–15. Petersberg, 2014. P. 70–99.*

⁷ *Rössler J. Zwischen den Fronten. Der Genter Altar im Ersten Weltkrieg und im Friedensvertrag von Versailles // Der Genter Altar der Brüder van Eyck. Geschichte und Würdigung. P. 100–111.*

ван Эйк около 1420 г.⁸ На алтаре обозначено, что он завершен 6 мая 1432 г., однако в архивах Гента сохранились записи, что ежедневную мессу начинают отправлять спустя три года, в мае 1435 г.⁹

Первые письменные источники, где упоминается Гентский алтарь, — это книга «О знаменитых мужах» (1456)¹⁰ Бартоломео Фацио¹¹, дневники¹² Дюрера, «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (1550)¹³ Джорджо Вазари¹⁴. В это время полиптих находился в соборе святого Иоанна (новое название, в честь святого Бавона, храм получит в 1559 г., когда будет основана Гентская епархия).

Маркус ван Варневейк¹⁵ отмечал, что у полиптиха была пределла, написанная темперой. Но на самом деле высота крипты, где располагался алтарь, была недостаточной, чтобы вместить и алтарь (3,75 м), и пределлу¹⁶. В «Зеркале нидерландских древностей» (1568) Варневейк впервые упоминает имя Хуберта ван Эйка (в тексте воспроизведена эпитафия на могиле Хуберта ван Эйка в Генте¹⁷). Однако во время написания «Зеркала...» между 1566 и 1569 гг. в Генте были иконоборческие бунты протестантов, и все панели были перенесены из собора сначала в башню святого Бавона, затем в городскую ратушу. Таким образом, сведение о пределле становятся еще более спорными, потому что перенос полиптиха осуществлялся по частям, и Варневейк, возможно, видел пределлу другого алтаря.

Затем в течение почти десяти лет — между 1578\79 и 1587\88 — по приказанию Вильгельма Оранского панели алтаря были перенесены в городскую ратушу Гента, чтобы показать их королеве Елизавете.

---

⁸ The Ghent Altarpiece. Ludion Guides, Cathedral of St Bavo. Chent, 2013. P.13.

⁹ *Dhanens E.* Van Eyck: the Ghent altarpiece (Art in context). New York, 1973. P. 24.

¹⁰ *Fazio B.* De viris illustribus. English translation in M. Baxandall “Bartolomeus Facius on Painting: a fifteenth-century Manuscript of De viris illustribus”. Warburg&Courtland Institute, 1964. P. 90–107.

¹¹ *Sorensen L.* “Facio, Bartolomeo”. Dictionary of Art Historians. — URL: <http://arthistorians.info/faciob> (дата обращения: 22.12.2019)

¹² *Дюрер А.* Дневники, письма, трактаты. Т. 1 / Пер. с ранневерхненемецкого, вступ. статья и комм. Ц.Г. Нессельштраус. М.; Ленинград, 1957. С. 147–148.

¹³ *Вазари Дж.* Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. В 5 т. М., 1956–1971.

¹⁴ *Sorensen L.* “Vasari, Giorgio”. Dictionary of Art Historians. — URL: <http://arthistorians.info/vasarig> (дата обращения: 22.12.2019)

¹⁵ The Grove Encyclopedia of Northern Renaissance Art: in 3 vol. / Ed. by G. Campbell. Vol. 3. Oxford University Press, 2009. P. 435.

¹⁶ *Гершензон-Чегодаева Н.М.* Нидерландский портрет XV века. М., 1972. С. 182.

¹⁷ *Ridderbos B., Buren A. van., Veen H.Th. van.* Early Netherlandish paintings: rediscovery, reception, and research. Los Angeles, 2005. P. 218.

Затем алтарь вернули в собор святого Бавона. Часовня Вейдта была обновлена, там было сконструировано новое основание для алтаря или новая пределла, вместо оригинальной. С 1587/88 до 1781 г. «Поклонение мистическому агнцу» уже без пределлы находилось в соборе, поэтому «Книга о художниках» (1604)¹⁸ Карла ван Мандера¹⁹, где снова упоминается Гентский алтарь, была написана уже в то время, когда пределла утрачена. В этот же временной промежуток, в начале 1770-х в Генте побывал Готхольд Эфраим Лессинг²⁰, который в 1774 г. развенчивает миф об изобретении Яном ван Эйком масляной живописи в книге «О прошлом масляной живописи по сведениям пресвитера Теофила». Лессинг указал, что заслуга Яна ван Эйка состоит не в изобретении масляной живописи, а в значительном его усовершенствовании²¹.

Между 1781 и 1821 гг. с алтарем происходит ряд серьезных изменений. В 1781 г. по распоряжению императора Франца Иосифа I полиптих лишен боковых панелей с Адамом и Евой: их убрали из храма в церковную библиотеку. Далее, между 1792 и 1794 гг., во время наполеоновских войн алтарь лишен центральной части (три центральные панели верхнего ряда и «Поклонение агнцу») — французские войска вывезли центральные створки в Лувр. Однако окончание войны с Наполеоном (1815) ознаменовано возвращением всех створок в часовню Вейдта в соборе святого Бавона города Гента. Это было сделано по распоряжению короля Франции Людовика XVIII.

Однако уже на следующий год церковные власти продают боковые створки (Поющие и Музицирующие ангелы, на обороте — Мария и Гавриил из сцены «Благовещение»; Справедливые судьи и воины Христовы, на обороте — Иоанн-Креститель и Йоос Вейдт; Отшельники и Паломники, на обороте — Иоанн Богослов и Элизабет Борлют) арт-дилеру Ньювенхейсу, а тот перепродает коллекционеру Солли, и с 1816 по 1821 г. в Генте находятся только центральная часть открытого алтаря и панели с Адамом и Евой. Все проданные створки находятся в коллекции Солли в Берлине.

Как раз в это время происходит «сдвиг в европейском вкусе в начале XIX в.»²², и начинают появляться первые научные работы,

---

¹⁸ Мандер К. ван. Книга о художниках. М., 2007.

¹⁹ Базен Ж. История истории искусства. От Вазари до наших дней / Пер.с фр. К. Чекалов. М., 1994. С. 43.

²⁰ Sorensen L. "Lessing, Gotthold Ephraim". Dictionary of Art Historians. — URL: <http://arthistorians.info/lessing> (дата обращения: 22.12.2019)

²¹ Borchert T.I.-H. Jan Van Eyck: Renaissance Realist. Tashen, 2008. P. 7.

²² Wood Ch.S. Van Eyck out of Focus. — URL: https://www.academia.edu/38227344/Van_Eyck_Out_of_Focus_by_Christopher_S._Wood (дата обращения: 22.12.2019)

посвященные художникам ранней нидерландской живописи. Одна из первых публикаций, от 1822 г., «Ян ван Эйк и его последователи»²³ принадлежала матери знаменитого немецкого философа Иоганне Генриетте Шопенгауэр²⁴. Это первая монография о художнике, однако в это время, в 1822 г. в соборе святого Бавона был пожар, и значительно пострадала центральная панель алтаря. Таким образом, первый исследователь творчества Яна ван Эйка не мог видеть алтарь в его полном виде. Такая ситуация будет сохраняться до 1920 г. и весьма заметно повлияет на оценки исследователей полиптиха.

Король Фридрих Вильгельм III Прусский приобрел у Солли боковые створки Гентского алтаря (1821) и в 1830 г. открыл публичную картинную галерею в Берлине, где они и экспонировались с этого времени. Однако последовательность панелей была отлична от первоначальной, в частности — расположение панелей закрытого алтаря (было изменено даже местоположение Марии и Гавриила в сцене «Благовещения»). Панели экспонировались в специально изготовленных золотых рамах таким образом, чтобы можно было видеть обе стороны каждой панели. В этом же зале были выставлены копии центральных панелей алтаря: две картины Кокси «Поклонение агнцу» и «Бог на троне» (1557–1559, музей Боде, Берлин, Германия)²⁵.

В период с 1830 по 1861 г. было опубликовано несколько монографий и каталогов, которые задали ключевые направления исследования Гентского алтаря как в XIX, так и в XX в. Коллекционеры из Кельна братья Сьюльпис и Мельхиор Буассерэ опубликовали каталог «Коллекции старой нидерландской и верхненемецкой живописи»²⁶. Они впервые отметили «наличие двух стилистических комплексов в составе Гентского алтаря»²⁷, из чего сделали вывод об участии в создании полиптиха двух художников. Однако эта оценка вклада двух братьев ван Эйк в создание панелей полиптиха была сделана при изучении разобренных панелей. Выводы, к которым приходят братья Буассерэ, основаны на анализе панелей, некоторые из которых были расположены прямо противоположно («Благовещение») в сравнении

---

²³ Ridderbos B., Buren A. van., Veen H.Th. van. Op. cit. P. 219.

²⁴ Sorensen L. “Schopenhauer, Johanna Henrietta”. Dictionary of Art Historians. — URL: <http://arthistorians.info/schopenhauerj> (дата обращения: 22.12.2019)

²⁵ Ridderbos B., Buren A. van., Veen H.Th. van. Op. cit. P. 219.

²⁶ Die Sammlung alt-nieder und ober-deutscher Gemälde der Brüder Boissérée und Bertram, lithographirt von J. N. Strixner. Stuttgart: Verlag der Literarisch-Artistischen Anstalt der Cotta'schen Buchhandlung, 1821–1836. Цит. по Sorensen L. “Boissérée, Sulpiz”. Dictionary of Art Historians. — URL: <http://arthistorians.info/boisserees> (дата обращения: 22.12.2019)

²⁷ Гершензон-Чегодаева Н.М. Западная наука XX века о братьях ван Эйк // Современное искусствоведение Запада. М., 1977. С. 73.

с оригинальной идеей. То же касается и монографии «О братьях ван Эйк» (1822)²⁸, которую написал основатель берлинской искусствоведческой школы Густав Вааген²⁹. Участие Хуберта ван Эйка в создании полиптиха Вааген в этой работе не обсуждал, объясняя разницу в стиле исполнения отдельных панелей алтаря исключительно «творческой эволюцией Яна ван Эйка»³⁰.

В 1823 г. была открыта надпись на нижней части рамы четырех панелей, где изображены святые и донаторы. Она представляет собой катрен, написанный леонинским гекзаметром³¹. В переводе: «Начал [работу] художник Губертус ван Эйк, лучше которого не нашлось. Довел до конца Иоганнес, брат [его], следующий в искусстве, по желанию Йодокуса Вийда; этим стихом он поручает вашему покровительству то, что было завершено 6 мая [1432 г.]».

Именно из этой надписи на обратной стороне полиптиха появляются имена авторов алтаря и дата его создания. Это заставляет Густава Ваагена изменить свое мнение по атрибуции панелей, приписывая те или иные панели то Хуберту, то Яну, основываясь на изменениях оеувге Яна ван Эйка. Его «экспертиза создала фундамент для дальнейших исследований алтаря»³².

В начале 1830-х гг., когда в Генте по-прежнему в соборе находится всего 4 панели (три верхние и центральная панель нижнего ряда открытого алтаря), в Нидерланды приезжает Карл Шнаазе³³. В своих «Записках из Нидерландов» (1834) он указывал, что «религиозный характер произведения искусства укоренен в его форме; религиозная экспрессия опирается на деликатные взаимоотношения цвета и формы, и, в строгом смысле, религия не имеет для этих явлений каких-то стандартов»³⁴. Однако воображение может увести художника от познания вечности, и чтобы этого не произошло, по мнению Шнаазе, живописцу необходимо включать архитектурные элементы в свою работу: «архитектура ближе всего к законам природы... только она

---

²⁸ *Waagen G.F. Über Hubert und Johann van Eyck. Breslau, 1822.* — URL: <http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/waagen1822/0001?sid=41808b89118e9e363c29b6b4e1a2a2e5> (дата обращения: 22.12.2019)

²⁹ *Sorensen L. "Waagen, Gustav Friedrich". Dictionary of Art Historians.* — URL: <http://arthistorians.info/waageng> (дата обращения: 22.12.2019)

³⁰ *Ridderbos B., Buren A. van., Veen H.Th. van.* Op. cit. P. 223.

³¹ *Успенский Б.А. Гентский алтарь Яна ван Эйка. М., 2013. С. 10.*

³² *Ridderbos B., Buren A. van., Veen H.Th. van.* Op. cit. P. 223.

³³ *Sorensen L. "Schnaase, Karl". Dictionary of Art Historians.* — URL: <http://arthistorians.info/schnaasek> (дата обращения: 22.12.2019)

³⁴ *Schmaas Cl. Niederlandische Briefe. Stuttgart, 1834.* — URL: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=gri.ark:/13960/t5m92wg71;view=1up;seq=5> (дата обращения: 22.12.2019)

помогает художнику избежать опасности потерять вечные принципы, выражающие пантеистический элемент»³⁵. Таким образом, именно архитектоника произведения становится ключом, определяющим религиозный характер ранней нидерландской живописи. Автор делает это заключение на основании анализа четырех панелей открытого алтаря (три центральные панели верхнего регистра и «Поклонение агнцу»). Шнаазе пишет, что этот принцип особенно хорошо выражен в панели «Поклонение агнцу», где «строгость композиции смягчается нежностью пейзажа, неба, травы, деревьев и цветов, и преклонившими колени фигурами святых и ангелов»³⁶.

Однако Шнаазе абсолютно игнорирует ситуацию разобченности панелей алтаря и не делает попытку реконструкции полиптиха. Боковые панели, которые хранились в Берлине и с 1830 г. были доступны публике, дополняют архитектонику произведения и вносят новые смысловые коннотации в интерпретацию полиптиха

Шнаазе полностью игнорировал вопрос атрибуции панелей алтаря, однако указал, что стилистическая разница — это «демаркационная линия, разделяющая два больших периода в искусстве: полнота зрелости раннего стиля соединилась в Гентском полиптихе с красотой набиравшего силу нового стилистического направления»³⁷.

Журналист Джозеф Кро³⁸ и художник Джованни Кавальказелле³⁹ начали изучение полиптиха как любители, однако в 1857 г. после публикации совместной книги «Ранние фламандские художники» авторы стали признанными авторитетами в изучении живописи Нидерландов XV в. В их работе была охарактеризована социальная, политическая и экономическая ситуация Фландрии первой половины XV столетия, и сделана новая попытка определить авторство братьев ван Эйк на основе анализа отдельных панелей полиптиха⁴⁰. Но факт перемещения створок и неправильного сопоставления отдельных панелей в музее Берлина затрудняет исследовательскую работу Кро и Кавальказелле.

---

³⁵ Ridderbos B., Buren A. van., Veen H.Th. van. Op. cit. P. 230.

³⁶ Ibid.

³⁷ Гершензон-Чегодаева Н.М. Указ. соч. С. 73.

³⁸ Sorensen L. "Crowe, Sir Joseph Archer". Dictionary of Art Historians. — URL: <http://arthistorians.info/crowej> (дата обращения: 22.12.2019)

³⁹ Sorensen L. "Cavalcaselle, Giovanni Battista". Dictionary of Art Historians. — URL: <http://arthistorians.info/cavalcaselle> (дата обращения: 22.12.2019)

⁴⁰ Cavalcaselle G.B., Crowe J.A. The Early Flemish Painters: Notices of their Lives and Works. London, 1857. — URL: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=gri.ark:/13960/t9089248x;view=1up;seq=7> (дата обращения: 22.12.2019)

«Главный представитель философии Гегеля в искусстве»⁴¹, ученик Гегеля и редактор его «Эстетики», Генрих Гото⁴² работает в берлинских музеях (сначала как ассистент Ваагена) и занимается преимущественно изучением живописи Нидерландов и Германии XV в. Гото в 1842–1843 гг. опубликовал монографию «История немецкой и голландской живописи»⁴³, в которой сформулировал свое видение различий между творчеством старшего и среднего братьев ван Эйк. По его мнению, главной задачей Хуберта, приверженного более ранней традиции, было «углубление религиозного содержания алтаря за счет символических аллюзий»⁴⁴, а Ян ван Эйк достиг максимального приближения к реальной жизни за счет усиления индивидуальности форм и образов и искусно соединил в живописи земное и небесное. Гото приписывал Хуберту три центральные панели верхнего ряда открытого алтаря, а также руководство работой младшего брата над панелью «Поклонение агнцу». Генрих Гото так же, как и ван Мандер, и Вааген, считал, что «Хуберт был жив в то время, когда Ян работал над полиптихом»⁴⁵.

Но в более поздней работе «Живописная школа Хуберта ван Эйка, его предшественники и современники»⁴⁶ (1855–1858) он полностью изменил свою точку зрения, склоняясь к приоритету вклада старшего брата⁴⁷, работу которого полагал более оригинальной. В методологии Гото очевидны два подхода — исторический и знаточеский: «с одной стороны, он подходил к искусству как философ, с другой — пытался учесть традицию, стиль, технику и информацию из письменных источников»⁴⁸. При этом многие суждения Генриха Гото не подтверждаются современными исследованиями, в том числе из-за разобщенности панелей Гентского алтаря в период 1821–1920 гг. Изменение точки зрения Гото на роль Хуберта ван Эйка в создании полиптиха может быть связано с тем, что большая часть исследовательской ра-

---

⁴¹ *Sorensen L.* “Hotho, Heinrich Gustav”. Dictionary of Art Historians. — URL: <http://arthistorians.info/hothoh> (дата обращения: 22.12.2019)

⁴² *Ibid.*

⁴³ *Hotho H.C.* Geschichte der deutschen und niederländischen Malerei. 2 vols. Berlin, 1842–1843. — URL: <https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/hotho1842ga> (дата обращения: 22.12.2019)

⁴⁴ *Ibidem.* Цит. по: *Ridderbos B., Buren A. van., Veen H.Th. van.* Op. cit. P. 223.

⁴⁵ *Ridderbos B., Buren A. van., Veen H.Th. van.* Op. cit. P. 227.

⁴⁶ *Hotho H.C.* Die Malerschule Huberts Van Eyck: nebst deutschen Vorgängern und Zeitgenossen. Berlin, 1855–1858. — URL: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=gri.ark:/13960/t9865xm5c;view=1up;seq=2> (дата обращения: 22.12.2019)

⁴⁷ *Ridderbos B., Buren A. van., Veen H.Th. van.* Op. cit. P. 227.

⁴⁸ *Ibid.* P. 228.

боты Гото была посвящена боковым панелям, которые хранились в коллекции берлинского музея.

Генрих Гото — это также один из первых исследователей Гентского алтаря, кто предложил вариант реконструкции полиптиха. Он настаивал, что центральная панель была выше на несколько сантиметров⁴⁹. Публикацию своего варианта Гото делает в 1861 г., как раз тогда, когда правительство Бельгии покупает панели с Адамом и Евой и передает их в Музей изящных искусств Брюсселя. Поэтому в реконструкции Гото отсутствует ясное объяснение и палитры, и сюжета створок с прародителями.

В Генте после 1861 г. остается только центральная часть открытого алтаря, в картинной галерее Берлина по-прежнему находятся боковые панели. И появляется копия створок с прародителями в соборе святого Бавона, «одетыми», что характерно для XIX в., не одобряющего обнаженной натуры в храмах.

Во второй половине XIX в. происходит качественный скачок в развитии искусствоведения как науки: открываются первые кафедры — сначала в Венском университете (1853)⁵⁰, а затем в Берлине и Париже; начинают выходить научные журналы чисто искусствоведческого профиля — “*Gazette des Beaux-Arts*” (Франция, с 1859 г.), “*Zeitschrift für bildende Kunst*” (Германия, с 1866 г.)⁵¹; появляются историки искусства, выбирающие для своих исследований более узкую, чем это было ранее, область.

Эти изменения в искусствоведении затрагивают и изучение Гентского алтаря. В конце XIX в. «началась вакханалия выдвигания разнообразных гипотез»⁵², связанных с вопросами атрибуции панелей полиптиха. Важным этапом в многообразии появившихся теорий стала работа английского исследователя творчества фламандских художников XV в. Уильяма Уиля⁵³ в архивах Бельгии. Именно он нашел первые упоминания Хуберта (Hubrecht, Ubrecht, Lubrecht) в архивах Гента и реконструировал его биографию⁵⁴. Уиль высказал сомнения в личности заказчика алтаря Йооса Вейдта, основываясь на анализе надписи на обратной стороне алтаря, опубликовал в 1861 г. каталог му-

---

⁴⁹ *Beenken H.* The Ghent van Eyck re-examined // *The Burlington Magazine for Connoisseurs*. Vol. 63. N 365. Aug., 1933. P. 67.

⁵⁰ *Базен Ж.* Указ. соч. С. 118.

⁵¹ История европейского искусствоведения: В 3 кн. / Под ред.: Б.Р. Виппер, Т.Н. Ливанова. Кн. 3: Вторая половина XIX века. М., 1966. С. 31.

⁵² *Гершензон-Чегодаева Н.М.* Западная наука XX века... С. 74.

⁵³ *Sorensen L.* “Kugler, Franz”. *Dictionary of Art Historians*. — URL: <http://arthistorians.info/kuglerf> (дата обращения: 22.12.2019)

⁵⁴ *Гершензон-Чегодаева Н.М.* Западная наука XX века... С. 74.

зея в Брюгге и «Заметки о сэре Яне ван Эйке»⁵⁵. Свои изыскания Уиль обошил в монографии «Хуберт и Ян ван Эйк: их жизнь и работа»⁵⁶, которая была впервые издана в 1908 г. и подвела своеобразную черту под исследованиями Гентского алтаря в XIX в.

Авторитет Уильяма Уиля в оценке Гентского алтаря оспаривался многими исследователями, но ни один из них не использовал в качестве аргумента разобщенность створок алтаря. Итоговая работа Уиля была написана уже после того, как в 1894 г. директор берлинской картинной галереи Боде принял решение разделить двойные панели алтаря для удобства экспонирования. При этом были потеряны оригинальные крепежи и изменена деревянная основа боковых панелей.

Макс Дворжак⁵⁷, еще один выдающийся искусствовед начала XX в., представитель Венской школы, опубликовал в 1904 г. книгу «Загадка искусства братьев ван Эйк», где сконцентрировался на стиле исполнения, который, по его мнению, «с начала изучения Гентского алтаря, не был по-настоящему изучен»⁵⁸. Основным фокусом критики стало представление о Яне ван Эйке как явлении, возникающем будто «изолированный феномен»⁵⁹, вне связи с предыдущими этапами эволюции искусства. Дворжак утверждал, что «центральное трио фигур написано в традиции поздних средних веков, тогда как другие части алтаря созданы в новой манере и исполнены с большим мастерством»⁶⁰. На такое противопоставление оказала влияние в том числе и разобщенность панелей алтаря в этот период.

После окончания Первой мировой войны, по Версальскому мирному договору все панели Гентского алтаря, принадлежавшие Берлинскому музею, вернулись в Бельгию⁶¹. В 1920 г. панели из Берлина, створки с Адамом и Евой из музея Брюсселя воссоединились с центральной частью алтаря. В 1932 г. алтарь отметил 500-летие.

---

⁵⁵ *Sorensen L.* “Weale, William Henry James”. Dictionary of Art Historians. — URL: <http://arthistorians.info/wealew> (дата обращения: 22.12.2019)

⁵⁶ *Weale W.H.J.* Hubert and John Van Eyck: their Life and Work. London; New York, 1908. — URL: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=yale.39002028623792;view=1up;seq=1> (дата обращения: 22.12.2019)

⁵⁷ *Sorensen L.* “Dvorak, Max”. Dictionary of Art Historians. — URL: <http://arthistorians.info/dvorakm> (дата обращения: 22.12.2019)

⁵⁸ *Ridderbos B., Buren A. van., Veen H.Th. van.* Op. cit. P. 240.

⁵⁹ *Dvorak M.* Das Rätsel der Kunst der Brüder Van Eyck. Munich, 1925. P. 13.

⁶⁰ *Ibid.* P. 80.

⁶¹ *Rössler J.* Zwischen den Fronten. Der Genter Altar im Ersten Weltkrieg und im Friedensvertrag von Versailles // Der Genter Altar der Brüder van Eyck. Geschichte und Würdigung. S. Kemperdick, J. Rössler (eds.). Petersberg, 2014. P. 100–111.

Анализ художественных особенностей Гентского алтаря продолжил фундаментальный труд Макса Фридлендера⁶², посвященный ранней нидерландской живописи. В первом томе, изданном в 1924 г., автор резко критично отзывается об оценке Дворжаком особенностей выполнения разных частей алтаря Хубертом и Яном ван Эйками. По его мнению, Дворжак «слишком преувеличивает стилистические контрасты, упуская из виду то, насколько подобные различия могут корениться в тематике изображенного»⁶³. Авторитетность суждений Фридлендера о творчестве Яна ван Эйка, которая будет сохраняться долгое время, во многом обеспечена возможностью более взвешенных суждений в период, когда все панели Гентского алтаря уже воссоединены.

Фридлендер, анализируя стиль создания алтаря, утверждает, что весь полиптих был сделан рукой одного из братьев, а различия в технике исполнения относит также к эволюции Яна ван Эйка⁶⁴. Этой же гипотезы будет придерживаться и бельгийский коллекционер и арт-дилер Эмиль Рендерс⁶⁵, который объявил существование Хуберта ван Эйка «плодом вымысла»⁶⁶. Нужно отметить, что появляется гораздо больше публикаций, посвященных атрибуции отдельных створок алтаря: об этом пишет и главный хранитель Королевского музея изящных искусств Поль Фиренс⁶⁷, и немецкий исследователь Карл Фолль⁶⁸. Такое «исследовательское изобилие» становится возможным благодаря целостности полиптиха в период 1920–1940 гг.

Густав Беекен⁶⁹ в статье 1933 г. на основании аргументов Гото предположил, что весь нижний ряд открытого алтаря составлял отдельное произведение, при этом боковые панели раньше были едиными и оказались перемещены в результате сепарации панели правого крыла⁷⁰. Такой вывод тоже стал возможен благодаря воссоединению створок алтаря.

---

⁶² *Sorensen L.* “Friedlander, Max” Dictionary of Art Historians. — URL: <http://arthistorians.info/friedlanderm> (дата обращения: 22.12.2019)

⁶³ *Friedlander M.* Early Netherlandish Paintings / Transl. in English by H. Norden. Vol.1 Leiden; Brussels, 1967. P. 54.

⁶⁴ *Ibidem.*

⁶⁵ *Sorensen L.* “Renders, Émile”. Dictionary of Art Historians. — URL: <http://arthistorians.info/renderse> (дата обращения: 22.12.2019)

⁶⁶ *Гершензон-Чегодаева Н.М.* Западная наука XX века... С. 77.

⁶⁷ *Fierens P.* Jan van Eyck. Paris, 1931.

⁶⁸ *Voll K.* Die Werke der Jan van Eyck, eine kritische Studie. Strassburg, 1900.

⁶⁹ *Sorensen L.* “Beenken, Hermann Theodor”. Dictionary of Art Historians. — URL: <http://arthistorians.info/beenkenh> (дата обращения: 22.12.2019)

⁷⁰ *Beenken H.* Op. cit. P. 64–65, 67–69, 71–72.

Однако в апреле 1934 г. Гентский алтарь снова утрачивает свое единство. Панели «Праведные судьи» и «Иоанн Креститель» украдены из собора. Вскоре вор вернул панель с Иоанном, а вторая панель до сих пор не найдена. Копия была сделана в том же году реставратором ван дер Фекемом.

Во время Второй мировой войны все панели были вывезены сначала во Францию в музей замка По (до 1942), затем в Париж, потом в замок Нойшванштайн в Баварии, в конце концов алтарь оказался в соляных копиях Зальцбурга. Алтарь был возвращен в Бельгию после окончания войны, в 1945 г., и вскоре была проведена первая комплексная реставрации (1950).

Итак, начиная с первых научных работ, посвященных Гентскому алтарю, заметно, как разобщенность створок алтаря влияла на выводы исследователей в части атрибуции алтаря, на художественно-стилистический анализ произведения, на анализ иконографической программы. Важно отметить, что ряд исследователей (например, Генрих Гото) меняет свои взгляды и основывается на ложных предположениях, не имея возможности анализировать полиптих в его целостном виде. Таким образом, при изучении историографии исследований Гентского алтаря необходимо принимать во внимание фактор разной локализации створок полиптиха, который весьма значительно корректировал исследовательские гипотезы.

Список литературы

Базен Ж. История истории искусства. От Вазари до наших дней. / Пер. с французского К. Чекалов. М.: Прогресс, Культура, 1994. 528 с.

Гершензон-Чегодаева Н.М. Нидерландский портрет XV века. Его истоки и судьбы. М: Искусство, 1972. 197 с.

История европейского искусствознания: в 3 книгах / Под ред. Б.Р. Виппера и Т.Н. Ливановой. Кн. 3: Вторая половина XIX века. М.: Издательство АН СССР, 1966. 331 с.

Мандер К. ван. Книга о художниках. / Пер. с голандского В.М. Минорского. СПб.: Азбука-классика, 2007. 608 с.

Современное искусствознание Запада: о классическом искусстве XIII–XVII вв. Очерки / Под ред. А.Д. Чегодаева. М.: Наука, 1977. 288 с.

Успенский Б.А. Гентский алтарь Яна ван Эйка. М.: РИП-Холдинг, 2013. 328 с.

Baxandall M. Bartholomaeus facius on painting: A fifteenth-century manuscript of the de viris illustribus // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1964. Vol. 27. P. 90–107.

Beenken H. The Ghent van Eyck re-examined // The Burlington Magazine for Connoisseurs. Vol. 63, N 365. August 1933. P. 64–65, 67–69, 71–72.

Borchert T.-H. Jan Van Eyck: Renaissance Realist. Tashen, 2008. 96 p.

Borchert T.-H. Van Eyck to Durer. Early Netherlandish painting & Central Europe 1430–1530. Lannoo Publishers, 2010. 552 p.

Cavalcaselle G.B., Crowe J.A. The Early Flemish Painters: Notices of their Lives and Works. London: J. Murray, 1857. 468 p.

Dvořák M. Das Rätsel der Kunst der Brüder Van Eyck. Munich: R. Piper and Co, 1925. 317 p.

Friedlender M. Early Netherlandish Paintings / Transl. in English by H. Norden. Vol. 1. Leiden; Brussels: Sijthoff, Editions de la Connaissance, 1967. 364 p.

Grevenstein-Kruse A. van. From tree trunk to altarpiece. Ghent: KIK-IRPA, 2015. 144 p.

The Grove Encyclopedia of Northern Renaissance Art: in 3 vol. / Ed. by Gordon Campbell. Oxford University Press, 2009. 2328 p.

Heyder J. The Ghent Altarpiece and an Interminable Scholarly Dispute // Der Genter Altar. Reproduktionen, Deutungen, Forschungskontroversen / The Ghent Altarpiece. Reproductions, Interpretations, Scholarly Debates / Ed. by S. Kemperdick, J. Rössler, J. Heyder. Petersberg: Imhof, 2017. P. 151–157.

Hotho H.C. Die Malerschule Huberts Van Eyck: nebst deutschen Vorgängern und Zeitgenossen. Berlin: Veit & Co, 1855–1858. 260 p.

Kemperdick S., Rössler J., eds. Der Genter Altar in Berlin 1820–1920. Geschichte einer Wiederentdeckung // Der Genter Altar der Brüder van Eyck. Geschichte und Würdigung / Exh. cat. Berlin, 2014–15. Petersberg: Imhof, 2014. P. 70–99.

Kemperdick S., Lammertse F. The Road to Van Eyck. Rotterdam: Museum Boijmans Van Beuningen, 2012. 342 p.

Ridderbos B., Buren A. van., Veen H.Th. van. Early Netherlandish paintings: rediscovery, reception and research. Los Angeles, Calif.: Getty, 2005. 481 p.

Rössler J. Zwischen den Fronten. Der Genter Altar im Ersten Weltkrieg und im Friedensvertrag von Versailles // S. Kemperdick, J. Rössler (eds.). Der Genter Altar der Brüder van Eyck. Geschichte und Würdigung. Petersberg: : Imhof, 2014. P. 100–111.

Schmaase C. Niederlandische Briefe. Stuttgart: Cotta, 1834. 526 p.

Sorensen L. Dictionary of Art Historians. — URL: <http://arthistorians.info/>

Waagen G.F. Über Hubert und Johann van Eyck. Breslau: Max, 1822. 274 p.

Weale W.H.J. Hubert and John Van Eyck: their Life and Work. London; New York: J. Lane, 1908. 608 p.

Wood Ch S. Van Eyck out of Focus // In His Milieu: Essays on Netherlandish Art in Memory of John Michael Montias. New Heaven: Yale University Press, 2006. P. 467–482.

Поступила в редакцию
15 сентября 2019 г.

История алтаря после его создания, 1432–1945 гг.

Хронология	Состояние алтаря	Исследователи
1432–1566	Все панели находятся в соборе.	Бартоломео Фацио, Альбрехт Дюрер
1566–1569	Все панели перенесены из собора сначала в башню святого Бавона, затем в городскую ратушу. Иконоборческие бунты протестантов в Генте.	Джорджо Вазари, Маркус ван Варневейк
1578/79–1587/88	По приказанию Вильгельма Оранского панели переносят в ратушу, чтобы показать королеве Елизавете.	
1587/88–1781	Все панели находятся в соборе, обновлен алтарь в часовне Вейдта, сконструировано новое основание для алтаря, или новая предельца, вместо оригинальной.	Карел ван Мандер, Готхольд Эфраим Лессинг?
1781–1792/94	Алтарь лишен боковых панелей с Адамом и Евой. По распоряжению императора Франца Иосифа I их убрали в церковную библиотеку.	
1792/94–1815	Алтарь лишен центральной части (три центральные панели верхнего ряда и «Поклонение агнцу»). Во время наполеоновских войн французские войска вывезли центральные створки в Лувр.	
1815–1816	Все панели алтаря в соборе. Король Франции Людовик XVIII вернул центральные створки в Гент.	
1816–1817	В Генте только центральная часть открытого алтаря и панели с Адамом и Евой. Церковные власти продают боковые створки (Поющие и Музицирующие ангелы, на обороте Мария и Гавриил из сцены «Благовещение; Справедливые судьи и воины Христовы, на обороте Иоанн-Креститель и Йоос Вейт; Отшельники и Паломники, на обороте Иоанн Богослов и Элизабет Борлют) арт-дилеру Ньювенхейсу, а тот перепродает коллекционеру Солли.	

1817–1821	В Генте только центральная часть открытого алтаря и панели с Адамом и Евой. Все проданные створки находятся в коллекции Солли в Берлине.	
1821–1830, 1830–1861	В Генте только центральная часть открытого алтаря и панели с Адамом и Евой, центральная панель очень пострадала во время пожара 1822 г. и была реставрирована. Король Фридрих Вильгельм III Прусский приобрел у Солли боковые створки Гентского алтаря (1821) и в 1830 г. открыл публичную картинную галерею в Берлине, где они и экспонировались. При этом последовательность панелей была отлична от первоначальной (в частности, была изменена даже последовательность Марии и Гавриила в сцене «Благовещения»). Панели экспонировались в специально изготовленных золотых рамах, так чтобы можно было видеть обе стороны каждой панели. В этом же зале были выставлены копии центральных панелей алтаря — две картины М. Кокси «Поклонение агнцу» и «Бог на троне» (1557–1559, музей Боде, Берлин, Германия).	Иоганна Генриетта Шопенгауэр, Братья Буассерэ, Густав Вааген, Генрих Гото, Карл Шнаазе, Джозеф Кро, Джованни Кавальказелле
1861–1894	В Генте только центральная часть открытого алтаря. В музее изящных искусств Брюсселя находятся панели с Адамом и Евой (правительство Бельгии купило их в 1861 г.). В картинной галерее Берлина — боковые панели алтаря.	Уильям Уиль
1894–1920	В Генте только центральная часть открытого алтаря, в 1914–1918 гг. панели прячут от немецких войк. В музее изящных искусств Брюсселя — панели с Адамом и Евой. Директор берлинской картинной галереи Боде принял решение разделить двойные панели алтаря для удобства экспонирования. При этом были потеряны оригинальные крепежи и изменена деревянная основа боковых панелей.	Уильям Уиль, Эмиль Рендерс, Макс Дворжак
1920–1934	Все панели в соборе в Генте. Боковые панели вернули по Версальскому договору. В 1932 г. была отпразднована 500-летняя годовщина создания алтаря.	Макс Фридендер, Густав Беенкен

1934–1940	<p>Все панели кроме Праведных судей в соборе в Генте.</p> <p>В апреле 1934 г. панели «Праведные судьи» и «Иоанн Креститель» украдены из собора, вскоре вор вернул панель с Иоанном, а вторая панель до сих пор не найдена. Копия была сделана в 1934 г. реставратором ван дер Фекеном</p>	
1940–1945	<p>Все панели вывезены сначала во Францию в музей замка По (до 1942), а затем в Париж, потом в замок Нойшванштайн в Баварии, позже алтарь оказался в соляных копиях Зальцбурга</p>	

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» публикует статьи и материалы по отечественной и всеобщей истории, истории искусства, источниковедению, историографии и вспомогательным историческим дисциплинам, этнологии, археологии, архивные документы с научными комментариями, информацию о научных мероприятиях с участием сотрудников исторического факультета МГУ.

Страницы журнала открыты для дискуссий, поэтому его содержание может не отражать точку зрения учредителей и редакционной коллегии. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий, статистических и иных сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» выходит один раз в два месяца. При перепечатке материалов журнала в другом издании ссылка на первую публикацию обязательна.

Требования к оформлению статей:

- текстовый редактор: Microsoft Word;
- шрифт: Times New Roman (Times New Roman Cyrillic), 12 кегль;
- полуторный междустрочный интервал (как в тексте, так и в сносках);
- сноски: нумерация сквозная, расположение постраничное, шрифт — 10 кегль, фамилии авторов выделяются курсивом;

Текст представляется в редакцию в распечатанном виде и на usb-накопителе без компьютерных вирусов. Объем статьи — не более 32 тыс. знаков с пробелами для аспирантов, не более 60 тыс. знаков с пробелами — для преподавателей и научных сотрудников. Схемы, рисунки, фотографии и другие изобразительные материалы — на отдельных листах и в отдельных файлах на usb-накопителе.

Статья должна содержать:

- аннотацию объемом от 250 до 300 слов;
- 6–8 ключевых слов или словосочетаний (в словосочетании не должно быть более трех слов);
- сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

- список литературы, т.е. перечень всех исследований, процитированных и упомянутых в статье, с указанием издательства и количества страниц.

Предлагаемую для публикации статью нужно сопроводить выпиской из протокола заседания профильной кафедры исторического факультета МГУ с рекомендацией ее к печати. Редакция организует для всех полученных ею статей, в том числе от авторов, не работающих и не обучающихся на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, двойное «слепое» рецензирование.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Плата за публикацию рукописей не взимается.